В.Сухомлинский

Мудрость родительской любви

библиотека для родителей

библиотека для родителей

В. Сухомлинский

Мудрость родительской любви

Москва
«Молодая гвардия»
1988

ББК 74.90
С 91

Составитель
А. И. Сухомлинская
В книге представлены фотографии
Павлышской средней школы,
в которой работал В. А. Сухомлинский
(фото из архива А. И. Сухомлинской)

На обложке дан фрагмент
картины *И. А. Зариня*
«Сегодня в мире».

С $\frac{4301000000-020}{078(02)-88}$ 078—87

ISBN 5—235—00608—9

К ЧИТАТЕЛЯМ

У вас в руках книга «Мудрость родительской любви», в которую вошли произведения из педагогического наследия В. А. Сухомлинского (1918—1970), известного советского педагога, подвижника, отдавшего всю свою жизнь, все свое сердце самому благородному делу на Земле — воспитанию Человека. «Сердце отдаю детям» — так называлась одна из книг Василия Александровича, который не только разработал педагогическую систему, но и — а это, по-видимому, главное — проверил ее жизнью, практикой, работая директором Павлышской средней школы с послевоенного 1948 года и до конца своей жизни.

...В наши дни мы стали свидетелями широкого общественного интереса к педагогике, к проблемам воспитания, который охватил все общество, не оставив в равнодушии ни одного из нас: передачи о воспитании, встречи с известными педагогами приковывают к телеэкранам многие тысячи заинтересованных взглядов, книги по проблемам семьи, советы психологов, педагогов, медиков — все это по нашим временам идет нарасхват. И хотя мы слишком поздно спохватились в своей заботе о семье, школе, важно, что этот интерес появился, он стал живым, действенным, его всячески поддерживает наше государство.

Семья... Основа всего человеческого и основа нашего общества. Сколько было неутешительных прогнозов, непродуманных планов и экспериментов, удручающих фактов, и вот теперь мы вернулись к началу, поняли, что без наведения порядка в каждой конкретной семье, без внимания к семейным заботам и радостям не будет порядка и в нашем общем доме, не воспитаем мы и нашу смену. Забота о семейной педагогике уже в то время волновала В. А. Сухомлинского, не отделявшего школьное воспитание от семейного и считавшего, что «нет сложнее мудрости, чем отцовская и материнская мудрость воспитателей человека». Обращаясь к вам, молодые родители, В. А. Сухомлинский писал: «Я убежден твердо в том, что семья — это та сказочная пена морская, из которой рождается красота, и если нет таинственных сил, рождающих эту человеческую красоту, функция школы всегда будет сводиться к перевоспитанию».

Читая эту книгу, вы не найдете здесь нередко пугающей нас «занаученности» и поучающего менторского тона специалистов от педагогики. Нет, это разговор, беседа с родителями, сыновьями и дочерьми. Разговор страстный и поэтичный, наполненный личной болью, опытом жизненных ситуаций, мно-

гие из которых звучат скорее как общечеловеческие, народные притчи, легенды. Мудрость педагогики Сухомлинского не в умозрительных конструкциях, не в раскладывании по полочкам «засушенных» фактов и фактиков, а в том, что это народная педагогика, тесно связанная с народными традициями воспитания, с корнями народной жизни, логики, с очищающей душу любовью к первооснове всего на Земле — к человеку-труженику.

Многие годы различные процессы разрывали, подтачивали семью изнутри, что приводит сейчас нередко к разрыву взаимопонимания поколений, к обособленности желаний и стремлений молодежи. Сейчас очень важно найти «болевые точки» этого процесса, извлечь уроки, чтобы восстановить доброе имя семьи, подготовить наших детей к трудной жизненной стезе — быть гражданином и воспитать гражданина. Для В. А. Сухомлинского воспитание — это нечто целое, это ребенок, его духовная жизнь, а не отдельно «умственное», отдельно «нравственное», отдельно «трудовое» воспитание. Как воспитать настоящего человека — вот главный вопрос его творчества.

В сборнике представлены работы, статьи В. А. Сухомлинского, опубликованные в газетах и журналах в 60-е годы. Материал для этих публикаций брался из жизни страны того времени, но проблемы, затронутые автором, остались актуальными и по сегодняшний день.

РОДИТЕЛЬСКАЯ ПЕДАГОГИКА

Дорогие матери и отцы!

За последние два года я получил от вас тысячи писем. Ответить на каждое из них в отдельности невозможно. Но и не ответить — тоже нельзя. Когда я открываю многочисленные папки с материнскими и отцовскими письмами, мне кажется, что я прикасаюсь к обнаженным сердцам, — так много боли, горечи и страданий в этих маленьких листочках. Вот и сегодня почта принесла девять писем. Читаю их, и сердце мое наполняется чужим горем. Нет, не чужое оно. Если пройти равнодушно мимо этих маленьких листочков, если ничего не сделать, чтобы помочь каждому человеку, — кто же тогда поможет?

В одних письмах — первая материнская тревога: что-то с сыном или дочкой не так получается, как хотелось бы... Какая-то тень легла на семейную жизнь... «Сын учится в третьем классе,— пишет мать из г. Новосибирска. — До школы мальчик выучился читать и писать, в первом классе был отличником, но теперь вижу: с каждым месяцем все больше угасает у мальчика интерес к учению. Вижу, безразлично ему, какая будет оценка — тройка или пятерка? В чем дело? Почему это так получается? Не только у нас, но и у других матерей и отцов, по их рассказам, то же самое. Как воспитать у ребенка интерес к учению? Как добиться, чтобы мальчишка рвался к книге, чтобы рассвет заставал его над книгой (знаю я одного такого подростка)?»

«Что нам делать с тринадцатилетним сыном? — пишет отец из г. Волжска.— Был тихий, послушный, покорный... и вдруг, ни с того ни с сего, как будто бы сглазил кто, как говорили наши деды,— грубит, поступает наперекор нашим просьбам и увещеваниям, отвечает дерзостью. Что делать? Если и дальше в мальчишке злое, недоброе будет развиваться так быстро, что же будет?»

В третьем письме — уже не тревога, но боль, отчаяние. «Сын у меня один... — пишет мать из Донецка. — Учился до недавнего времени в девятом классе. Всю свою душу, всю жизнь отдала я ему. От личного счастья отказалась, чтобы отдать сердце только ему, чтобы он был счастливым. Во всем отказывала себе, чтобы он не чувствовал ни в чем недостатка. И вдруг большое горе

свалилось на меня. Приходит однажды сын домой и говорит: «Уже три дня не хожу в школу. Не буду учиться. А заставлять будешь — уйду из дому...» Стала я плакать, уговаривать. Сын разгневался: «Пойду работать, заработаю денег, отдам тебе все, что ты на меня израсходовала, и больше знать тебя не хочу!» За что такое оскорбление? Ведь это нож в сердце. Чем я заслужила такое? Жила-то я ведь только для него...»

В разных вариантах повторяется одна и та же трагедия: дети перестают верить в добро и человечность, сердца их грубеют и ожесточаются... И тот же материнский вопль: что делать?

Не только письма. Со своим горестным «что же дальше?» едут матери из многих городов нашей страны. Беседы — трудные, откровенные, как и столь же откровенные письма, — убедили меня в том, что нашему обществу — и родителям, и молодежи, которой в будущем строить семью, — необходима Родительская педагогика. Да, книга о семье, о моральной подготовке к вступлению в брак, о воспитании детей. Родительская педагогика должна стать настольной книгой каждого нашего гражданина. Родительскую педагогику надо изучать в специальных родительских школах. На первом плане должна стать наука о воспитании человека.

В семье начинается общественное воспитание. В семье, образно говоря, закладываются корни, из которых вырастают потом и ветви, и цветы, и плоды. На моральном здоровье семьи строится педагогическая мудрость школы.

Давно, больше 30 лет, ежедневно встречаюсь я с родителями. И в индивидуальных беседах, и на занятиях родительской школы самым острым, жгучим вопросом, который ставят родители, является вопрос «как?». Как воспитывать? Как найти гармонию родительской любви, ласки и требовательности? Как дать детям счастье? Нет сложнее мудрости, чем отцовская и материнская мудрость воспитания человека. Всю жизнь я стремился постичь эту мудрость. Вот результат моих раздумий — маленькая книжечка Родительская педагогика. Может быть, она станет хотя бы одной страницей той Родительской педагогики, о которой я говорил как о настольной книге отца и матери. Пусть она будет одной крупицей в сокровищнице педагогической мудрости родителей — и это будет большое счастье для автора.

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

К МАТЕРИНСКОМУ И ОТЦОВСКОМУ ДОЛГУ ЧЕЛОВЕКА НАДО ГОТОВИТЬ ЧУТЬ ЛИ НЕ С КОЛЫБЕЛИ — ВОТ В ЧЕМ ПРОБЛЕМА

Мать привела в школу дочь.

Мать... Она почти не изменилась с того времени, как 10 лет назад вышла к столу, взяла экзаменационный билет и без подготовки выдержала экзамен — блестяще ответила на все вопросы по истории. Потом — такие же ответы по литературе, по математике, химии, физике. Она была гордостью школы. Прошли годы. Сейчас она уже мать, привела записывать в дошкольную группу дочку. Словно угадывая мое желание узнать что-нибудь о ее жизни, молодая мать рассказывает:

— Поступила в институт, окончила два курса. Училась очень хорошо. Но суждено было иное. Вышла замуж. У мужа работа была связана с переездами, институт пришлось оставить. С мужем прожила полгода. Разошлись. Когда скажешь кому-нибудь об этом — сочувственно молчат или пытаются утешить какими-нибудь случайными словами. Не нужно ни сочувствия, ни утешения. Я в большой обиде на тех, кто воспитывал нас в годы юности.

Женщина вздохнула и замолчала. Я чувствовал, что ее волнуют те же мысли, которые не один год волнуют и меня, и спросил:

— Какая же у вас обида?

— Не учили жить. Ведь разошлись мы с мужем не из-за какого-то разочарования друг в друге, не из-за того, что, как привыкли говорить, «не сошлись характерами». Нет, мы просто не умеем жить. Не умеем быть мужем и женой. Ни он, ни я. Не умеем любить друг друга. Да, человеческая любовь требует большого умения. Мы просто не представляли себе, что это такое — любовь мужа и жены, и никто нам даже не пытался сказать об этом. Не умеем мы уважать друг друга. Не умеем чувствовать рядом с собой человека. Не умеем уступать друг другу. Не умеем подчинять чувства разуму, не умеем дорожить жизнью, — о, как это важно, уметь дорожить жизнью!

У нас тогда был большой разговор с молодой матерью. Он навсегда сохранился в моей памяти и в сердце. И сейчас, когда я стал писать Родительскую педаго-

гику, я подумал: где же первая страница этой книги? Первой страницы-то и нет — вот в чем беда. Строим здание, а фундамента нет. Ведь действительно, мы не учим в школе самому главному — не учим жить. Учим всему, знают наши питомцы множество полезных и нужных (а иногда и не очень нужных) вещей: и в каком состоянии материя в центре Солнца, и сколько атомов вещества в кубическом сантиметре межзвездного пространства, и что записано было в законах царя Хаммурапи, и что такое гравитация... но ничего не знают о том, как человеку готовиться к семейной жизни, что это значит — быть женой и мужем, матерью и отцом своих детей. Не задумываемся мы — ни педагоги, ни родители, что важнейшая мудрость жизни, которую должен постигнуть каждый наш гражданин, — это человеческие взаимоотношения. Забываем мы, что, образно говоря, каждое существо, рожденное человеком, еще не есть человек, человеком его надо сделать; каждое человеческое существо, как только оно научилось мыслить и чувствовать, устремляется к тому колодцу, который называется счастьем — человеческим счастьем. Каждый жаждет счастья, но далеко не каждый трудится, чтобы углубить этот колодец, открыть в нем новые родники. Учить в детстве открывать родники счастья для других людей — вот какого предмета пока еще, к сожалению, нет в школьном воспитании.

На педагога, который посвятил бы воспитательную беседу с восьмиклассниками или девятиклассниками теме «Взаимоотношения мужа и жены в молодой семье», посмотрели бы как на чудака. А между тем говорить об этом с молодежью значительно важнее, чем о гробницах ассирийских царей или о центре Галактики.

Замечали вы, конечно, вот что: как только на уроке в старшем классе заходит речь (по литературе, скажем, никак не обойдешь, программа требует) о любви, браке, рождении детей, лица подростков, юношей и девушек расплываются в улыбках, начинается шушуканье... В этом, как в зеркале, я вижу легкомысленное отношение старших к важнейшим вопросам жизни человека, к его будущему. Я считаю идеалом такое положение, чтобы в те мгновения, когда речь заходит о любви, браке, детях, человек — и маленький наш человек, ребенок, и подросток — должен чувствовать то же самое, что чувствует эмоционально воспитанный человек при

виде тысячелетнего памятника искусства. Нам, старшему поколению, надо научиться говорить с детьми и юношеством о великом и прекрасном — любви, браке, деторождении, человеческой верности до гроба, о смерти и памяти сердца. До тех пор, пока мы не научимся об этом говорить и думать, мы не научим наших детей чистоте и красоте помыслов и чувств. Невежество же в этой сфере оборачивается слезами и горем детей.

На протяжении последних 10 лет я изучил причины разводов 200 молодых семей. 189 разводов произошли именно из-за неумения молодоженов понять друг друга. Вступая в брак, юноша и девушка понятия не имеют о той сложной, тонкой культуре взаимоотношений, которой требует жизнь в браке. Им никто не говорил, и они не знают, что жить в браке, жить изо дня в день вместе, в одной комнате, не в считанные часы свиданий, а всю жизнь, — это большой, ни с чем не сравнимый труд, духовный труд, напряжение. Для этого нужна огромная духовная культура, духовная подготовка, школа мудрости.

А школы этой, как ни странно, нет, нет поэтому и первой страницы Родительской педагогики. Поэтому к рождению детей некоторые молодые люди подготовлены в нравственном отношении так же, как неграмотный человек, не знающий азбуки, подготовлен к постижению философии. Жизнь требует того, чтобы для юношей и девушек в старших классах средней школы был введен курс о культуре взаимоотношений в семье, о браке, рождении и воспитании детей. И читать этот курс должен духовно богатый, морально прекрасный человек. На убедительных фактах надо раскрывать перед завтрашними отцами и матерями суть той истины, что жить в браке — это значит ежечасно соприкасаться мыслью, сердцем, чувствами с человеком, сначала с мужем, с женой, а потом с детьми. Это очень сложно и тонко — постигнуть разумом и сердцем, казалось бы на первый взгляд, простые жизненные вещи. Эти вещи требуют большой мудрости матери, отца, педагога. И если мы по-настоящему будем открывать перед юношами и девушками мудрость и сложность жизни, это поможет им стать зрелыми, осмотрительными, не будет того легкомыслия, которое еще есть сейчас во взглядах и поступках многих молодых людей.

Если бы мне поручили составление программы этого

самого нужного в старших классах предмета — «Семья, брак, любовь, дети», я на первое место поставил бы вопрос культуры человеческих желаний. Ведь что такое умение жить в браке — человеческое умение любить, уважать друг друга, чувствовать человека рядом с собой? Это прежде всего умение руководить, управлять своими желаниями, умение поступаться частью своих желаний во имя блага семьи, родителей, детей, умение ограничивать свои желания. В мире, который дает простор для расцвета человеческих желаний, счастлив лишь тот, кто умеет быть властелином своих желаний, — запомните это, дорогие отцы и матери, и учите этому своих детей. Разводиться торопятся прежде всего эгоисты, индивидуалисты — те молодые люди, для которых личные желания превыше всего. Пусть будет в нашей мудрости, дорогие отцы и матери, которую мы передаем своим детям, самая сокровенная страничка: «Гармония желаний в молодой семье». Раскрывая письмена этой странички, нам надо анализировать все, что может происходить в молодой семье, на поучительных примерах показывать, как возникают человеческие желания, какие из них можно удовлетворять и в каких именно условиях, а какие нужно уметь сдерживать; как подчинять свои желания общим интересам семьи. Я не преувеличу, если скажу, что молодые родители, не умеющие быть мужем и женой, зачастую так же беспомощны, неумелы и неопытны, как дети; им и помогать надо, к сожалению, как детям; и вот большое горе приходит тогда, когда эти взрослые дети рожают детей, — беда и обществу, и детям, рожденным теми, кто сам еще ребенок по своему нравственному и духовному развитию.

Раскрою маленькую тайну. Курс «Семья, брак, любовь, дети» есть. Мы уже несколько лет учим юношей и девушек, как морально готовиться к браку и жить семейной жизнью, в чем состоит культура человеческих взаимоотношений, как воспитывать своих детей. Безусловно, преподавать этот очень важный предмет при отсутствии на него времени в учебном плане — нелегкое дело. Но какими бы ни были трудности, надо преодолевать их, потому что предмет этот не менее важный, чем математика, физика, химия. Если не самый важный. Подумайте сами: не всем быть физиками и математиками, а родителями быть всем, мужем и женой — всем.

Пусть не поймут меня так, будто я принижаю роль математики и других естественных наук. Без знания этих предметов невозможен даже вход в прихожую науки. Но все же знания о человеке еще важнее. И если не сегодня, то завтра в школьном учебном плане предмет о культуре человеческих взаимоотношений будет стоять первым, ибо мы живем в век человека.

Дорогие отцы и матери, давайте же воспитывать у своих детей моральную готовность к материнству, отцовству.

Что это такое — моральная готовность к материнству и отцовству? Человеческая сущность наиболее ярко раскрывается в долге. В том, что человек возлагает на себя ответственность за другого человека. Долг, долг и еще раз долг — вот та атмосфера, в которой надо воспитывать существо, родившееся человеком, чтобы оно достойно было называться высоким именем Человека.

БЕСЕДА ВТОРАЯ

О ГРАЖДАНСКОЙ И МОРАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ

Материнские, отцовские чувства трудно передать словами. Их может вполне постигнуть лишь тот, кто сам стал отцом или матерью. Помню волнующее событие, которое произошло у нас в школе. У молодых супругов — учителя и учительницы — долго не было детей. Десять лет ждали он и она — ждали родительского счастья и уже мало верили, что оно заглянет к ним. Но вот молодая женщина забеременела. Со слезами радости рассказала она об этом в учительской — сначала женщинам, ну а женщины рассказали мужчинам. Все радовались и поздравляли. А когда молодой отец привез жену с сыном домой, он, счастливый и взволнованный, зашел с ребенком на руках в школу. Хотел что-то сказать и заплакал. А потом, преодолев волнение, сказал: «С той минуты, как прозвучал его крик, я почувствовал себя совсем другим человеком. От сердца моего отделилась маленькая крошка, а чувство такое, что это второе мое сердце, второе мое существо». Потом он рассказывал, что и в классах, на уроках, он теперь совершенно по-другому увидел детей. «Каждая детская боль стала моей собственной болью».

Вдумаемся, отец и мать, в эти слова. Рождая ребенка, мы отделяем частицу своего сердца. Нет благороднее, выше миссии для человека-творца, чем отцовство и материнство. С той поры, как частица от твоей плоти стала дышать и открыла глаза на мир, ты возложил на себя огромную ответственность: каждое мгновение, видя своего ребенка, ты видишь себя. Воспитывая своего ребенка, ты воспитываешь себя, утверждаешь свое человеческое достоинство.

Есть десятки, сотни профессий, специальностей, работ: один строит железную дорогу, другой возводит жилище, третий выращивает хлеб, четвертый лечит людей, пятый шьет одежду. Но есть самая универсальная — самая сложная и самая благородная работа, единая для всех и в то же время своеобразная и неповторимая в каждой семье, — это творение человека.

Отличительной чертой этой работы является то, что человек находит в ней ни с чем не сравнимое счастье. Продолжая род человеческий, отец и мать повторяют в ребенке самих себя, и от того, насколько сознательным является это повторение, зависит моральная ответственность за человека, за его будущее. Каждое мгновение этой работы, которая называется воспитанием, это творение будущего и взгляд в будущее.

В воспитании органически сливается общественное и интимное. В этом слиянии, на мой взгляд, и заключается гармония человеческого счастья.

Если вы мечтаете оставить после себя след на земле — не обязательно быть выдающимся писателем или ученым, творцом космического корабля или открывателем нового элемента периодической системы. Вы можете утвердить себя в обществе, воспитывая хороших детей. Хороших граждан, хороших тружеников, хорошего сына, хорошую дочь, хороших родителей.

Творение человека — высшее напряжение всех ваших духовных сил. Это и жизненная мудрость, и мастерство, и искусство. Дети не только и не столько источник счастья. Дети — это счастье, созданное вашим трудом. Помните это — и ты, юноша, с замиранием сердца ожидающий часа свидания с любимой, и ты, молодой отец, у которого в колыбели уже поет свою вековечную песню дитя, и ты, поседевший, умудренный радостями и тревогами семейной жизни, отец детей и де-

душка внуков своих. Счастье отцовства и материнства не манна небесная, оно не приходит праздничным гостем, как только вы, юноша и девушка, стали мужем и женой. Оно трудное и выстраданное — это счастье, оно приходит только к тем, кто не боится единообразного, многолетнего труда до самозабвения. Сложность этого труда состоит в том, что он представляет собой слияние разума и чувств, мудрости и любви, умение, наслаждаясь нынешним мгновением, тревожно заглядывать в будущее. Там, где утрачена эта мудрая отцовская и материнская способность, счастье становится призраком.

Вспоминается одна горькая история. Жил в нашем районе добрый человек, хороший, почитаемый и уважаемый труженик — комбайнер. За самоотверженный труд наградили человека орденом. Часто портреты его помещали в газетах, а однажды даже у дороги поставили стенд с большим портретом Ивана Филипповича и написали: вот с кого надо брать пример. Был у Ивана Филипповича сын — тоже Иван. Любили отец и мать единственного ребенка, но неразумной была эта любовь: удовлетворяли все прихоти Ивасика. Покупали все, что пожелает дитя (так до четырнадцати лет называли родители сына). А сын почувствовал, что он купается в лучах отцовской славы, не испытал никаких трудностей — и вырос большим лодырем. Все ему доставалось легко, но чем легче достаются человеку радости и счастье в детстве и отрочестве, тем меньше подлинного счастья знает он в зрелой жизни. Задумайтесь над этой закономерностью воспитания, дорогие мать и отец. Учителя приглашали, бывало, Ивана Филипповича в школу, но ему все некогда было: то на заседании правления колхоза, то в район вызвали для обмена опытом, то в соседний колхоз поехал проверять договор на социалистическое соревнование. Однажды случилось несчастье: избил Иван свою одноклассницу так, что врача пришлось вызывать. Послали за Иваном Филипповичем: иди, отец, скорее в школу, несчастье с сыном. «Какое несчастье?» — тревожно спросил отец. Рассказали, в чем дело. Отец облегченно вздохнул: «Я думал, что с ним какое-нибудь несчастье... Некогда мне сейчас в школу идти. Еду на слет ударников».

Вечером Ивана Филипповича все-таки удалось пригласить в школу. Выслушав взволнованный рассказ вос-

питателя, не сказав ни слова, он пришел домой, избил сына, объясняя причину своего гнева: «Чтобы в школу меня больше не вызывали». А на следующий день Ивасик пошел в поле, взял две горсти грязи и залепил глаза на отцовском портрете. Понял Иван Филиппович, что воспитание — это тонкая работа разума и сердца... понял, но поздно. Задумаемся над этой жизненной историей. Поучительна она и для того, чей сын в колыбели, и для того, у кого дочь — невеста.

Получил я недавно письмо от одного хорошего рабочего с Урала. «Наградили меня орденом, — пишет отец. — Все поздравляют, радость в доме. А сын, подросток 12-летний, пятиклассник, тоже поздравил меня — убежал из дому... Страшными стали для меня эти дни. Передумал все, что делал, как жил. И пришел к выводу: не сын виноват, а я. Не знал я, чем он живет. Единственной заслугой моей, кажется, только и было, что породил его... Ни одной детской радости не принес ему. А как только в школе какая-нибудь неудача у сына — избивал его. Возненавидел меня сын. Вот теперь я и стою на распутье: для чего мне и орден, и почет, и уважение товарищей, если нет самого главного...»

Вдумайтесь в эти кровью написанные строчки. Какая бы у вас ответственная, сложная, творческая работа ни была на производстве, знайте, что дома вас ожидает еще более ответственная, более сложная, более тонкая работа — воспитание человека. Это не только самая важная, самая нужная, самая неотложная работа для вас. Этого требует и великий принцип нашего общества: человек — высшая ценность среди всех ценностей мира. Надо понять каждому из нас, уважаемые отец и мать, что невоспитанный человек, нравственный невежда, недоучка — то же, что самолет, выпущенный в полет с испорченными двигателями: погибнет сам и принесет гибель людям.

Если вас приглашают в школу, идите, договаривайтесь на производстве, чтобы вам дали отпуск. В селах нашей республики я знаю уже больше десяти колхозов, где отца, у которого не ладится что-то в семье с воспитанием детей, не допускают к работе на производстве недели две. В конце концов нравственные невежды, недоучки причиняют вред обществу в тысячу раз больший, чем то, что отец получает на две недели отпуск (конеч-

но, без оплаты), чтобы по-настоящему подумать о воспитании детей, заглянуть в душу самому себе.

Однажды я спросил у председателя колхоза, который строго придерживался правила об отпуске отцам-неудачникам: «Велики ли потери от этого для хозяйства? Оправданны ли эти потери?» Председатель ответил: «Прямых потерь нет — отец, вынужденный заняться только воспитанием, зарплаты не получает. Косвенные потери — рублей сто в год на весь колхоз. Но лучше обществу потерять сто рублей, чем потерять обществу одного человека».

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ

ВИДЕНИЕ СОБСТВЕННОГО НРАВСТВЕННОГО ОБЛИКА

Я читал, что в Москве ежемесячно справляют несколько тысяч свадеб. Это замечательно. Хотелось бы, чтобы каждый юноша, вступающий в брак, проверил себя, готов ли он к воспитанию детей.

«А если не готов, — спросит юноша, завтрашний отец, — то что же, не жениться?»

Нет, в этой тонкой сфере человеческой жизни не надо прибегать к столь категорическим ответам. В жизни человека огромную роль играет самовоспитание. Воспитанным можно назвать в полном смысле того человека, который умеет воспитывать сам себя.

И вот это видение собственного духовного мира, взгляд в собственную душу приобретает особую важность с того момента, как у тебя, юноша, возникла мысль о женитьбе. Жизнь с женой в браке и воспитание детей — это два лепестка одного и того же цветка. Помни, завтрашний отец, помни, молодой человек, у которого жена через несколько дней отправится в родильный дом, — помни, что радость отцовства можно сравнить с радостью садовника, который годами оберегал дерево от холода и зноя, лелеял его, ночами не спал и наконец увидел плоды своего труда.

Воспитание детей — это отдача особых сил, сил духовных. Человека мы создаем любовью — любовью отца к матери и матери к отцу, глубокой верой в достоинство и красоту человека. Прекрасные дети вырастают в тех семьях, где мать и отец по-настоящему любят друг друга и вместе с тем любят и уважают людей.

Я сразу вижу ребенка, у которого родители глубоко, сердечно, красиво, преданно любят друг друга. У такого ребенка мир и покой на душе, стойкое душевное здоровье, чистосердечная вера в красоту человеческую, вера в слово воспитателя, чуткость к тонким средствам влияния на человеческую душу — доброму слову и красоте.

Проверь себя, юноша, загляни в свою душу: способен ли ты любить людей, отдавать им свои душевные силы? Без этой способности вся родительская педагогика превратится в звук пустой. Помни, что воспитываешь ты детей прежде всего настоящей любовью к жене. А по-настоящему любить — это отдавать, вкладывать душевные силы, видеть частицу вложенного тобой добра в другого человека. Хороший муж создает счастье своей семьи любовью, и эта любовь, как солнечное тепло и солнечный свет, собранные в цветке розы, — эта любовь становится нравственной красотой твоих детей, отец.

Любить жену — это значит уважать ее, беречь, боготворить — да, не бойтесь этого слова, верить разумом и сердцем, что она — лучшая из всех женщин мира, потому что она твоя жена и мать детей твоих.

Может быть, уважаемый отец, тебе кажутся странными эти слова в книге, названной автором Родительской педагогикой. Может быть, ты думаешь: какое это имеет отношение к воспитанию детей? Прямое, непосредственное. Супружеская любовь, верность, взаимная преданность и помощь — это тончайшие корни, питающие дерево материнской и отцовской мудрости.

Поэтому проверь себя, завтрашний отец, хватит ли у тебя духовных сил на этот нелегкий труд — всю жизнь любить свою жену.

Как проверить? Как любить? Есть такая опасная вещь — лень души. Загляни себе в душу, нет ли в ней зернышка этой беды. Если есть — выбрось ее, не дай прорасти дурманом. Лень души — это равнодушие к человеку. Ты идешь по улице многолюдного города, видишь среди множества лиц человека, в глазах которого смятение и отчаяние. Твои глаза скользнули по этим единственным в мире глазам, но не донесли до твоей души ни отчаяния, ни смятения, ты не подумал, что перед тобой — горе, возможно, перед тобой гибель целого мира, ведь каждая человеческая душа — это

неповторимый мир. Если ты не чувствуешь этого мира, значит, у тебя первые признаки этой болезни — лени души. Преодолей в себе эту болезнь. Всматривайся во все, что происходит вокруг тебя. Учись видеть и чувствовать человека. Помни, что самое главное в окружающем тебя мире — человек. Человек со всей своей сложностью и многогранностью, со своими радостями и горем: если не преодолеешь в себе эту болезнь в самом ее зародыше, то не сумеешь видеть и чувствовать в своей жене человека, не сумеешь любить ее, не сумеешь творить в ней красоту и благородство и поэтому не сумеешь правильно воспитывать своих детей.

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ

ЧТО ВОЗВЫШАЕТ ВАС В ГЛАЗАХ ВАШИХ ДЕТЕЙ

Семья в нашем обществе — первичная ячейка многогранных человеческих отношений — хозяйственных, нравственных, духовно-психологических, эстетических.

Вот судьба одной семьи. Молодой агроном и работница животноводческой фермы совхоза начали свою семейную жизнь светло и радостно. Молодой семье помогли построить каменный дом. На приусадебном участке хозяин посадил виноград, завел пасеку. Достал редкие сорта яблонь и груш. Дом Николая Петровича с садом и виноградником стал тихим уголком. Но тяжелой и пасмурной была жизнь в этом доме. С каждым годом все больше и больше охватывала хозяина страсть обогащения. Он обнес усадьбу высоким забором. С ранней весны до поздней осени ночевал в саду — чтобы никто, чего доброго, не сорвал цветок, яблоко или гроздь винограда. Весь урожай сада шел на рынок. Мария, жена Николая Петровича, просила оставить хоть что-то дома, но хозяин был неумолим. Около дома построил каменный погреб, сарай, сделал электрическую установку для поливки сада и огорода. Достал невиданные сорта помидоров и начал выращивать их — тоже для продажи. В глубине сада появилась теплица — тут выращивались не только ранние помидоры, но и цветы — тоже на продажу.

У Николая Петровича и Марии была единственная дочь. Отец запретил ей приглашать домой товарищей.

Закончила Оксана школу, стала работать лаборанткой на маслозаводе. Полюбил девушку молодой механизатор. Один раз тайно от отца пришла девушка с юношей в заснеженный сад, открыла теплицу и подарила ему несколько цветков. Внезапно пришел отец, разозлился, увидев дочь и молодого человека в теплице, вырвал цветы...

— Больше ноги моей не будет в этом проклятом доме, — сказала Оксана. — Вы, отец, старались убить во мне все человеческое. Вы отравили мне детство. Ваша душа жестока.

Оксана ушла от родителей, а через несколько лет ушла к дочери и мать. Остался Николай Петрович один со «своими сокровищами». Вот так счастье становится призрачным и отравляющим, если оно основано на низменных страстях.

Добро только тогда добро, когда оно для людей, — вот что нужно помнить нам, уважаемые родители, устраивая свое тихое семейное гнездо. Наивысший принцип нашего общества: все для человека, все во имя счастья человека — не какая-то абстрактная истина. Это также принцип глубоко личного, тайного — наших взаимоотношений с теми, кого свела с нами судьба, чтобы продолжать человеческий род, с родителями и родными.

Однажды пришел ко мне отец нашего ученика и жалуется: «Что делать с сыном-пятиклассником? Становится непослушным, обманывает, уклоняется от работы. Вот недавно было: не пошел на пионерский воскресник сажать деревья, сказал, что болен, а на самом деле играл в футбол». И больше всего беспокоило отца вот что: живет подросток только для себя, сердце его становится холодным, безразличным, взгляд — непроницаемым. Выслушал я жалобы отца и спросил: позвольте говорить откровенно, как отец с отцом? Да, согласился тот. Тогда я сказал: почему же ваша мать живет в маленькой каморке? Почему вы отделили ее от семьи — от себя и внука, не приглашаете даже обедать за общий стол? В каморке матери — одно окно, и то разбитое, неужели вы этого не видите? И вы хотите, чтобы сын был коллективистом? Вы говорите ему высокие слова об обязанности перед коллективом, про то, что пионер должен близко к сердцу принимать интересы Родины? Помните, что тончайший корень, который питает великое дерево любви к Родине, — это та минута в жизни

вашего сына, когда он принесет бабушке яблоко из сада и цветок розы, поставит перед ней стакан свежей, ключевой воды и поправит подушку в изголовье.

Поднимайте сами себя в глазах своих детей, старайтесь, чтобы дети видели высший смысл вашей жизни в посеве того зерна, из которого вырастает буйная поросль человеческого счастья.

В село приехал молодой учитель — только что закончил университет. Пошел как-то читать лекцию на животноводческую ферму. Познакомился с девушкой — синеглазой, белокурой красавицей. Рассказала девушка о своей судьбе: отец погиб на фронте, мать тяжело больна, ей пришлось оставить пятый класс и пойти на ферму. Полюбил учитель девушку. Предложил ей выйти за него замуж. Решительно отказалась девушка: «Вы университет закончили, а я...» Но не отступился юноша от красавицы и от мечты своей. Три года учил девушку. Долгими зимними ночами сидели они вдвоем над учебниками. Девушка была способной и настойчивой: сдала экзамены за среднюю школу, поступила учиться в медицинский институт — только тогда согласилась выйти замуж. Окончила институт, стала врачом. Живет счастливо супружеская пара, воспитывает пятерых детей. Дети у них хорошие — дружные, сердечные, чуткие к малейшим движениям материнской или отцовской души, добрые, послушные, заботливые и трудолюбивые. Главное, что бросается в глаза, когда смотришь на детей этих счастливых родителей, — они сознательно стремятся к тому, чтобы не принести горя, тревоги, печали своим родителям. Стремление детей принести счастье своим родителям — это то, что вложили отец и мать своей сердечной заботой друг о друге, своей взаимной преданностью, тонкой человеческой чуткостью. Мы, родители, воспитываем своих детей прежде всего своими взаимоотношениями. Про это следует помнить всегда.

БЕСЕДА ПЯТАЯ

БЕРЕГИТЕ В ДУШЕ РЕБЕНКА ВЕРУ В ВЫСОКОЕ, ИДЕАЛЬНОЕ, НЕЗЫБЛЕМОЕ

Перед ребенком открывается мир. Он познает много новых для него вещей, все для него новое, все его волнует: и солнечный зайчик в комнате, и сказка об

Ивасике-Телесике, и яркая бабочка, и далекий лес на горизонте, и белое облачко в небе, и седая голова дедушки. Но открывается перед ребенком и другое: человек. Первое, с чего начинается познание мира ребенком, — это ласковая материнская улыбка, тихая колыбельная песня, добрые глаза и теплые материнские руки. Если бы мир все время смотрел в душу ребенка ласковыми глазами матери, если бы все, что позже встретит ребенок на своем жизненном пути, было таким добрым и ласковым, как добрая мать, — на свете не было бы ни горя, ни преступлений, ни трагедий, я имею в виду наш, социалистический мир, где нет социальных причин для горя, преступлений, трагедий.

Вот так и начинает ребенок познавать мир человека — с матери и отца, с того, как обращается мать к нему, как отец относится к матери. Из всего этого и складываются первые детские представления и понятия о добре и зле.

В хорошей семье, где мать и отец живут в согласии, где господствуют чуткие отношения к слову, к мысли и чувствам, к взгляду, еле заметному оттенку настроения, в отношениях добра и согласия, взаимной помощи и поддержки, духовного единства и щедрости, доверия и взаимного уважения родителей, перед ребенком раскрывается все то, на чем утверждается его вера в человеческую красоту, его душевное спокойствие, равновесие, его непримиримость ко всему аморальному, антиобщественному. Если вера эта разрушена, в детскую душу ворвется трагедия, горе. Нет ничего опаснее для семьи, для школы, для нравственной полноты жизни нашего общества, чем ребенок — страдающий, несчастный — на обломках своей веры.

Вспоминается тяжелая доля Николая Прохоренко. Как только услышу слова «детское горе», так и видится мне он. С болью и мольбой в глазах пришел он к отцу, который оставил семью, и спрашивает: «Папа, когда ты придешь ко мне? Я так хочу, чтобы ты пришел...» До 9 лет Николай видел во взаимоотношениях отца и матери только хорошее. Отец помогал матери в ее работе по дому, вечером садился с сыном за стол и рисовал птиц, зверей, какие-то фантастические существа... Он работал шофером, летом брал сына в недалекие поездки. Сколько радости приносило это ребенку!

И вдруг все изменилось. Мама и папа стали как чу-

жие. Садились за стол обедать и опускали глаза, чтобы не глядеть в глаза друг другу. Потом случилось самое страшное: отец больше не приходил домой. Мать сказала: «Теперь мы будем жить без отца». Это поразило, оглушило ребенка.

Трудно, очень трудно воспитывать таких детей в школе. Тут уже необходимо быть не только педагогом, но и врачевателем души, спасителем. Много духовных сил требуется приложить к ребенку, который утратил веру в высокое, идеальное, нерушимое, чтобы он снова верил и в человека, и в добро.

То, что случилось в семье Коли Прохоренко, не исключительный случай. Родители, которые не могут или не умеют подняться на вершину человеческих чувств и человеческого благородства, сеют несчастье и пожинают зло.

Бывает и так, что детская вера в добро не разрушается, как у Коли Прохоренко, но ребенок становится непослушным, до него, как жалуется отец, не доходят добрые слова. В таких случаях, уважаемые родители, посмотрите на себя. Где-то есть трещинка, вначале маленькая, незаметная, в ваших взаимоотношениях. Это могут быть самые разные тонкости духовно-психологических и морально-эстетических «выбоин» на нелегком пути семейной жизни: и равнодушие, когда человек не видит человека, с которым он на всю жизнь соединил свою судьбу; и плохо скрытое недовольство друг другом; и та духовная несовместимость, когда люди, которые собрались пройти вместе весь жизненный путь, исчерпались духовно за несколько лет и надоели друг другу.

Оберегать свой семейный путь от этих «выбоин», уметь творить великое, бесценное богатство семейной жизни — взаимную любовь,— значит, иметь в доме наиболее приятный для воспитания детей микроклимат.

БЕСЕДА ШЕСТАЯ

БЕРЕГИТЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ЛЮБОВЬ

Умейте беречь и уважать, возвеличивать и усовершенствовать человеческую любовь — самое тонкое и самое капризное, самое нежное и самое сильное, самое хрупкое и самое крепкое, самое мудрое и самое благородное богатство человеческого духа.

Об этом богатстве написаны тысячи поэм, сложены миллионы песен. Я хочу вместе с вами, уважаемые отцы и матери, взглянуть на ту грань любви, о которой мало говорят, — любовь как воспитатель ребенка.

Яркой звездой на небосклоне моей памяти навсегда останется воспоминание о жизни Николая Филипповича — хорошего врача и чуткого человека. Сорок два года работал он в большом приднепровском селе. Жена Мария родила ему шестерых детей — трех сыновей и трех дочерей. Когда после сложной операции приходил, бывало, Николай Филиппович, утомленный и обессиленный, Мария говорила: «Ложись вот здесь, в виноградной беседке, отдохни, нет работы более изнурительной, чем твоя...» Он, улыбаясь, отвечал: «Нет, самая тяжелая в мире работа — это работа матери. И самая тяжелая, и самая изнурительная, и самая почетная. Я помогаю людям в горе, ты создаешь человечеству счастье, создаешь человечество».

Вспоминая жизнь Николая Филипповича, я думаю: в этой жизни выразилось богатство человеческого духа — человеческой любви. Летний рассвет. Спит Мария, утомленная ежедневными заботами о детях, спят сыновья и дочери. Тихо встает Николай Филиппович, чтобы не разбудить жену и детей. Идет в сад, срезает цветок розы, приносит в спальню, ставит в деревянную вазочку на ночном столике около кровати жены. Вырезал эту вазочку Николай Филиппович в первый после женитьбы год, вырезал несколько месяцев, стоит она, похожая на кленовый листок... Спит и не спит Мария, слышит сквозь сон осторожные шаги Николая Филипповича и уже не может заснуть от острых запахов розы, лежит, счастливая, с закрытыми глазами еще с полчаса.

Так было каждое утро — годы, десятилетия. Построил Николай Филиппович маленькую теплицу — специально для цветов; приходил в теплицу на рассвете и в лютые морозы, и в осеннюю непогоду, и ранней весной, брал нежный цветок и нес его жене. Подрастали один за другим дети. И, подрастая, вставали вместе с отцом на рассвете, и в вазе уже было два, потом три, потом четыре, пять, шесть, семь цветов...

Умер Николай Филиппович. Разлетелись в разные уголки нашей Отчизны сыновья и дочери, а мать Мария еще и сегодня живет в большом приднепровском селе. И как бы далеко от нее ни жили сыновья и дочери, раз в год приезжают они к матери — в день ее рождения; и снова в деревянной вазе пламенеют семь роз — шесть от детей и одна от отца — символично. Ни к кому из детей не может пойти жить мать Мария, ибо, дав преимущество кому-то одному, смертельно обидит других.

Вот о чем я думаю всегда, когда речь заходит о том, как воспитывать детей. Человеческая любовь — могущественная сила воспитания. Тот, кто умножает жизнью своей это бесценное богатство человеческого духа,— тот, воспитывая самого себя, воспитывает своих детей. Ибо, как писал Л. Н. Толстой, суть воспита-

ния детей заключается в воспитании самого себя. Воспитание самого себя есть могущественный способ влияния родителей на детей.

Вот почему, уважаемый отец и уважаемая мать, уважаемые юноша и девушка, которые готовятся вступить на первую ступеньку семейной жизни, поговорим сегодня о любви — это и есть разговор о святая святых воспитания. Про любовь человеческую — это необходимо еще и еще раз подчеркнуть, так как она не только счастье, не только чистейший источник радости и человеческих удовольствий. Она ведет к самому радостному и самому приятному, но одновременно и к самому трудному, самому сложному и самому ответственному человеческому долгу — ибо этот долг вечный — к браку. Брак и его узы, писал Вольтер, либо самое большое добро, либо самое большое зло. Когда он добро — тогда это само небо на земле... Если вы понимаете всю сложность брачного союза как гражданского долга, как долга души и тела, разума и идеала, тогда брак, став самым большим добром, станет вместе с тем и благодатным полем труда — большого, неутомимого труда, а этот труд, уважаемые отец и мать, и называется человеческой любовью.

В тонкостях этого труда и заключается мудрость воспитания детей. Человеческая любовь — это не природное влечение и природный инстинкт, хотя и основана она на взаимном влечении противоположных полов и немыслима без инстинктивного начала. Но уже через месяц после вступления в брак любящие исчерпают себя, если к браку толкнуло только природное влечение, только инстинкт, так как это не человеческая любовь. Человеческая любовь — это союз души и тела, разума и идеала, счастья и долга.

И через все это красной нитью проходит труд, труд и еще раз труд — неусыпный и неустанный труд, который создает богатство человеческого духа в тебе самом, отец и мать.

Юноша и девушка пылко полюбили друг друга. Им советовали: присмотритесь хорошенько, узнайте лучше друг друга. Нет, мы уверены в своей любви, она — вечна. Поженились, прожили несколько месяцев, она забеременела, и вот молодому мужу попалась на глаза другая девушка, он вдруг почувствовал, что любви к жене нет. Вот вам еще один развод, для общества еще

одна трагедия, для человека же, который еще не родился, горе на всю жизнь. Почему такое бывает и что делать, чтобы такого не было, как нужно воспитывать молодежь?

Не только воспитывать, но и прежде всего воспитываться — вот что важно. У наших молодых никакой любви и не было. Была потребительская жажда удовольствия, которую они ошибочно приняли за любовь. В их браке не было главного — неусыпного труда, который по сути своей — вклад своих духовных сил в другого человека, чтобы этот человек был лучше — духовно богаче, счастливей. Это главное — счастливей. Когда молодые супруги взаимно творят счастье, когда в будничных заботах есть это самое тонкое и самое крепкое человеческое богатство, то взаимная любовь вечна, тогда не сможет внезапно открыться, что один человек лучше другого. Если речь идет о любви и браке, то вообще нельзя делать такого сравнения — один лучше, другой хуже. Каждый человек неповторим, с рождением нового человека рождается новый мир, и когда у матери рождается ребенок, то она, жена и мать, становится в тысячу раз неповторимей в своей красоте, однако эту неповторимость создаем мы, создаем своим неутомимым трудом. Есть старинная украинская мудрость: у хорошего мужа и жена хорошая, твоя жена — это колодец, загляни в него, каким ты увидишь себя, такова и твоя жена.

Самое сильное, самое тонкое богатство человеческого духа — любовь — действует на ребенка как музыка, как чарующая красота, что пленяет душу. Это богатство постоянно настраивает чуткую струну детского сердца — чуткость к слову, к доброй воле, к ласке и сердечности. Тот, чье детство освещено солнцем любви как неустанного труда, кто взаимно творит счастье, отличается исключительной чуткостью и восприимчивостью к отцовскому и материнскому слову, к их доброй воле, к их поучениям и напутствиям, советам и предостережениям. В семье Николая Филипповича было такое правило: когда семья кончает обедать, все дети (разница в годах между ними была не так велика — девять лет) убирают со стола, моют посуду. Однажды семья обедала во дворе, под грушей. Самая младшая, шестилетняя дочка, забыла о своем долге. Мать укоризненно покачала головой и взялась за дело, которое должна

была выполнить дочка. Девочка заплакала, она остро пережила укоры совести...

Как же, воспитывая самого себя, воспитывать детей?

Если среди богатства синонимов, какими наша речь обозначает человеческую любовь, выбрать тот, который выразительнее всего передает суть любви как неутомимого труда, то таким синонимом будет слово *долг*. Воспитательная сила человеческой любви — это красота долга человека перед человеком. Любить означает чувствовать сердцем тончайшие духовные потребности человека. Вот эта способность чувствовать человека сердцем и передается от отца и матери ребенку без каких-либо слов и объяснений, передается примером. Николай Филиппович не требовал от детей, чтобы они вставали рано утром с ним вместе и приносили материнский или, как говорили девочки, ранний цветок. Он не вкладывал особых усилий в то, чтобы дети видели, как он идет в сад или в теплицу и приносит цветок. Дети спали и как бы сквозь сон чувствовали, что и для чего делает отец, какие чувства он выражает, что дают эти чувства матери. Дети учились улавливать самое большое человеческое стремление — стремление к счастью. Им хотелось идти навстречу этому стремлению, и они шли, творили добро, давали матери радость. Ранний цветок для матери — это вершина красоты, богатства человеческого духа, созданного неутомимым трудом в семье Николая Филипповича. А к этой вершине вели каменистые и тернистые тропы. Воспитывать шестерых детей — этот труд требовал от матери больших физических и духовных сил. На каждом шагу дети видели, можно сказать, сердцем ощущали отношение отца к нелегкому труду матери. Детей — как только они могли понять это разумом и сердцем — волновало не только то, что отец брал на себя все, что мог взять, чтобы облегчить работу матери. Их особенно волновало внимание, чуткость отца, способность его души чувствовать, что матери нелегко, что ей нужно помочь. Развитие этой способности и есть воспитание самого себя — лучший, нагляднейший пример, про роль которого говорил великий мудрец Л. Н. Толстой. Там, где молодой отец на глазах своих маленьких детей неустанно развивает эту способность, где хлопоты и заботы жены постепенно становятся и его хлопотами и заботами, семья является школой эмоционального и нравственного вос-

питания детей. Казалось, никто специально и не учит детей: не будьте равнодушны к людям, а они — чуткие, приветливые, доброжелательные, внимательные. Эту чуткость развивает в них отцовское самовоспитание.

К. Маркс писал, что нравственным является только тот брак, где продолжает существовать любовь. Человеческая любовь — это не только бесценное богатство человеческого духа. Она вместе с тем и вечно меняющееся богатство. Это не бриллиант, блеск которого не изменяется десятилетиями. Это драгоценный камень, игра красок которого изменяется с каждым годом, даже месяцем, и самое удивительное, что хозяином и повелителем этой игры красок становится тот, кому принадлежит этот камень. Умейте быть чародеем, от мудрости которого зависит великое искусство сохранения переливов красок драгоценного камня на всю жизнь. От этого искусства зависит воспитательная сила вашей любви, больше того — зависит и крепость брака как союза души и тела, разума и идеала, счастья и долга Скоропреходяща страсть первых месяцев супружеской любви, и если, кроме этой страсти, брак ни на чем не держался, драгоценный камень вашей любви превратится в уголек. И вместо неба в ваш дом придет ад, а для детей — страдание, равнодушие, неверие в человека. В высоконравственном браке огонь первой страсти — самое дорогое воспоминание на всю жизнь, он как бы свет, отраженный новой жизнью,— взаимным творением счастья, воспитанием детей. В высоконравственной многолетней любви на каждом шагу выражается человеческое отношение человека к человеку, и прежде всего мужа к жене. Человеческое отношение к жене и матери — это отношение к источнику жизни, к самой жизни Ибо женщина, жена, мать — прежде всего творец новой жизни, и когда эта мысль, этот идеал красной нитью пронизывает всю семейную жизнь, ребенок учится на примере родителей — прежде всего отца — дорожить жизнью, относиться к ней как к наивысшей ценности, которую ни с чем нельзя сравнить.

Учить дорожить жизнью — вот тот столбовой корень нравственного поведения, от которого питаются ветви чуткости, сердечности, заботы о человеке. Я знаю одну хорошую семью: муж — учетчик тракторной бригады, мать — доярка. Работа у матери нелегкая. Несколько

дней в неделю необходимо начинать рабочий день на ферме в шесть часов утра. Чтобы приготовить завтрак, необходимо встать в четыре. Муж не разрешает жене вставать так рано. В четыре встает он, готовит завтрак и обед, провожает жену на работу, а потом детей в школу. Возвращается муж с работы в четыре часа, дети уже дома, жены еще нет. Пообедав, отец вместе с детьми готовит ужин. Общая работа отца и детей одухотворяется мыслью: маме нашей нелегко, у нее сегодня напряженный день, приготовим вкусный ужин, сделаем все для того, чтобы, вернувшись с работы, она могла отдохнуть. Работа для детей не игра, а забота о самом дорогом человеке — матери. Самым дорогим человеком мать становится благодаря тому, что изо дня в день прикладываются силы физические и духовные, чтобы принести ей радость. Дорогим для людей становится то, во что вложены силы души. Если вы, мать, хотите быть для своего сына, своей дочери самым дорогим в мире человеком, одухотворите их стремлением творить радость, счастье для вас же.

Отношение к венцу красоты человеческой — женщине — познается детским сердцем в тончайших, незаметных пустяках. Каждый раз, когда у матери нелегкий, напряженный рабочий день, отец, приготовив вместе с детьми ужин, достает чистое полотенце и вешает его около умывальника. Мать — самая большая труженица, в этом чистом полотенце — уважение к ее труду, к красоте человеческой, к источнику жизни.

Это и есть воспитание любви, воспитание себя самого и детей своим поведением. Только там, где отец сам воспитывает себя, рождается детское самовоспитание. Без яркого примера отца все разговоры о самовоспитании детей остаются пустым звуком. Без примера родителей, без света и тепла родительской любви, выраженной во взаимной заботе и уважении, оно просто немыслимо. Ребенку хочется быть хорошим лишь тогда, когда он видит идеальное и увлекается этим идеальным. В этой очень тонкой сфере воспитания нравственные понятия формируются только на основе благородных человеческих чувств. А чувства детей вызываются чувствами родителей.

Вот что рассказывала моя воспитанница Валя Кобзарь накануне торжественного дня окончания школы — о самом глубоком переживании детства:

«Мне было лет семь, когда тяжело заболела мама. Отец ночами сидел около больной. В памяти сохранилось воспоминание. Просыпаюсь я как-то на рассвете. Мать тяжело дышит, а отец наклонился над нею, смотрит на ее лицо, и такая невыносимая печаль в его глазах, такая боль и такая любовь, что в ту минуту передо мной раскрылась неизвестная сторона человеческой жизни — верность. Мне кажется, что я с того утра по-настоящему полюбила отца.

Прошло десять лет. Папа и мама живут в мире и согласии. Они для меня самые дорогие люди на свете. Какой-то особенной любовью я люблю отца. Не было такого случая, чтобы я не послушала его совета или сказала ему неправду. Всегда, когда я смотрю ему в глаза, вижу неугасимый свет великой человеческой любви».

Вдумайтесь, отец и мать, в эти слова. Что мы оставляем в сердцах своих детей — оставляем своими делами и словами, поступками и чувствами? Чем мы запомнимся нашим детям, чем возвысим себя в их глазах? Есть единственная могучая духовная сила, которую ни с чем нельзя сравнить, которая способна запечатлеть в душах наш образ — образ настоящей человеческой красоты. Эта сила — великое богатство человеческого духа — любовь. Будем же создавать это богатство своей жизнью. Есть она в наших родительских сердцах — есть чем воспитывать детей.

БЕСЕДА СЕДЬМАЯ

МОРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ СЕМЬИ

Идеал семейного счастья в украинской народной педагогике прекрасно выразил великий наш поэт И. П. Котляревский: «Де згода в сімействі, де мир і тишина, щасливі там люди, блаженна сторона...» Когда я вдумываюсь в это большое и многогранное понятие — согласие в семье, мне сразу вспоминается семья Алексея Матвеевича. Это наш колхозник, уважаемый всеми земляками человек. Он и жена его Мария Михайловна учились когда-то в нашей школе, сейчас мы воспитываем их троих детей.

Нас, учителей, трогало, что в этой семье между родителями и детьми господствуют отношения сердечности, откровенности, прямоты. И это требует особого внимания каждого, кто хочет понять тайны родительской педагогики — тонкой, сердечной чуткости человека к человеку. Марийка возвращается из школы, не успела

она еще и дверей открыть, как по ее глазам мать почувствовала: у дочки в школе не все благополучно.

— Рассказывай, дочка, что там у тебя?

Дочка рассказывает, что сегодня была контрольная работа по алгебре, задача была трудной, наверное, ошибку допустила при вычислении... Бабушка Мария печально, безмолвно сидит около окна — и к ней один за другим подходят встревоженные дети, спрашивают: «Что у вас болит, бабушка, может, вам дать что-нибудь?» После школы, отдохнув, Олеся, Петрик и Марийка садятся за выполнение домашних заданий. Ко всему приходят своими силами — это стало в семье одним из самых важных правил.

Однажды — еще тогда, когда Олесе исполнилось четыре года и из семьи Алексея Матвеевича в школу приходили двое учеников,— на родительском собрании зашла речь об этой тонкой, нежной стороне духовной жизни детей в этой семье, высокоразвитом чувстве чести, стремлении все сделать своими силами. «Расскажите, уважаемая Мария Михайловна, — обратился к матери классный руководитель,— расскажите, пусть все родители послушают: как воспитываете вы своих детей? Как отшлифовываете в их душах вот эту драгоценную черту, которая для большинства семей пока еще, к сожалению, остается неуловимой, фантастической птицей?»

Мать усмехнулась и ответила: «Некогда нам с мужем воспитывать детей. Каждый день мы на работе: муж — на животноводческой ферме, а я — и в поле, и на току, и в саду — где нужно, там и работаю летом, а зимой вместе с мужем — на ферме. А они с бабушками дома. Закон у нас в семье такой: как только ребенок встал на ноги — работай. И не только для себя, но и для людей. И на людей смотри человеческими глазами... Это нерушимый закон. А воспитывать нам некогда... Пусть про воспитание расскажет тот, кто не работает, сидит с ребенком да еще воюет с ним из-за двоек, как слышала я не раз...»

И нам, учителям, и родителям стало ясно: то, про что говорит мать как про отсутствие воспитания, это и есть настоящее воспитание.

В чем же оно состоит — в чем тот нерушимый закон, о котором говорила мать?

В глубоком благородстве, красоте человеческих

взаимоотношений. Не один год думаем мы о тех духовных силах, что объединяют людей в семье Алексея Матвеевича, видим все новые и новые грани этих сил в других семьях — и для нас становится очевидным: самое главное моральное богатство, которое имеет огромную воспитательную силу,— взаимоотношения заботы, взаимоотношения уважения. В семье Алексея Матвеевича (и во многих других прекрасных семьях) господствует культ Человека, культ долга перед Человеком.

Могучая духовная сила воспитания заложена в том, что дети учатся смотреть на мир глазами родителей, учатся у отца уважать мать, бабушку, женщину, человека. Женщина, мать, бабушка в семье становятся, можно сказать, эмоциональным, эстетическим, нравственным, духовным центром семьи, ее главою. Отец пришел с работы — и первое, что он спрашивает у детей, что ему нужно непременно знать, как здоровье бабушек — его матери и матери жены. Как бы он ни был занят, какие бы ни были неотложные заботы и хлопоты — первая забота, первые хлопоты — для бабушек. Дочка Мария на всю жизнь запомнила тот праздничный день, когда отцу исполнилось 30 лет. Должны были прийти гости, все готовились к семейному празднику. Но вдруг заболела бабушка Мария — мамина мама. «Ни о каком празднике не может быть и речи»,— сказал отец и повез бабушку в больницу.

Вот что означает тот человеческий закон, о котором говорила на родительском собрании мать,— на людей смотреть человеческими глазами. Когда Олесе — самой младшей в семье Алексея Матвеевича — исполнилось 4 года, умерла мамина мама. Это было в мае. Дети посадили на бабушкиной могиле цветы. А дома недалеко от хаты посадили куст розы, назвали его розой бабушки Марии Ежегодно в ясный майский день Мария, Петрик и Олеся несут цветы розы на бабушкину могилу. Этот день так и зовется в семье — бабушкин день.

Может, некоторым читателям кажется: нужно ли говорить об этом — о цветах на могиле, о кустах роз, посвященных умершей, про семейный день — день бабушки. Да, без этого немыслимо настоящее воспитание, без этого нет тех духовных сил, на которых держится семья. Есть старая французская пословица: мертвые мстят живым за то, что живые забывают о мертвых.

Жизнь учит, что мстят жестоко: на хорошей, жизнеспособной земле вырастает чертополох — люди с каменными сердцами, бездушные, холодно-расчетливые. Уважение и почтение к памяти умерших — огромный капитал, проценты с которого идут живым. Это тончайшие корни, которые несут животворные соки земли к дереву, имя которому — человечность.

В семье Алексея Матвеевича отец делает все для того, чтобы дети дорожили матерью. Летом и ранней весной на животноводческой ферме работать легче, чем в звене, где мать выращивает сахарную свеклу. И вот в дни напряженного нелегкого труда Алексей Матвеевич идет в поле, а жена — на ферму. Дети привыкли к тому, что отец всегда берет на себя самую тяжелую работу, и учатся у него смотреть на мать глазами благородного сильного мужчины.

Искусство воспитания в таких семьях, как семья Алексея Матвеевича, в том и состоит, что моральное богатство создается взаимоотношениями, в которых тесно переплетаются любовь и добро с суровым долгом и трудом, с личным примером. Дети Алексея Матвеевича и Марии Михайловны трудолюбивы, правдивы, сердечны именно потому, что в образах самых дорогих для них людей — отца и матери — перед ними раскрывается благородное видение человека и самих себя. Передавая детям самые тонкие духовные черты человеческого благородства, отец с малых лет пробуждал у них чуткую совесть — умение дорожить добром в самом себе, быть требовательным к самому себе.

Если в нескольких словах выразить всю мудрость родительской педагогики, то она заключается в том, чтобы дети наши были тверды и суровы в требованиях к самим себе, чтобы — тут я нарочно впадаю в преувеличение,— собирая сына на свадьбу, где все гости — горькие пьяницы, мать могла быть уверена, что сын ее придет домой трезвым... Требовательность к самому себе, моральный закон в собственном сердце, честность и правдивость наедине с собой — для родителей это высокая мечта, идеал. И достигается он тогда, когда любовь, доброта, ласка соединяются со строгой требовательностью, с долгом, с непримиримостью к злу, неправде, обману.

Перед торжественным днем вступления в комсомол Марийка рассказала мне:

Я не помню, с какого времени я начала работать. Сколько себя помню — всегда работала. Это было очень, очень давно. Наверное, тогда мне было лет семь. Отец сказал мне: посади вот эти три саженца винограда. Я уже хорошо умела это делать. Выкопала ямки, залила водой и посадила. А корни не обмакнула в глиняный раствор. Помню, подумалось: они же будут закрыты землей, никто не узнает — смочены корни в глиняном растворе или нет. Посадила, полила. Отец вечером спрашивает: а корни замочила в глиняном растворе? Никогда в жизни — ни до этого, ни после я не обманывала, а тут сказала неправду. Конечно, отец сразу заметил обман. Он не сказал ни слова, а только глянул мне в глаза внимательно-внимательно. Вздохнул как-то тяжело, как будто кто на плечи ему положил тяжелую ношу. Откопал мои саженцы, намочил в ведре с мокрой глиной... А я стояла и смотрела... И лицо мое горело от стыда. Закончив работу, отец сказал: «Можно обмануть кого-то, а себя никогда не обманешь».

Бывает, родители плачутся: «Что нам делать с сыном? Не понимает доброго слова. Учишь его — это хорошо, а это плохо, это можно, а это нельзя — а он как будто и не слышит... Хоть кол на голове теши». Равнодушие к слову — большая беда в воспитании. Утратив надежду на то, что можно воспитывать словом, родители пускают в ход тумаки и ремень... Как же предупредить беду? Как добиться того, чтобы слово воспитывало, чтобы на скрипке детской души были струны, а не веревки? В раннем детстве человек должен пройти великую школу тонких, сердечных, человеческих взаимоотношений. Эти отношения — самое главное нравственное богатство семьи.

...Первые уроки мышления должны быть не в классе, не перед классной доской, а среди природы... Идите в поле, в парк, пейте из источника мысли, и эта живая вода сделает ваших питомцев мудрыми исследователями, пытливыми, любознательными людьми и поэтами.

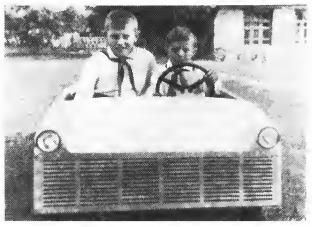

Радость труда не сравнима ни с какими другими радостями. Она немыслима без чувствования красоты, но здесь красота — не только то, что получает ребенок, но прежде всего то, что он создает.

Высшая педагогическая мудрость трудового воспитания заключается в том, чтобы утвердить в детском сердце народное отношение к труду. Труд для народа является не только жизненной необходимостью, без которой немыслимо человеческое существование, но и сферой многогранных проявлений духовной жизни, духовного богатства личности.

СТАТЬИ

О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ РОДИТЕЛЕЙ

РАБОТА С КОЛЛЕКТИВОМ РОДИТЕЛЕЙ

На протяжении ряда лет мы вели работу с родителями так же, как ее ведут в большинстве других школ: периодически созывали родительские собрания, проводили беседы с родителями в школе и на дому; по определенному плану работали члены родительского комитета. Но все это, вместе взятое, не создавало родительского коллектива. Родители наших учащихся работают не в одном месте, следовательно, родительский коллектив не может быть создан непосредственно на предприятиях, в учреждениях. Встречаются родители друг с другом лишь на собраниях, причем в этих случаях каждый отец или мать интересуются главным образом только успеваемостью и поведением своего ребенка и в меньшей мере всеми другими вопросами общеклассного или общешкольного значения.

Отсутствие родительского коллектива приводит и к отсутствию единого общественного мнения родителей при осуществлении единых требований школы и семьи в воспитании детей. Вот почему мы поставили перед собой задачу — организовать дружный, целеустремленный родительский коллектив. Нам было ясно, что одними собраниями и заседаниями такого коллектива создать нельзя. Надо, чтобы родительский коллектив продолжал свою работу и между собраниями, чтобы он жил такой же активной творческой жизнью, как живет любой коллектив завода, колхоза, учреждения.

Воспитание детей — это труд, причем труд очень кропотливый. И если дети обучаются и воспитываются в одной школе, значит, и у их родителей найдутся общие интересы, значит, на основе этих интересов и можно организовать единый родительский коллектив.

Прежде всего мы должны были определить роль и место родительского коллектива в решении главной задачи, стоящей перед школой, — в повышении качества знаний учащихся. Изучив семьи, из которых дети приходят в школу, мы увидели, какие огромные изменения произошли в культурном уровне наших родителей. Лишь 110 отцов и матерей имеют начальное образование.

В большинстве же семей у родителей, а также у старших братьев и сестер наших школьников высшее или среднее образование. Среди родителей много инженеров, техников, агрономов и других специалистов, которые, несомненно, могут помочь нам, педагогам, во всей учебно-воспитательной работе, надо лишь привлечь их к активному и планомерному участию в этой работе.

Мы решили провести родительскую конференцию, посвященную обсуждению методов контроля за выполнением учащимися домашних заданий. С этого главного, интересующего всех вопроса мы и хотели начать организацию коллектива. Перед созывом конференции у нас уже составилось ясное представление о том, как родители контролируют домашнюю работу детей. В этом контроле преобладал принцип — если ученик сидит за книгой, значит, он учит уроки. Но как он учит, что именно он делает и как он выучил уроки — этим большинство родителей не интересовались.

Педагоги побывали на дому у 45 учеников в часы, отведенные для выполнения домашних заданий. Оказалось, что школьники готовят задания лишь по тем урокам, которые будут завтра. Если, например, уроки геометрии в VII классе состоятся во вторник и в субботу, то задания по этим предметам готовятся в понедельник и в пятницу. Вне этих дней ученик не заглядывает в книгу, не принимается и за выполнение письменных заданий. Такая же картина наблюдается в подготовке всех других уроков. Ученик занят подготовкой к урокам ежедневно, потому что на завтра всегда есть уроки. Родителей это удовлетворяет, они считают, что их дети делают все, что нужно и как нужно.

На конференции мы познакомили родителей с принципами построения расписания уроков. Задача родителей заключается не только в том, чтобы контролировать — занимается ли учащийся дома, но прежде всего в том, чтобы помочь ему в применении экономных и рациональных методов выполнения домашних заданий. Мы рассказывали о том, что наилучшее запоминание учебного материала возможно только тогда, когда ученики будут готовить уроки не только на завтра, а приниматься за выполнение домашних заданий по тем урокам, которые были сегодня. Только такая подготовка уроков может быть основательной, глубокой. Подготовка на завтра станет в значительной мере повторным вос-

произведением того, что заучено дома в тот же день, когда состоялся урок. Трудность здесь будет только вначале, когда придется готовить уроки и на завтра, и на последующие дни, а затем постепенно будет накоплен материал для последующих дней и подготовка на завтра легко совместится с подготовкой на более отдаленные дни.

На конференции родители, в свою очередь, обратили внимание педагогов на ненормальности в распределении домашних заданий между отдельными днями рабочей недели. На некоторые дни дается очень много домашних заданий. Критические замечания родителей показали нам, что общими усилиями мы сможем быстрее устранить недостатки в учебной работе.

Конференция принесла ощутимые результаты: родители стали следить за тем, чтобы подготовка домашних заданий школьниками не делалась наспех, поверхностно. Следующим шагом в организации родительского коллектива был «День родителя». К этому дню мы долго готовились, так как хотели, чтобы в школу пришли все родители и чтобы они на конкретных примерах увидели, как надо и как нельзя готовить уроки.

В школе была оборудована специальная комната, в которой родители знакомились с ученическими работами и наглядными пособиями, изготовленными самими учениками. Родительский комитет выпустил номер стенной газеты «Семья и школа».

«День родителя» состоялся во всех классах школы в конце октября. Из очень многих семей пришли и отцы и матери. В присутствии детей классные руководители беседовали с родителями об успеваемости учащихся, о том, как подготовка к урокам дома отражается на ответах и на письменных работах учеников. Классная руководительница VI класса М. А. Лысак подробно рассказала, как ученица Т. готовит дома уроки и какие ответы дает по географии, истории, физике. Например, уроки истории в VI классе по вторникам и пятницам: ученица Т. повторяет хронологические даты, просматривает заданный урок по учебнику во вторник (сразу же после уроков) и в среду, а в четверг она готовит урок полностью, используя все материалы, которые ею уже в значительной степени подготовлены. Многократное повторение способствует твердому запоминанию.

Классные руководители сообщили, что педагогиче-

ский совет разработал расписание подготовки к урокам по каждому классу в отдельности. В основе этого расписания — принцип неоднократного воспроизведения материала, заданного на дом. Ученик должен начинать подготовку в тот же день, когда урок задан, хотя до следующего урока остается два-три дня. В течение этих дней ученик снова возвращается к заданному уроку и в основном начерно подготавливает его. Накануне урока происходит окончательная подготовка к нему.

После этого сообщения дети ушли домой, но родители остались. Классные руководители продолжали беседовать с родителями. Они приводили новые примеры правильной и неправильной подготовки учеников к урокам, обращая особое внимание родителей на то, что ученик должен привыкнуть выполнять задания в одни и те же часы. Именно в эти часы кто-нибудь из старших членов семьи должен контролировать, чтобы расписание соблюдалось и чтобы урок готовился каждым школьником самостоятельно. Опыт показал, что коллективное выполнение домашних заданий, особенно по таким предметам, как арифметика, алгебра, геометрия, зачастую ведет к механическому списыванию, к тому, что некоторые ученики отучиваются думать. Учителя привели убедительные примеры, как систематическое выполнение домашних заданий вдвоем и втроем ведет к снижению успеваемости тех учеников, которые усваивают материал медленнее других.

Вот один пример. В семье рабочего М. две ученицы, обе в VII классе. Одна из них, Мария, усваивает и выучивает материал быстрее, а другой, Надежде, для усвоения требуется несколько больше времени, больше размышления. Но сестры готовили уроки все время вдвоем. Это приводило к тому, что Надежда, не поняв как следует содержания, не успевая решить, списывала у Марии. У Надежды появились двойки по алгебре и геометрии. Точно такие же результаты получаются там, где учащиеся готовятся с помощью родителей или собравшись небольшими группами.

Учителя объяснили родителям, в чем заключается сущность помощи ученику: не в выполнении работы за него, а в организации его самостоятельной работы, в частности в разучивании урока вслух. Рассказывая вслух, учащийся контролирует себя — насколько хорошо он усвоил задание.

После проведения родительского дня все учителя, директор и заведующий учебной частью школы начали систематическое — два раза в неделю — посещение учеников на дому в часы выполнения ими домашних заданий. В первую очередь они шли к тем ученикам, которые не умели работать самостоятельно, часто не выполняли домашних заданий. Придя в семью, учитель проверял, насколько самостоятельно работает ученик и какие у него трудности, помогал ученику планировать работу так, чтобы каждое задание готовилось тщательно.

Приведу пример одного из таких посещений. К., ученик 5-го класса, получил плохие отметки за первую четверть по трем предметам: русскому языку, истории, географии. Родители недоумевали, почему сын не успевает, ведь он часами сидит за уроками. Классная руководительница В. А. Скочко, посетив К., обнаружила, что он во время подготовки уроков никогда не проверяет себя. Он долго сидит, например, над учебником истории, стремится все выучить наизусть с начала до конца. Учительница показала ученику, как надо учить урок: сначала прочесть, понять весь материал, потом разбить его на составные части, рассказывать по частям и, наконец, в целом. Даты выписать отдельно и часто повторять их. Родители стали следовать указаниям учительницы при проверке выполнения сыном домашних заданий. Через месяц К. уже значительно лучше отвечал на уроках географии, истории и русского языка. Неудовлетворительных отметок он больше не имел.

Самым трудным делом было приучить учеников выполнять задания не только на завтра, но и по сегодняшним урокам. Ученики удивлялись: как же учить уроки, которые были сегодня, если надо выполнять задания на завтра? Для «перестройки» потребовалось несколько недель, но в конце концов нам удалось добиться, чтобы ученики, придя из школы и отдохнув, в положенные часы принимались за подготовку сегодняшних уроков. Сначала выполнялись письменные задания, потом устные. Ученики скоро убедились, что такое выполнение заданий значительно экономит время. Все то, что рассказывалось на уроках, еще свежо в памяти, все запоминается гораздо легче, и остается достаточно времени для того, чтобы окончательно подготовить завтрашние уроки.

Еженедельно каждый день учитель посещал две семьи. 25 учителей в течение недели посещали 50 семей. За два с половиной месяца, таким образом, мы посетили всех учеников на дому и не только изучили са-

мостоятельную работу каждого ученика, но и увидели, что нам надо делать в дальнейшем для того, чтобы требования всех родителей к школьникам были едиными. У нас теперь создалось вполне конкретное представление о каждой семье, о подходе каждого отца и матери к своему ребенку. Родители отнеслись к нашим посещениям с большим интересом и готовностью сделать все для того, чтобы повысить успеваемость учеников.

К концу первого полугодия мы решили созвать вторую родительскую конференцию. Называя эту конференцию, как и первую, научной, мы не преувеличивали: идейный и общий культурный уровень наших родителей позволял нам вести работу с родителями на уровне требований современной педагогической науки. На этих конференциях мы освещали вопросы учебно-воспитательной работы, пропагандировали учение И. П. Павлова и творческое наследие А. С. Макаренко.

На вторую конференцию явились почти все родители, и мы с трудом смогли их разместить в поселковом клубе. В докладе директора школы были охарактеризованы первые успехи совместной работы учительского коллектива и родителей по привитию ученикам навыков самостоятельного труда. Большинство родителей уже знали педагогические требования в подготовке домашних заданий, и это дало возможность директору основное внимание обратить на ошибки отдельных родителей.

В своих выступлениях по докладу родители делились опытом контроля за детьми в подготовке домашних заданий. Так, отец ученика IV класса Б. заявил, что успеваемость его сына улучшилась после того, как он начал готовить уроки самостоятельно. Мать ученика V класа Л. говорила, как ей благодаря точному соблюдению режима дня удалось выработать у ребенка усидчивость и привычку заниматься в одно и то же время.

Выступали родители и с критическими замечаниями по адресу отдельных родителей и учителей. Тов. Ш. рассказал, что в семье служащего М. бесконечные подарки детям применяются в качестве стимула хорошей успеваемости. Говорили и об учителях, которые чрезмерно перегружают учеников домашними заданиями, распределяют их неравномерно.

Выступления родителей на конференции показали, что родительский коллектив начинает жить единым

стремлением с коллективом педагогов. Родителей волновали теперь не только успехи собственных детей, но и работа всей школы в целом.

Возник вопрос об установлении специальных часов для консультаций родителей по вопросам воспитания и обучения детей.

До конца учебного года состоялась еще одна конференция, посвященная вопросам идейно-политического воспитания в семье. На этой конференции колхозник Ш. сделал доклад на тему «Моя семья». Он рассказал о том, как родители приучают детей с самого раннего возраста к труду и взаимопомощи, как знакомят детей со своей работой в колхозе. Доклад глубоко заинтересовал родителей и вызвал оживленное обсуждение. Мысли всех выступавших сводились к тому, что родители своим повседневным трудом, личным поведением должны служить примером для детей.

До конца учебного года мы не упускали из виду главного — контроля родителей за выполнением детьми домашних заданий. Посещения педагогами учеников на дому стали не такими частыми — в этом теперь не было необходимости, — но они оставались систематическими.

Подводя итоги учебного года, мы отметили значительное повышение успеваемости учащихся по всем основным предметам.

С помощью родительского коллектива мы улучшили и постановку политехнического образования в школе. Родители помогли нам установить тесную связь с машинно-тракторной станцией, электростанцией и колхозом. Преподаватели физики провели ряд экскурсий, во время которых ученики наглядно познакомились с двигателями внутреннего сгорания, электромоторами, сельскохозяйственными машинами. Родительский комитет помог нам организовать встречи с передовиками сельскохозяйственного производства.

На конференции родителей был обсужден вопрос о тех требованиях, которые предъявляет социалистическое сельское хозяйство к нашим выпускникам. Эта конференция еще более сплотила, объединила оба коллектива — учительский и родительский.

И в этом учебном году мы продолжали работу по укреплению родительского коллектива. Раз в четверть проводились конференции родителей по важнейшим

вопросам воспитания детей. Ежемесячно выходила стенная газета — орган родительского комитета. Консультации для родителей стали традицией. Теперь каждый отец и каждая мать повседневно находят время для того, чтобы заниматься детьми, уделяют более серьезное внимание их воспитанию. Систематический контроль за правильным выполнением домашних заданий, приготовление заданий в тот же день, когда они заданы, и последующее повторение значительно облегчили и сделали более продуктивным труд учеников.

В этом году у нас нет ни одного ученика, не успевающего по таким предметам, как география, физика, история, естествознание, химия, литература, Конституция СССР. Мы уверены, что дальнейшее улучшение работы с родителями приведет к полной ликвидации второгодничества.

УЧИТЕ РЕБЕНКА МЫСЛИТЬ

(беседы с родителями)

Недавно, во время поездки в Кировоград, я познакомился с молодым железнодорожником. Работает он на полустанке, где нет даже начальной школы. Возвращался домой с родительского собрания в школе. Меня поразили печальные глаза молодого отца. В них была грусть и какая-то глубоко затаенная, давно не дающая покоя мысль.

«Учится сын в третьем классе, живет на квартире у дальних родственников, — рассказал он мне. — Если вы не только учитель, но и отец, то поймете меня. Разве может быть для отца большее горе, чем услышать от учителя: сын ваш тихий, дисциплинированный, трудолюбивый, но... умственными способностями не отличается. Учится на тройки — и то хорошо. Лучшие оценки — четверка, пятерка — не для него, так я понял учителя. Другие по три, по четыре задачи решают на уроке, а мой Сашка и одной не решит. Не поймет даже, о чем речь идет в задаче. В чем же дело? Разве мальчик мой какой-то недоразвитый? Поверьте, я бы полжизни отдал за то, чтобы стал он умным человеком».

Нелегко, очень нелегко беседовать с отцом о таких вещах. Для любящих родителей нет ничего дороже ребенка. Это вечная истина, потому что смысл жизни человеческой в том, чтобы повторить себя в новом человеке, повторить на более высокой основе, поднять детей

своих на более высокую ступеньку умственного, нравственного, эстетического развития, чем достигли мы сами, родители. Нелегко вести беседу на эту тему, но вести надо.

В наше время — пору всеобщего расцвета творческих сил каждого гражданина социалистического общества — от умственного развития человека зависит его личная судьба и счастье. Человек, чувствующий в какой-то мере свою неполноценность в умственном развитии, свою ущербность, глубоко несчастен. Присмотритесь внимательно к подросткам, попавшим на скользкий путь преступлений, правонарушений, — кто они? Среди них много недоучек — людей, в силу самых разных причин обделенных интеллектуальными ценностями, людей, для которых духовные богатства, накопленные человечеством, остались где-то в стороне.

До тех пор пока в нашем обществе будут недоучки, неудачники в учении, мы не можем дать полного духовного счастья буквально каждому, всем без исключения членам общества. А личное счастье — это залог счастья общества. Не удивительно, что родителей все больше беспокоят трудности, которые встречают их дети в учении. Почему один может учиться отлично, а другому будто самой судьбой предназначено не подниматься выше тройки? Что же это такое — судьба? Почему она так щедра к одним и скупа к другим? Ведь мы стоим сейчас накануне осуществления всеобщего среднего образования для молодежи; давайте вдумаемся в величие, в небывалую в истории новизну этого дела. Каждый, все без исключения получат среднее образование. Это означает, что Володя или Коля, которого с трудом тянут, чтобы кончил он восьмилетку, будет учиться дальше, должен кончить десятый класс.

Вопрос этот приобретает исключительную остроту. Задача подчас не только в том, чтобы дать правильный ответ на вопрос отца или матери, но и в том, чтобы помочь им найти пути развития умственных способностей их Володи или Коли, по возможности предотвратить такие нежелательные, печальные, иногда даже трагические явления, когда, потеряв веру в свои силы, маленький гражданин не только оказывается за бортом школы, но и противопоставляет себя обществу, вступает с ним в конфликт.

Предотвратить несчастье вступающих в жизнь лю-

дей одна школа не может. Отец и мать — такие же воспитатели, как и учитель, они должны быть не менее мудрыми творцами Человека, чем учитель, потому что ум их сына уходит своими корнями в ту пору, когда еще сына не было на свете. Воспитание Человека начинается задолго до его рождения.

Вам, дорогие отец и мать, хочется, чтобы ребенок был умным, сообразительным, чтобы духовные богатства и ценности человечества стали его личным достоянием. От чего же зависит осуществление этих чаяний? От чего вообще зависят умственные способности ребенка и взрослого человека?

Причин и истоков много. Надо сперва остановиться на причине, корни которой кроются порой в той безответственности, с какой молодые мать и отец подходят к созданию нового человека, новой жизни.

Речь идет о наследственности. Умственные способности имеют материальную основу — мозг. Эта основа как раз и начинает формироваться в утробе матери. Есть страшный враг детства и детского здоровья вообще, особенно умственного развития ребенка. Имя этому врагу — алкоголизм родителей. У алкоголиков рождаются дети, которые в той или иной мере имеют отклонения, аномалии в развитии коры полушарий головного мозга. Чтобы родить урода, не обязательно нужно быть алкоголиком. Достаточно отцу и матери быть в состоянии сильного опьянения. Дети, зачатые в момент опьянения родителей, уже в зародыше несут страшные следы «зеленого змия». В одних случаях эти отклонения, аномалии имеют ярко выраженный характер — ребенок растет умственно отсталым, ему уже в утробе матери было предопределено учиться в специальной школе — для дебилов, имбецилов или идиотов. В других случаях недостаточное развитие клеток коры полушарий менее выражено — клетки угнетенные, хилые, их функции нарушены. Такой ребенок очень медленно мыслит, у него плохая память. Всю жизнь этот человек вынужден нести тяжелое бремя, сваленное на его плечи легкомысленными родителями.

Почему надо говорить об этом? Потому, что, к сожалению, у нас есть дети, имеющие нарушения, отклонения, аномалии в умственном развитии из-за пьянства родителей. Есть в одном из классов нашей школы подросток — сын алкоголика. Несчастный он человек, ни-

какое воспитание не может возместить того, чего не дала ему природа из-за преступного отношения родителей к будущему своих детей. Этот подросток с большими трудностями научился писать и лишь на пятом году обучения впервые самостоятельно решил несложную задачу для III класса... Заучив правило, мальчик через два часа ничего не помнит. Дочитав условие задачи до конца, он уже не помнит начало. Слабость памяти — так в повседневной жизни называют этот порок в умственном развитии. В основе его лежит глубокое уплотнение клеток коры полушарий головного мозга, вследствие чего информация от окружающего мира доходит к клеткам с большим опозданием и не подвергается той обработке, какой она подвергается в нормальных клетках. Никакое лечение здесь не поможет. Только терпеливая, кропотливая воспитательная работа педагога может в какой-то мере выровнять умственное развитие ребенка. Но такую работу — надо сказать об этом откровенно — умеет проводить один из ста педагогов.

Уважаемые молодые родители, помните, что здоровье и умственное развитие ваших детей зависят от вас. Помните, что создание человека — это не просто биологический акт. Человек тем и отличается от животного, что он осознает свою деятельность, включая и повторение самого себя в детях.

Еще в большей мере зависит умственное развитие ребенка от окружения, в котором он делает первые шаги познания. Речь идет, прежде всего, о человеческом окружении, о тех сложных и многогранных взаимоотношениях, благодаря которым ребенок познает мир и себя как частицу природы, как разумное, одаренное, творческое существо.

С первых шагов сознательной жизни ребенка родители должны обращать его внимание на причинно-следственные связи между предметами и явлениями окружающего мира, добиваясь того, чтобы маленький человек умел видеть. Умение видеть, умение замечать то, что с первого взгляда не отличается чем-то особенным,— это, образно говоря, воздух, на котором держатся крылья мысли. Первоисточник разума, мысли, мышления — в окружающем мире, в тех явлениях, которые человек видит, познает, которые вызывают у него интерес. Первая искра мысли загорелась в сознании нашего далеко-

го предка несколько десятков тысячелетий назад, наверное, тогда, когда он увидел какое-то удивительное, непонятное для него явление, и ему захотелось понять сущность этого явления.

Со времени далекого рассвета человеческой культуры и до наших дней окружающий мир, и прежде всего природа, является богатейшим и неисчерпаемым источником мысли. Разум — это раньше всего любознательность. Вы пошли со своим четырехлетним сыном на прогулку. Вот лес, за ним — молодые насаждения: сосенки, елки, дубки, ясень. Ребенок сам не заметит разницы между лесом и искусственными насаждениями. Любознательность надо воспитывать — учить наблюдать. Скажите сыну: «Посмотри на эти высокие деревья и на маленькие деревца, чем отличается старый лес от молодого?» Ребенок не сразу заметит разницу, но, присмотревшись внимательно, обязательно заметит. В его глазах вспыхнет радостный огонек, он скажет: «В старом лесу нет ровных рядов, а в молодом — какие ровные рядки!»

«А почему это так?» — спрашиваете вы, и сын задумывается. Ему хочется объяснить непонятное, но далеко не всегда он сможет это сделать. Даже если он и не даст ответа на ваш вопрос, даже если ответ дадите вы — огонек любознательности уже вспыхнул в детском сознании. Сын ваш увидел то, на что он никогда не обратил бы внимания, если бы вы не пробудили у него желания узнать, почему в молодом лесу ровные рядки, и если бы он не узнал, что человек посадил лес своими руками.

Вы идете в старый лес, перед вами толстые стволы дубов и ясеней. И вот ребенок уже сам увидел: на стволах — зеленый мох, и везде он растет почему-то только с одной стороны — подальше от солнышка. «Почему это так?» — спрашивает сын. У него нет еще достаточного запаса знаний, чтобы объяснить такое удивительное явление. Он изумлен открытием еще одной тайны природы. Вы идете в глубь леса. Мальчик восклицает: «Э-ге-е-ей!» И лес где-то далеко откликнулся, эхо катится оврагами и смолкает вдали. «Что это такое?» — спрашивает мальчик.

Вот и начался его путь в мир познания. Используйте каждый свободный час для того, чтобы помочь ребенку сделать еще и еще один шаг по этому пути. Иди-

те вместе с ним в поле, в лес, на берег пруда. Самый непримечательный овражек, заросший кустарником, таит в себе изумительные вещи — если только вы умеете увидеть их и раскрыть на них глаза вашему ребенку. Незабываемые минуты изумления, удивления, которые переживает ваш сын, — это взлеты пытливой мысли.

В детском мозгу в такие мгновения совершаются удивительные вещи: между мыслящими клетками устанавливаются тончайшие нити взаимосвязей. И чем больше вещей и истин открывается перед вашим ребенком в окружающем мире, тем больше он видит непонятного, загадочного. Почему летом солнышко высоко в небе, а зимой — низко? Почему на высоком дубе растут маленькие желуди, а на маленьких стеблях — большие арбузы и тыквы? Почему сверкает молния и гремит гром? Почему одни птицы улетают в теплые края, а другие остаются у нас на зиму? Тысячи подобных вопросов задает ваш ребенок в неповторимые часы путешествия в мир природы. И чем больше он поставит вопросов, чем больше увидит вокруг себя в годы раннего детства, тем умнее он пойдет в школу, тем зорче будет его глаз и острее память. Будьте воспитателями ума своего ребенка, учите его мыслить.

ВОСПИТАНИЕ БЕЗ НАКАЗАНИЙ

В Кировоградский детский приемник милиции доставили 14-летнего подростка. Подвижный, смышленый, он, как выяснилось, учился в V классе третий год. Теперь вот сбежал из дому... Твердит одно: «Ни за что не вернусь домой. Не пойду в школу!»

Детприемник затребовал из школы характеристику на мальчишку. Директор тотчас же ответил примерно следующее: ученик Федор С. — неисправимый, законченный хулиган, бездельник, издевается над учителями, к тому же шалопай и тупица. Выяснилось: перед тем как убежать из дому, Федор на уроках шалил, мяукал, лаял. По дороге на станцию вынул стекло в магазине сельпо, снял с витрины рюкзак, два карманных фонарика и несколько батареек. «Это преступное действие подлежит наказанию, — грозно заключил свою характеристику директор, — такого ученика нельзя оставлять в нормальной школе».

К судьбе Феди мы еще возвратимся. А пока давай-

те, товарищи родители, кто бы вы ни были — рабочие или врачи, учителя или инженеры, партийные или хозяйственные работники, а также молодежь — завтрашние отцы и матери, — задумаемся над вопросом: почему до сих пор существует детская безнадзорность? Откуда это противоестественное для нашего общества явление? Причем оно опасно не только само по себе — тем, что часть подростков идет в жизнь нравственно искалеченными. Безнадзорность в детстве является семенем, дающим свои плоды в зрелые годы.

В нашей стране есть все возможности свести на нет причины, порождающие безнадзорность, правонарушения малолетних, полностью ликвидировать это зло.

Главной причиной детской безнадзорности и правонарушений является, по моему твердому убеждению, низкая педагогическая культура семейно-школьного воспитания. Пора и родителям и учителям глубоко осознать, что ни школа без семьи, ни семья без школы не могут справиться с тончайшими, сложнейшими задачами становления человека. Пока же получается так, что семья и школа воспитывают человека каждый по своему разумению.

Многие родители совершенно не знают, как правильно растить юных, формировать их характер, взгляды, привычки, в чем заключается этот процесс. Бесспорно, нет родителей, которые бы не хотели, чтобы их дети выросли хорошими людьми, честными тружениками, полезными обществу. Но беда в том, что не все это умеют делать.

Мы в своей практике убедились: сами дети являются огромной воспитывающей силой для взрослых. В самом деле, в доме, где есть дети, для педагогов открывается благотворная возможность формировать очаг моральной чистоты, благородства, духовного богатства, сердечных человеческих отношений. Если при помощи школы в молодой семье заложены прочные основы высокой педагогической культуры семейно-школьного воспитания, ребенок способен творить чудеса: он не допустит, чтобы отец стал пьяницей, удержит родителей от грубого слова, ссор и т. д. Вот почему, думается, важнейшей задачей педагогов является обучение родителей тому, как воспитывать детей.

У нас в школе работает вот уже полтора десятка лет постоянно действующий родительский университет.

В нем несколько групп. Первая — для молодых супругов, у которых еще нет детей. Во второй занимаются родители дошкольников — ребятишек, которым предстоит поступать в I класс, а также созданы специальные группы для отцов и матерей учащихся разных возрастов.

Ребенок учится в школе 10 лет, а его родители учатся в своем университете 13 лет. Посещают занятия и отец, и мать, все без исключения. Если тот или иной из родителей не может явиться на лекцию, он просит у директора или классного руководителя разрешение на это.

Занятия в каждой группе проводятся два раза в месяц по полтора часа. Ведут их директор школы, завучи, лучшие учителя. Вообще же эту работу я, как директор, считаю самой нужной и важной среди всех других обязанностей руководителя школой.

Кое-кто может спросить: если в школе работают семь родительских групп да собираются они дважды в месяц, то выходит, учителя только и делают, что говорят с родителями? Нет, перегрузки мы не чувствуем, потому что освободили себя от многих ненужных, но широко бытующих в школах форм общения с родителями. Мы не ходим к ребятам на дом. Их отцы и матери идут к нам сами.

На занятиях педагоги стремятся конкретно разобраться, что значит правильно воспитывать детей, подростков, юношей и девушек. Не провозглашают лозунги и призывы, к которым, к сожалению, иногда сводятся родительские собрания, а дают деловые советы отцам и матерям.

Так, на занятиях молодоженов — будущих родителей — разговор ведется главным образом о культуре взаимоотношений супругов, об умении человека управлять своими желаниями, сообразуя и согласуя их с желаниями других людей. Если внимательно проанализировать то, что в житейском понимании называется счастьем и несчастьем, удачей и неудачей, духовным богатством, создаваемым вдвоем (а потом и семейным коллективом), — все это основывается на культуре человеческих отношений. Оберегая неприкосновенность интимного мира людей, мы вместе с тем тактично прикасаемся к самым заветным, можно сказать, заповедным уголкам человеческих сердец. Именно это-то как

раз и привлекает молодых отцов и матерей. Кстати, почти все они — наши бывшие ученики.

Л. Н. Толстой писал, что рождение ребенка создает для родителей особую «область уязвимости». Отцам и матерям мы стараемся как можно ярче показать эту их «уязвимость» перед детьми, убеждаем, что каждым шагом своей жизни они воспитывают ребят, оставляют в них крупицу своего разума, нравственности, своей души.

На занятиях с родителями, детям которых предстоит поступить в школу, мы учим их, как развивать умственные способности и речь детей, воспитывать чувства. Специальные лекции посвящаются темам: «Отец и сын», «Мать и дочь», «Семья как школа человеческих взаимоотношений», «Первые нормы нравственной культуры детей» и др.

Исключительно важным элементом семейного воспитания является трудовая закалка детей. Думается, идеалом здесь должна служить мудрая заповедь народной педагогики: ребенку надо трудиться с того момента, как он научился держать ложку в руках и нести пищу из тарелки в рот. Труд в семьях наших учащихся стал основой культуры человеческих взаимоотношений. Красной нитью здесь проходит идея труда для человека, для его счастья и блага.

Вместе с отцами и матерями мы добиваемся того, что с первых шагов своей сознательной жизни и до возмужалого возраста ребенок, подросток что-то создает для людей: в семь лет, т. е. к тому времени, как идти в I класс, каждый обязательно выращивает в своем дворе яблоню матери и несет ей первые плоды с дерева, выращенного собственными руками.

Воспитание было бы однобоким, если бы маленький человек, проживший на свете 11—12 лет, оглянувшись на детство, не увидел первые результаты своей трудовой жизни, не сказал себе с удовлетворением: эту зеленую рощу для отдыха людей вырастил я; этот виноградник посадил я — для всех!

Многолетний опыт убеждает в истинности очень важной педагогической закономерности: там, где источником радости ребенка, подростка является труд для людей, общества, совершенно нет наказаний. В них просто нет нужды, вопрос о наказаниях даже не возника-

ет. А раз нет надобности в наказаниях — значит, нет нарушителей дисциплины, дезорганизаторов.

Да, утверждаю: учащиеся нашей школы не знают наказаний. И прежде всего потому, что источником их детской радости является жажда созидать, удовольствие делать людям добро. У нас не практикуются не только коллективные «проборки» ребят в пионерском отряде, классе. Ремешок, подзатыльник и прочие наказания в семьях тоже совершенно исчезли.

Без этого «достижения» мы не представляем себе элементарной педагогической культуры семейно-школьного воспитания. В. И. Ленин говорил, что завоевания революции может закрепить только школа. Да, воспитание без наказаний — это не узкошкольное дело. Это одна из важнейших проблем коммунистического переустройства общества, его тончайших и сложнейших сфер — человеческого сознания, поведения, взаимоотношений.

Можно еще нередко услышать рассуждения: для того чтобы навсегда исчезли преступления, нужно пожестче, построже наказывать. Неправильно это! Преступлений не будет, если в детстве, отрочестве, ранней юности не будет наказаний, точнее: если исчезнут нужда, надобность в наказаниях.

В начале нашей беседы я рассказывал о мальчишке Феде С., убежавшем из дому. Выяснилось тогда: жизнь и в школе, и в семье стала для него настоящим адом. Ребенок не мог осилить учебных заданий, ему было трудно заниматься, а учителя без конца писали в дневнике родителям: «Ваш сын не хочет учиться, примите меры...» «Плохо ведет себя, примите меры». Отец и мать били мальчишку. Возненавидев школу и семью, он стал умышленно не выполнять заданий, нарушать дисциплину...

Всем надо помнить: если ребенок познал потрясение, связанное с наказанием, в его душе ослабляются внутренние силы, самой человеческой природой предназначенные для самовоспитания. Чем больше наказаний и чем они жестче, тем меньше самовоспитания.

Наказание, тем более если справедливость его сомнительна (именно так и бывает в подавляющем большинстве семейных конфликтов), огрубляет человеческую душу, озлобляет и ожесточает ее. Человек, испытавший наказания в детстве, в подростковые годы

не боится ни детской комнаты милиции, ни суда, ни исправительно-трудовой колонии.

Пуще всякой другой напасти мы, воспитатели, опасаемся именно грубости души, нравственной толстокожести, невосприимчивости к добру, красоте. Эта напасть тоже зарождается в семье, в годы раннего детства, и предотвратить ее можно только с помощью важнейшего очага педагогической культуры — школы.

Конечно же, есть трудные, очень трудные семьи. Но я, работая в школе не один десяток лет, не встречал родителей неисправимых, не встречал людей, в душе которых не осталось бы доброй искры. Превратить эту искру в яркий факел — вот в чем мучительно трудная, но благородная задача педагогов.

Время выдвигает острые, жгучие проблемы коммунистического воспитания подрастающего человека. Успешно решать их нельзя без высокой педагогической культуры семейно-школьного воспитания.

О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ РОДИТЕЛЕЙ

1. ВОЛШЕБСТВО СЛОВА

Какими бы прекрасными ни были наши дошкольные учреждения, самыми главными «мастерами», формирующими разум, мысли малышей, являются мать и отец. Семейный коллектив, где ребенка вводят в мир зрелости и мудрости старших, — это такая основа детского мышления, которую не может заменить в этом возрасте никто. Наблюдения ученых в детских яслях и садах убедительно свидетельствуют: когда длительное время общаются между собой дети одного возраста (например, 3—4 лет), когда они лишены систематического индивидуального духовного влияния старших, развитие их мышления задерживается. Только ежедневное общение с матерью и отцом, с бабушкой и дедушкой, со старшими братьями и сестрами обеспечивает благоприятную обстановку для развития детского мышления. Безусловно, я не отрицаю огромного воспитательного влияния на малышей и дошкольных учреждений. Но перекладывать на них абсолютно все заботы о всестороннем, и в частности умственном, воспитании детей нельзя.

Мы вступаем сегодня в такой период развития нашего общества, когда общая педагогическая культура всего населения, особенно родителей, является одной из

предпосылок выполнения каждым гражданином своего долга перед обществом, а этот долг заключается прежде всего в воспитании молодого поколения. Поэтому прежде всего необходимо заботиться о повышении педагогической культуры родителей, особенно в тех ее аспектах, от которых зависит полноценное развитие мышления ребенка. У нас, например, для тех матерей и отцов, чьи дети через несколько лет пойдут в школу, создана «Школа для родителей». Учительский коллектив твердо убежден в том, что трудно найти более важное дело для учителей и родителей, чем забота о формировании и развитии мышления ребенка. И правда, почему, например, один ребенок приходит в школу сообразительным, наблюдательным, быстро схватывает то, что объясняет учитель, запоминает, а другой мыслит очень медленно, воспринимает материал с большим затруднением, имеет плохую память? В понимании этих вопросов мы были, образно говоря, слепы, искали тропинку на ощупь до тех пор, пока не создали школу для родителей будущих учеников.

Каждое занятие посвящается одной теме. Например, анатомо-физиологические особенности, нервная система, физическое и психическое развитие, духовная жизнь ребенка. Главная форма воспитания педагогической культуры родителей — лекции, насыщенные яркими фактами, убедительными примерами. Читает их директор, его заместитель, лучшие учителя.

Мы стремимся к тому, чтобы родители поняли свою ответственность в воспитании тончайших сфер духовной жизни ребенка.

Припомнниаю, иа одиом из заиятий, чтобы родители лучше осознали роль человеческого окружеиия в формироваиии разума ребеика, я рассказал им о том, как сотни лет тому иазад иидийский падишах Акбар задумал проверить, правду ли говорят мудрецы, что сыи иидийца будет говорить только на языке родителей, сыи китайца — только иа китайском языке, в каком бы они ии пребывали окружении в детстве, если даже никто их не учил языку их предков. По приказу падишаха в помещениях, абсолютно изолироваииых от виешнего мира, были размещены 30 детей грудиого возраста разиых иациоиальностей. Несколько слуг с вырезаииыми языками прислуживали детям. Еду через малеиькое окошечко принимал безголосый евиух. Ключи от комиат, где росли детн, которые никогда не слышали человеческой речи, повелитель носил на своей груди.

Так прошло семь лет. Однажды в сопровождении мудрецов падишах открыл двери. Вместо человеческой речи их встретили

вой, нечленораздельные звуки, мяуканье... Так были посрамлены «мудрейшие из мудрых».

С точки зрения науки опыт (если это злодейство можно назвать опытом) был поставлен «чисто». Акбар был одним из тех, кто показал, насколько важно для ребенка человеческое окружение в первые годы жизни. Сегодня известны десятки случаев воспитания детей зверями — львами, тиграми, волками. В силу чрезвычайных на первый взгляд обстоятельств дети-малыши попадали к зверям и жили среди них несколько лет. И вот такие «дикие» дети благодаря счастливым стечениям обстоятельств снова возвращались к людям. Большинству из них было 10—17 лет. На протяжении ряда лет ученые стремились научить этих детей говорить, но стремления эти оказывались тщетными. Остальные «дикие» дети за год могли усвоить только два-три слова. Ни одного из них не удалось сделать полноценным членом человеческого общества именно потому, что время их пребывания в окружении зверей пришлось на самый чуткий к внешнему влиянию период. Период от 2 до 7 лет самый ответственный в развитии человека. Незаметно для себя самого он получает в это время из окружающего мира много знаний, умений, привычек, которые ложатся фундаментом в его психике. Способность мыслить и говорить, владеть речью, выражать свои чувства, свое отношение к окружающему миру формируется именно в этот период. Беспрерывно испытывая действие все новой и новой информации, ребенок приобретает все возрастающее стремление к знанию. У взрослого это стремление превращается в осмысленную тягу к знаниям.

У зверей нет психических стимуляторов, свойственных людям. Жизнью зверей руководят инстинкты. У детей, которые жили среди зверей в самый чуткий к внешним влияниям период, клетки коры полушарий головного мозга сохраняют инстинктивное начало, которое закрепилось на всю жизнь.

Без понимания этих истин и многих других знаний немыслима педагогическая культура родителей. Личность матери и отца — воспитателей никто и ни при каких обстоятельствах заменить не может. Я говорю отцам и матерям будущих наших учеников:

— У вас родился ребенок. Помните, что воспитание его ума начинается с того времени, когда своими

глазами он увидел пестрый цветок или игрушку, услышал шелест листьев, жужжание пчелы. От того, что человеческое вошло в этот период в сознание ребенка, зависит, насколько развитым, сообразительным, умным придет он в школу. Благодаря беззаботности некоторых родителей «воспитание» иногда дает такие последствия, что потом и самый мудрый, самый опытный педагог не может ничего сделать...

В воспитании педагогической культуры родителей мы стремимся к определенной системе и последовательности. Наряду с советами о здоровом режиме труда и отдыха ребенка, о многогранной деятельности в детстве обращаем особое внимание на духовное воспитание детей. В частности, мы даем конкретные советы, как развивать чувства у детей. Подчеркиваю, что это — одна из главных основ воспитания интеллектуального богатства. Чувства — это окна в окружающий мир, через которые ребенок познает все, что вне его. И мы добиваемся того, чтобы в детстве эти окна были чистыми, прозрачными и светлыми.

В чувственном познании мира в раннем детстве огромную роль играет эмоциональная память. Многочисленные факты убеждают в том, что, глубоко пережив в раннем детстве тот или иной образ, его красоту, дети запоминают его на всю жизнь. У детей, которые приходят в школу сообразительными, любознательными, умными, память сберегает очень много образов чувственного восприятия мира. Формируя педагогическую культуру родителей, мы совершенствуем и свою, так как в воспитании все взаимосвязано. Вот я взволнован ярким, художественным рассказом первоклассника Юры М. о первом весеннем ключе, о первых каплях, которые падают с крыши и «просверливают» снежный ковер... Еще раз убеждаюсь, как это важно для нас, взрослых, находить время и возможности приобщать малышей к миру прекрасного. Необходимо, чтобы ребенок обязательно увидел и рождение цветка, и как пчела достает нектар, и снежинку, как будто вырезанную сказочным мастером. Пусть зачарованно смотрит ребенок на город или село, что встает перед ним в ранней мгле, на удивительную игру красок радуги, на звонкое поле золотой пшеницы...

Наблюдательность, внимательность, любознательность — эти качества в большой степени определяют

умственное развитие и успеваемость учеников. Наши многолетние наблюдения над детьми дошкольного возраста приводят к выводу, что любознательность, стремление знать — это не что-то данное людям природой, качества эти воспитываются в раннем детстве.

Эмоциональное богатство чувственного познания является также основой развитой, индивидуально богатой речи ребенка.

К великому сожалению, я встречал учеников даже во II—III классах, у которых, например, слово «рассвет» не вызывало никаких представлений и чувств, не несло в себе никакой эмоциональной окраски. Почему это так? Потому, что эти дети никогда не видели собственными глазами, как кончается ночь и рождается день. У таких детей слова «вылетают из головы» именно тогда, когда есть необходимость найти нужное слово. Неясность мысли и нечеткость речи, несвязанность, косноязычие — вот что характерно для умственного развития детей, память которых в период от 2 до 7 лет не запечатлела ярких образов. А если не запечатлелись они, то не запечатлелось и слово, которое пришло в детское сознание как кратковременная вспышка бледных, невыразительных огней.

Наверное, каждому из нас, учителей, приходилось задумываться над вопросом: почему у одного ученика крепкая, как говорят, цепкая память, а у другого — «в одно ухо влетает, а в другое вылетает»? Наблюдения над умственным развитием детей дошкольного возраста открыли вот какую важную закономерность. Прочность памяти школьника в большой, возможно, в решающей мере зависит от того, насколько яркими, эмоционально окрашенными были слова, которые вошли в его сознание в раннем детстве.

2. ПЯТЬСОТ ОТКРЫТИЙ ДОШКОЛЬНИКА

Я рассказываю о пробуждении жизни в лесу весной, создаю в представлении детей такую, например, картину: сквозь слой прошлогодних листьев пробивается нежная стрелочка подснежника, голубой колокольчик маленького цветка удивленно смотрит в синее озеро талой воды... Вижу, как в глазах у одних учеников загораются живые огоньки интереса, пытливости, им

не терпится и самим рассказать о такой же картине. У других учеников глаза хоть и внимательны, но безразличны. Слова мои не находят отклика в их внутреннем мире. Трудно будет работать с этими учениками: они с большими затруднениями, с большими усилиями будут запоминать мои объяснения. В эмоциональной памяти их нет той «зацепки», за которую можно ухватиться, чтобы воспитывать память, пытливость, наблюдательность.

Обо всем этом рассказываем на занятиях «Школы для родителей» будущих наших учеников. Мы анализируем окружающую среду, сосредоточиваем внимание родителей на тех объектах, которые могут быть источниками эмоциональной окраски слова. Вот недалеко от села дубрава, в ней холодные лесные источники, есть и такое местечко, где нагретая солнцем земля пробуждается еще в феврале, между сугробами снега синеют подснежники. Есть в дубраве Поляна ландышей — так назвали мы ее много лет тому назад. Учителя приходят сюда с детьми не только любоваться природой, но и учить детей думать. Есть в дубраве несколько дубов, с которых листья не опадают до весны: всю зиму стоят они среди заснеженных деревьев — разноцветные, словно какой-то волшебник украсил их багряными, желтыми, оранжевыми листьями. Есть тут и закуток, где с давних пор живут в своих норах лисички... А вот овраг, заросший кустарником. С первого взгляда кажется, что ничего интересного тут нет, а если присмотреться внимательно — сколько тут захватывающего, сколько животворных источников для эмоциональной окраски слова. В глубине оврага — родник, не замерзающий в самый лютый мороз. А заросли сирени в степи, а наш школьный двор, где дети видят редкие в нашей местности деревья — сосну, ель, рябину! Мы учим родителей: ведите детей к источникам эмоционального наслаждения словом, пусть у детей ваших возникает как можно больше вопросов. Мы верим в педагогические возможности родителей, в педагогический талант многих из них. Родительская речь, родительская жизненная мудрость — неисчерпаемый источник народной педагогики. Если доброжелательно подойти к этому источнику, внести в него научные знания — наша сухая педагогическая теория заиграет, зацветет, оживет.

Процесс передачи маленькому ребенку жизненной

мудрости старших поколений, мудрости, одухотворенной материнской и отцовской любовью, ничем не заменить и не создать искусственно. Закономерности человеческого окружения, созданного в семье, становятся еще более убедительными, когда приходится анализировать отрицательные факты, которых еще, к сожалению, в жизни встречается немало.

С 5 лет наша школа начинает систематическую воспитательную работу с будущими учениками. Один-два раза в неделю, в определенный день дети приходят в школу, с ними ведет воспитательную работу будущий учитель I класса. Главное направление — развитие мышления. В хорошую погоду дети идут в лес, в сад, в поле — к тем источникам мысли и речи, о которых мы говорим родителям. Во время этих встреч с природой мы добиваемся того, чтобы дети видели, осмысливали взаимосвязи между незаметными с первого взгляда причинно-следственными связями, придаем особое значение развитию наблюдательности, любознательности как важным предпосылкам развития мысли. Каждая встреча с природой под руководством учителя — своеобразное открытие, проникновение детской мысли в те тайны, которые незаметны, не бросаются в глаза. За год малыши делают свыше 500 «открытий». Вот отдельные из них: все, что окружает нас, принадлежит к живому или к неживому; вода, солнечный свет и тепло — необходимые условия жизни; растение рождается из зерен, живет, созревает, создает плод (зерно) для продолжения рода; вода может быть в разных состояниях — жидком, твердом, газообразном; рост и развитие растения бывает более бурным, если человек вносит в землю минеральные или органические удобрения; верхний слой земли — чернозем — это среда, в которой проходит жизнь растения. Каждое из этих «открытий» возможно благодаря осмысливанию ярких образов чувственного познания. Именно в процессе этих «открытий» слово приобретает эмоциональную окраску и формируются первые понятия, например понятие о живом и неживом.

Уже в этот период мы замечаем отдельные (незначительные в эти годы, но значительные потом) аномалии в умственном развитии отдельных детей. Некоторые дошкольники остаются равнодушными к тем тайнам, открытие которых у большинства детей вызывает удив-

ление, а удивление — это, образно говоря, эмоциональное сердце мысли.

Углубленное изучение человеческого окружения в тех семьях, откуда приходят равнодушные дети, чаще всего показывает, что причиной умственной инертности является убогость, ограниченность чувственного познания, отсутствие ярких образов, которые бы влияли на эмоциональную сферу ребенка. Выявив этот недостаток, мы начинаем углубленную индивидуальную работу, целью которой является прежде всего активизация чувственного познания, формирование эмоциональной окраски слова. Мы откровенно говорим родителям: если вы не будете вести с детьми систематической, повседневной воспитательной работы, ваш ребенок придет в школу с плохим умственным развитием и плохо будет учиться.

Период от 6 до 7 лет — период более систематической воспитательной работы. Как и в предыдущий год, организуются встречи с природой с целью развития мышления. Кроме того, дети учатся читать. Методика обучения чтению тесно связана с игрой. В школу дети приходят, уже владея первыми навыками чтения. Это позволяет проводить содержательную, многогранную работу по развитию мышления в школьные годы.

ОСТОРОЖНО: РЕБЕНОК!

ВАЖНАЯ СТОРОНА РОДИТЕЛЬСКОГО АВТОРИТЕТА

Некоторые родители считают, что послушание детей определяется уровнем их сознательности. Когда ребенок подрастет, он начинает понимать, что родителям надо повиноваться, и тогда его легко будет дисциплинировать. А пока эти родители предоставляют детям-дошкольникам полную свободу проявления своих прихотей.

В нашем рабочем поселке живет служащий Петр Афанасьевич Н. В его семье трое детей — мальчик и две девочки. Семья хорошо материально обеспечена, и родители ни в чем не отказывают детям, особенно сыну. Еще будучи дошкольником, Витя привык к тому, что родители исполняют любое его желание. За обедом, когда мать наливала ему суп в небольшую детскую тарелку, он капризно спрашивал:

— Почему ты налила мне суп в эту тарелку? Я хочу в глубокую тарелку!..

И мать переливала суп в глубокую тарелку.

— Пусть вырастет — уразумеет, что мать и отца надо слушать, — объясняла мать каждый раз, когда у ребенка появлялся новый каприз. Так же думал и отец.

Родители часто покупали Вите детские книги, которые он систематически рвал, используя страницы для изготовления бумажных голубей и самолетов. Отец пытался запретить это, но мальчик применил и здесь свое испытанное оружие: капризы, плач. Мать вступилась за сына и при нем начала говорить отцу:

— Вот пойдет в школу, начнет читать, тогда и научится беречь книгу. Зачем запрещать то, что ему нравится. Вырастет — поумнеет.

Когда Витя стал учиться, отец сказал, что его надо будить за два часа до занятий. Матери жаль было так рано будить ребенка, и Витя, отправляясь в школу, всегда спешил, забывал дома то книгу, то тетрадь, а нередко и опаздывал. В выходный день Витя спал до одиннадцати часов. Он вставал поздно, долго провалявшись в постели, ленивый, разболтанный, и слышал, как отец упрекал мать в том, что она потакает детским капризам. Но отцовские слова его не задевали, так как он знал, что мать его поддержит, а отец в конце концов уступает матери. Ребенок видел, что мать и отец часто предъявляют ему совершенно противоположные требования. Следовательно, кого-то можно не слушаться, на чью-то защиту можно полагаться. А если это так, то слушаться лучше того, чье приказание отвечает его собственным желаниям.

Как видите, в семье Н. ребенка с самого раннего детства не приучили к выполнению требований, к послушанию. Родители Вити знали, что над сыном они имеют родительскую власть, что эта власть без особого труда позволила бы им добиться выполнения своих требований. Но они сознательно ее не применяли, считая, что ребенок со временем сам поймет, что родителям надо подчиняться, а до тех пор предъявлять к нему требований не следует. Такие взгляды отдельных родителей свидетельствуют о непонимании путей, которыми воспитывается подлинная дисциплинированность, о забвении своих родительских прав и обязанностей.

В семье, где есть дети, должна осуществляться ро-

дительская власть. В советской семье необходимость родительской власти обусловлена ответственностью родителей перед государством за воспитание детей. Что мы понимаем под родительской властью? Родительская власть — это право и возможность отца и матери подчинять своей воле детей, право устанавливать свои, обусловленные жизнью конкретной семьи требования. Это право закреплено советским законодательством, возлагающим на родителей ответственность за воспитание детей.

Ошибаются те родители, которые считают, что сначала дети должны понять необходимость повиновения, а потом уже они сами будут повиноваться. В действительности дело происходит как раз наоборот: привычка к повиновению, послушанию, выработанная с раннего детства, позже находит свое отражение и в сознании, в понимании необходимости повиноваться. Если же ребенок на практике убеждается, что его капризы выполняются, что его непослушание не влечет за собой никаких неприятных последствий, он привыкает капризничать и не слушаться, а позже приходит к убеждению, что так и должно быть.

Чтобы сформировать у ребенка правильные понятия о родительской власти, надо теснейшим образом связывать их с привычкой к повиновению, послушанию. Жизненная практика ребенка начинается задолго до логического понимания им словесных доводов и умозаключений. В процессе этой практики ребенок должен получить опыт повиновения, опыт подчинения. При этом не все то, что ребенку надо или нельзя делать, можно и нужно во всех случаях мотивировать логическими доказательствами (например, совсем не нужно, чтобы мать объясняла 3-летнему ребенку, почему он должен ложиться спать раньше, чем взрослые).

Родительская власть может правильно осуществляться только тогда, когда требования матери и отца будут направлены на воспитание будущего гражданина Советского государства. Требования родителей должны быть, прежде всего, разумными с точки зрения коммунистического воспитания. Подрастая, ребенок поймет разумность этих требований и будет благодарен за то, что его приучили к их выполнению. Требование родителей, далее, становится безоговорочным для ребенка только тогда, когда оно единодушно, т. е. когда мать

и отец требуют одно и то же. Если же требование (приказание или запрещение), как бы оно ни было разумное и правильное, рождается в родительских спорах, причем на глазах у ребенка, такое требование не будет для него авторитетным и безоговорочным.

Некоторые родители считают, что их власть в отношении детей должна проявляться главным образом в форме запрещений. Но это неправильно. Если ребенок слышит одни только запрещения, это сковывает его, делает робким, пассивным. Требования родителей должны выражаться не только в запрещениях, но главным образом в побуждении ребенка к определенным положительным действиям.

В течение ряда лет мы наблюдали воспитание детей в семье бригадира колхозной бригады Ивана Ивановича Ш. Отец и мать воспитывают пятерых детей: двое из них окончили уже школу и учатся в институте, трое — учатся в нашей школе. Дети прекрасно дисциплинированны как дома, так и в школе. В чем заключается секрет успеха родителей? Прежде всего в том, что свои требования — всегда твердые и единодушные — они направляют не на запрещения, а преимущественно на побуждения детей к активной деятельности. Родители сознательно избегают слова «нельзя», стремясь сформулировать свои требования так, чтобы они начинались словом «надо».

Нужда в запрещениях возникает обычно тогда, когда ребенок уже что-нибудь научился делать неправильно. Следовательно, чтобы устранить или, по крайней мере, уменьшить необходимость запрещений, надо не допускать накопления у ребенка отрицательного опыта. Отец и мать в семье Ш. достигали этого тем, что сразу приучали детей действовать правильно. Таким образом, родительская власть была для детей руководством, стимулирующим их положительную деятельность, а не проявлялась в постоянных одергиваниях. Отдельные же запрещения, которые иной раз родителям приходилось делать, легко принимались и соблюдались детьми. И это понятно. Ребенку гораздо легче не делать того, что нельзя, если он научился и привык делать то, что правильно.

Родители Ш. никогда не жалуются на детские капризы. Дети не капризничают, потому что им никогда не предъявляют двух противоположных требований по од-

ному и тому же поводу. Помня, что всякое расхождение и конфликт между ними порождает в душе ребенка сначала недоумение, а потом и непослушание, родители всегда идут на уступки друг другу. Если нужно, они умеют уступить и детям.

Быть требовательным не значит быть педантом, добиваться слепого послушания. Надо уметь глубоко проникать в мысли и чувства детей, в их желания. Иногда можно разрешать ребенку то, что и не совсем желательно для родителей, — разрешать только потому, что желание ребенка слишком сильно и прямой запрет вызвал бы у него тяжелые переживания. Нередко полезно, чтобы ребенок путем личного опыта понял ошибочность своего желания.

Расскажем об одном интересном случае, происшедшем в семье Ш. Двенадцатилетний сын Гриша отличался от других детей несколько замкнутым характером. У него были «тайны», в которые мальчик не посвящал братьев и сестер.

Отец и мать как-то заметили, что Гриша со своими товарищами уединяется в старом, заброшенном сарае на пустыре. «Что они там делают?» — заинтересовались родители. Но они не стали допрашивать Гришу, зная, что, если будет что-либо серьезное, мальчик сам обратится к ним. И они не ошиблись. Однажды Гриша подошел к отцу, когда тот собирался на работу в поле, и попросил:

— Разреши мне эту ночь переночевать в сарае...

— Почему? — удивленно спросил отец.

Сын рассказал, что они с товарищами организовали игру в «партизаны» и в старом сарае устроили «партизанский штаб». В эту ночь все «командиры» должны быть в сборе. Отцу не особенно понравилась эта затея. Но он видел, с каким увлечением относится мальчик к игре, с каким чувством ответственности он переживает свою обязанность «дежурного». Отец решил, что будет грубой ошибкой нарушать эти чувства своим категорическим запрещением. Уже то, что Гриша не позволил себе самовольничать, а обратился к отцу с просьбой, чистосердечно раскрыв свою «тайну», свидетельствовало о глубоком доверии и уважении сына к отцу. Этим тоже нельзя было пренебрегать. В то же время, взвесив все, отец решил, что одна бессонная ночь не повре-

дит здоровью мальчика. Пусть же он сам вместе с товарищами убедится, что они «хватили через край» в своей игре. И разрешение было дано. Все произошло так, как предполагал отец. В ночной игре дети увидели больше неприятного, чем романтического. Они не привыкли бодрствовать ночью и вскоре разошлись по домам, чувствуя большое желание побыстрее добраться до постели. После этого случая игра ребят вошла в нормальные рамки, а Гриша проникся еще большим доверием к отцу.

О чем говорит этот случай? Осуществляя родительскую власть, надо быть очень внимательным и чутким к внутреннему миру ребенка. Каждый родитель должен знать и чувствовать, где кончается предел его прямой власти и начинается тот интимный мир детей, который для них особенно интересен именно тем, что в него не вмешиваются взрослые. У каждого мальчика и девочки могут быть свои маленькие личные дела, связанные преимущественно с играми, товариществом, дружбой. Чем меньше будет явного вмешательства взрослых в этот круг интимных интересов ребенка, тем меньше у детей будет «тайн», тем откровеннее они будут со взрослыми.

Замкнутость, отчужденность детей порождаются, как правило, нетактичным вмешательством взрослых в мир детской жизни. Особенно недопустимо прямое и грубое вмешательство родителей в вопросы товарищества и дружбы детей. Некоторые родители ставят перед своим ребенком категорические условия: с такими-то детьми дружить можно, а с такими-то нельзя. Это неправильно. Обязанность родителей заключается не в том, чтобы «запрещать» или «разрешать» дружбу, а в том, чтобы тактично помочь правильно построить ее. Чем старше ребенок, тем шире мир его личной жизни и тем больше ограничиваются рамки прямого вмешательства родителей. Если в дошкольном и в младшем школьном возрасте ребенок простодушно рассказывает матери и отцу о всех своих «тайнах», то подросток или юноша уже гораздо более сдержан в раскрытии своего личного мира и весьма болезненно переживает попытки родителей прямо вторгаться в него.

Тут нужен совершенно другой подход, основанный на возросшем уважении к личности подростка, юноши, на признании ее неоспоримых прав. Тогда не будет от-

чуждения между родителями и детьми как в младшем, так и в старшем возрасте.

Авторитет родителей зависит от многих условий. Одним из таких непременных и важных условий является правильное, умелое использование родительской власти. Родительская власть — это не только право, но и искусство.

НРАВСТВЕННОЕ ИЖДИВЕНЧЕСТВО — ОТКУДА ОНО!

Каждый раз, когда речь заходит о преступлении, совершенном подростком, среди главных виновников на первом месте и в статьях, и в речах называют школу.

И реже возникают вопросы: кто они, эти подростки? Из каких они семей, сколько выросло их без отца, сколько — без матери? Какое у них образование?

Литераторы часто упрекают Академию педагогических наук в том, что ученые не используют богатых возможностей для исследования проблем воспитания трудных подростков. Академия, говорят они, располагает многим: опытом сотен тысяч педагогов, быстродействующими вычислительными машинами для обработки материала...

Обвиняется педагогика — педагогика в теории и педагогика на практике.

Поскольку статистических данных в общегосударственном масштабе у меня нет, буду опираться хотя бы на то, что мне хорошо известно.

Я учительствую 30 лет. Тысячи ребят и девчат на моих глазах стали взрослыми людьми, поженились, родили детей, привели их в школу. За годы своей работы мне пришлось встретиться с 270 трудными подростками. Это люди, душу которых надломили обстоятельства, сложившиеся в семье. Это люди, уже в детстве потерявшие веру во что бы то ни было святое, в детстве узнавшие то, что они не должны были знать. 189 человек из 270 — это дети без отца, дети матерей-одиночек, у 77 распалась семья, и только у 4 с первого взгляда в семье все было нормально (есть мать и отец, но если бы я рассказал правду и об этих семьях, вряд ли кто-нибудь мог выслушать ее без глубокого волнения).

Это уже не эмпирика, а статистика. На каждого из

270 воспитанников у меня есть карточка, в нее занесены все данные, которые я считаю необходимыми, чтобы знать человека. О чем говорят данные, которые накопились за тридцать лет моей педагогической практики? О том, что трудные дети и подростки — это прежде всего дети без отца, дети, не знавшие хорошей семьи. Их детство отравлено мыслью: они появились на свет случайно — как расплата за ошибки матери.

Трудно передать словами трагедию детского сердца, чувствующего, что он, ребенок без отца, никому не нужен. Дети, о которых идет речь, с первых шагов своей сознательной жизни слышали горькие слова матерей: ты мое наказание, пусть проклят будет тот день, когда ты родился.

Перечитываю пожелтевшие страницы записных книжек, перед глазами проходят эти дети и подростки — озлобленные, ощетинившиеся на воспитателя, болезненно воспринимающие ласковое слово, делающие все наперекор учителю.

Человечность, сердечность, чуткость, отзывчивость — этот моральный иммунитет против зла приобретается лишь тогда, когда человек в раннем детстве прошел школу доброты, школу подлинно человеческих отношений, а этой школой может быть хорошая семья, только наглядный пример человеческого союза двух любящих сердец — отца и матери.

Любовь к людям воспитывается только любовью — как огонь зажигается только от огня.

Я вспоминаю 12-летнего Колю К. Когда я читал рассказ о героическом подвиге Зои Космодемьянской, в глазах мальчика сверкнули злобные огоньки, и он сказал:

— Это неправда.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что все люди обманывают. Потому что в мире вообще нет правды. Красивые слова выдуманы только для книжек, — задыхаясь как будто от огромной физической тяжести, прошептал Коля...

Какое непосильное горе надо перенести маленькому человеку, чтобы до такой степени потерять веру в правду, в добро, в человечность! Этот мальчик жил в ужасающей атмосфере лжи, лицемерия, обмана. Его мать была трижды обманута: от трех мужчин, из которых

ни один не стал ее мужем, у нее росли три сына. Каждый день она говорила детям: не верьте никому и ни во что, обманывайте, где только сможете; выигрывает тот, кто лучше сумеет обмануть... И сама учила детей обманывать, лицемерить, воровать.

Мы уничтожили у себя в школе в классных журналах страницу, на которой записываются фамилия, имя, отчество отцов. Уничтожили потому, что в каждом классе есть дети, которым ставить вопрос об отце все равно, что посыпать солью рану. Не спрашиваем у детей, где работают их отцы, — узнаем об этом другими путями, потому что знать это необходимо.

Сколько таких детей в нашей стране? Уже больше десяти лет общественность требует, чтобы был наконец отменем закон о прочерках в метриках вместо отчества, закон, против которого восстают здравый смысл, нормы нашей морали.

В одном из последних номеров «Литературной газеты» опубликована очень интересная беседа подполковника милиции В. Чванова со специальным корреспондентом газеты Евг. Богатом. Опытный, умудренный годами нелегкого труда, хорошо разбирающийся в тонкостях чувств и переживаний преступников, В. Чванов считает, что один из главных источников преступности сейчас — это личная вина человека. Да, человек в любых обстоятельствах должен оставаться человеком, никакие ссылки на сложившиеся обстоятельства не могут уменьшить его личную вину. Но истинность этого утверждения имеет свои границы. Если рассматривать преступность как явление, имеющее глубокие корни, рождаются и иные мысли. Если у нас еще есть преступники, то, значит, в общественных, нравственных, духовных, этических отношениях между некоторыми людьми не все благополучно.

Ставшие обычным делом разговоры о том, что во всех нарушениях морали повинна прежде всего школа, дезориентируют общественность и прежде всего родителей. Раз во всем виновата школа, рассуждают многие родители, то, значит, в распоряжении школы есть какие-то средства, с помощью которых можно решить все задачи нравственного воспитания; если бы учителя могли использовать эти средства или если бы по-настоящему взялись за дело, все было бы хорошо. Поскольку школа может решить все или почти все, семья, следо-

вательно, не играет существенной роли в воспитании — в этом сейчас убеждены иные родители.

Нетрудно представить, к каким печальным последствиям может привести такое мнение, и уже частично привело. Многие родители, особенно молодые, убеждены, что их дело — производить детей, пускать их на свет божий, а воспитанием пусть занимается общество. В понятие **общественное воспитание**, по существу, сейчас стали включать только школу; заботы общества о воспитании подрастающего поколения многим представляются без забот семьи. Укрепление семьи — одна из самых важных социальных проблем, от решения которой зависит нравственный облик подростков, юношества. Надо, чтобы каждый человек понял глубоко: его долг перед обществом, его важнейшее служение обществу — воспитание собственных детей. Первый и главный воспитатель ребенка, первый и главный педагог — это мать, это отец. Будущим матерям и отцам надо давать педагогические знания уже в средней школе. Педагогика должна стать наукой для всех. Может быть, это покажется кое-кому преувеличением: я думаю, что, не изучив азов педагогики, молодой гражданин не должен иметь права создавать семью.

Общественное воспитание — это семейно-школьное воспитание. Духовное формирование человека, повторение в человеке себя, совершенствование самого себя в своем сыне и в своей дочери — это благородное гражданское творчество.

Надо принять закон, согласно которому родители отвечали бы за воспитание своего ребенка. Следует установить строгий порядок, в силу которого родители не имеют права передавать своих детей кому бы то ни было на воспитание, если только они здоровы во всех отношениях. Если же родители утратили моральное право на воспитание, показали себя нравственно неполноценными людьми, детей должно воспитывать общество. Для этого есть детские дома.

Неправильное, одностороннее представление о сущности общественного воспитания в социалистическом и коммунистическом обществе породило в последние годы дух потребительства, иждивенчества, который глубоко проник в воспитательную работу школы, даже в жизнь пионерских и комсомольских организаций.

Любопытно проследить, как рождается то «нрав-

ственное иждивенчество», о котором говорит В. Чванов в «Диалоге о виновности и наказании».

Как только приближается лето, райком комсомола не дает покоя: что вы, учителя, думаете делать для того, чтобы обеспечить летний досуг и отдых старшеклассников? И 50-летняя учительница, которой бы все лето отдыхать, назначается дежурной в так называемый летний самодеятельный комсомольско-молодежный лагерь труда и отдыха, где труда бывает с гулькин нос, а безделья хоть отбавляй, и это безделье надо опекать, придавать ему видимость культурного досуга...

Один директор школы решил сделать так: послать 17-летних парней на все лето в тракторную и полеводческую бригады. С радостью пошли парни в поле, почувствовали настоящую работу, но в райкоме комсомола произошел неприятный разговор: как это так — труд без коллектива, без стенгазеты, без организованного утреннего подъема?

Разве можно воспитать закаленных борцов за коммунизм, стойких, мужественных людей, если в отрочестве и юности они все получают в готовом виде? Недавно в одном селе нашей области произошел случай, похожий на анекдот. Возле колхозного клуба — волейбольная площадка. И вот столбики, на которых натянута сетка, подгнили и свалились. Двадцатилетние парни написали в районную газету заметку: что же это такое делается — о нас, молодежи, не заботятся. Районная газета направила заметку секретарю парторганизации. Тот во избежание неприятностей послал стариков — колхозных плотников, они нашли пару жердей, вкопали их вместо подгнивших столбиков. В редакцию пошла отписка: меры приняты...

Кое-кто всерьез надеется на то, что чем больше будет сооружено спортивных и танцевальных площадок, поставлено теннисных столов, тем меньше будет преступлений среди молодежи. Наивные детские надежды! Моральная стойкость, невосприимчивость к злу зависят не от танцевальных площадок и теннисных столов. У каждого юноши, у каждой девушки должна быть своя высокая жизненная цель и богатые духовные потребности. Книга — вот что должно быть главным. Почему это подростку нечего делать вечерами? Почему это он ищет, где бы убить время? Почему мы ищем,

чем бы помочь ему убить время? Потому что с малых лет он привыкает, что с ним должны возиться, его должны ублажать, увлекать, «охватывать». Потому что в юные души проникает дух потребительства, иждивенчества: для меня кто-то должен что-то организовать, меня должны чем-то «охватить»... Почему это подросток обязательно каждый день должен уходить куда-то из дому — то ли во Дворец культуры, то ли в молодежное кафе, то ли к теннисному столу? Почему у него нет желания посидеть дома, почитать книгу? Почему он стремится в любой коллектив, но только не в коллектив семьи? Почему подросток, юноша не идет под руку с матерью в театр или в клуб? Все это опять-таки следствие того, что из общественного воспитания, по существу, исключена семья.

Говоря об истоках нравственного иждивенчества, нельзя забывать о том, что опаснейший среди них — атмосфера лжи или, что еще пагубней, атмосфера полуправды. Когда маленький, еще не сформировавшийся человек чувствует, что от него что-то утаивают, не договаривают что-то до конца, он поначалу недоумевает, огорчается, а потом иногда начинает думать: так и надо — пусть другие за него все решают, делают тот или иной трудный выбор, берут на себя ответственность...

Нельзя сваливать на школу вину за просчеты и ошибки, которые допускаем все мы и в своей повседневной жизненной практике, и в деятельности наших общественных организаций.

ТРУДНЫЕ ДЕТИ

Трудные дети! Сколько тяжелых дум, тревог, огорчений приносят они и учителям, и родителям, и всему нашему обществу. До недавнего времени модным было утверждение: нет плохих школьников, есть плохие учителя. Поэтому для перестраховки слово «трудные» всегда брали в кавычки — так безопаснее. А это далеко не одно и то же...

Но легче ли школе, родителям, общественности от таких объяснений? Трудные дети есть, от них никуда не уйдешь. Это такой маленький человек, у которого в силу самых разнообразных причин мы видим ненор-

мальности, аномалии в умственном, эмоциональном или моральном развитии.

За тридцать лет педагогического труда мне довелось узнать, изучить свыше 70 трудных детей. И у каждого из них — что-то свое, особенное, глубоко индивидуальное, свой исток, свои особенности, свои пути постепенного воспитания.

Наверное, не одного учителя тревожило такое: все дети в классе внимательно слушают объяснение, сразу берутся решать задачу, а у Пети ничего не получается. Пожалуй, в каждой школе есть похожий ребенок. Но причина неуспеваемости, отставания, в конце концов второгодничества в каждом случае другая. За таким ребенком прочно закрепляется ярлычок — трудный. Директор школы обвиняет учителя — не сумел научить; учитель обвиняет самого ребенка — невнимательный, недостаточно усидчив, ленив.

Стремясь преодолеть все эти пороки, учитель максимально загружает ученика работой на уроках и после уроков, оставляет его на дополнительные занятия. А положительных результатов нет, учение опостылело Пете. Он научился обманывать и учителя, и родителей, научился списывать даже там, где он мог бы самостоятельно что-то сделать.

Постепенно Петя становится и в самом деле ленивым, а иногда и развращенным существом — он радуется, когда у учителя неприятности, стремится причинить ему боль, огорчение, страдание. Вспоминается открытый урок арифметики в одном из четвертых классов. Марии Петровне захотелось перед посторонними блеснуть активностью всего класса, чтобы не осталось ни одного не вызванного. Дошла очередь до Пети, задала она ему очень легкий вопрос:

— Десять разделить на две равные части.

И вот Петя, озлобленный бесконечными двойками, решил насолить учительнице.

— Будет два, — отвечает он не моргнув.

Сдерживая гнев, учительница говорит ласково:

— Ну что ты, Петя, это же не игра, а урок, скажи, сколько будет, если десять разделить на две равные части?

— Дважды два — четыре, — ответ Пети тонет в хохоте класса...

Какое-то, может быть незначительное, нарушение

умственного развития постепенно выливается в явление нравственного порядка. Сколько таких трудных детей встречается в школах, сколько беды приносят они и родителям, и учителям. Поставьте себя, дорогие товарищи взрослые, на место Пети. Представьте себе, что ежедневно, изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год, вам будут говорить: ты ни на что не способен, ты отстающий, тебе непосильно то, что посильно другим, — какое у вас будет настроение?

Начальник Кировоградского областного детского приемника рассказал однажды: «Получаем мы из школы характеристику на ученика, четвертый раз убежавшего из дому. И что же пишет директор? Ребенок учится в IV классе третий год, не успевает, до этого учился два года в III классе. Дерзко, нахально относится к учителям. Когда на него прикрикнули, он в ответ заругался матерщиной. Разве такого хулигана можно держать в школе?

Хотелось на этой характеристике написать резолюцию и послать ее директору школы: «посади вас на три года в один класс, вы не то что ругаться, волком выть станете».

Большая вина учителей и директоров школ в том, что они не стремятся дойти до истока, почему ребенок стал трудным. Так же как врач тщательно исследует организм больного, ищет и находит причину возникновения болезни, чтобы потом приступить к лечению, — так и учитель — если только он настоящий учитель! — должен вдумчиво, внимательно, терпеливо исследовать, изучать умственное, эмоциональное, моральное развитие ребенка. Разве можно представить врача-гуманиста, который сказал бы больному: вы тяжело больны, я не могу вас лечить. А сколько есть среди нас, педагогов, людей, которые каждый день дают почувствовать ребенку, что он безнадежный, а нередко и прямо говорят об этом. Подлинный смысл педагогики заключается в том, чтобы даже человек, которому трудно то, что посильно другим, не чувствовал себя неполноценным, испытывал высокую человеческую радость — радость познания, радость интеллектуального труда, радость творчества.

Многолетняя практика воспитательной работы, исследование умственного труда и многогранной духовной жизни детей привели меня к глубокому убеждению,

что важнейшие причины, в силу которых ребенок становится трудным, неуспевающим, отстающим, кроются в воспитании, в условиях, окружающих ребенка в годы раннего детства. Значит, мыслящая материя маленького существа в возрасте от 1 до 7—8 лет не получила чего-то существенного для своего развития.

В школе дело угусубляется особенно тогда, когда учитель не знает, что происходит в голове ребенка, который, напрягая все свои умственные силы, не может осилить истин и премудростей науки и в отчаянии отступает.

Нам, учителям, воспитателям, родителям — всем, кто имеет дело с детьми, надо знать и учитывать в своем труде некоторые важные истины. Ребенок рождается с незаконченной в своем развитии нервной системой. Развитие ее продолжается до 17—18 лет и даже дольше, при этом наиболее сложные, глубокие процессы приходятся на период от 1 до 7—8 лет. В том, что беспомощный младенец становится человеком, исключительную роль играют человеческие отношения в первые годы его жизни. Науке известны 32 случая воспитания маленьких детей дикими зверями — волками, тиграми, львами, похитившими младенцев и заботливо ухаживавшими за ними. Возвращенных потом в человеческое общество «диких» детей так и не удалось сделать людьми. Эти печальные факты являются еще одним доказательством того, насколько важно умственное воспитание в детстве.

...Но почему все дети поняли условие задачи и решили ее, а Петя так и не осилил? Может быть, мозг у него не такой, как у других детей? Нет, в его мозгу те же несколько миллиардов клеток мыслящей материи — нейронов, что и в мозгу других детей. Где же причина?

Окружение, в котором мальчик находился в первые годы жизни, не дало для его мозга всего того человеческого, что должен получить ребенок в *период младенчества нервной системы.* Для того чтобы несколько миллиардов нейронов стали мозгом умной, пытливой человеческой личности, они с появлением на свет должны подвергаться *постоянному влиянию человеческих отношений.*

Мышление начинается с вопроса: *почему?* Ребенок видит многочисленные явления окружающего мира, ви-

дит и удивляется. К цветущей яблоне летят пчелы, потом опять улетают — куда, почему? Одна птичка вьет гнездо на дереве, а другая лепит под крышей дома — почему? Вечером степь была серая, а утром покрылась белым пушистым ковром — почему? Солнце зашло за гору, на небе сверкают звезды — что это такое, почему? Неискоренимая потребность знать, любознательность, пытливость не закладываются в человеческий мозг природой — приобретаются человеком от человека. Это и есть тот важнейший элемент человеческих отношений, который так необходим для нормального развития малыша. И чем больше мы, взрослые, отвечаем на его вопросы, тем больше развивается детское любопытство, тем больше вещей замечает он вокруг себя, тем больше удивляется, изумляется, радуется.

А в мозгу в эти мгновения творятся изумительные вещи. Очаги мыслящей материи трудятся — в нейроне происходят сложнейшие биохимические процессы, нейрон становится органом человеческого мышления. Нет упражнений — нейроны пребывают как бы в состоянии сонливости, прекращается их развитие, нет той пластичности, подвижности, без которых психика задерживается на уровне инстинктов. Нет живой, пытливой детской мысли — момент для развития психики человека упущен.

Чем дальше от рождения начинается воспитание разума, мысли, тем более консервативен и трудновоспитуем человек — об этом золотом правиле умственного воспитания, к большому сожалению, забывают учителя, а многие родители вообще не знают о нем. Среди родителей до сих пор распространено глубоко ошибочное мнение: до поступления в школу сознание ребенка пусть остается как чистая доска, не надо ему знать ни одной буквы, не надо учиться читать. На вопросы ребенка многие старшие отвечают: пойдешь в школу — узнаешь.

Так подавляется стремление к познанию.

Что же произошло с Петей, какие человеческие отношения не коснулись его мозга? Отец и мать на работе, сына они поручили бабушке. Это был добрый человек, но забота ее ограничивалась удовлетворением инстинктивных потребностей ребенка: своевременно накормить, положить спать, выкупать, переодеть. Бабушка ничего не рассказывала и не показывала ему —

она плохо видела. Петя лишен был и общества детей. Ребенок был предоставлен самому себе. Его глаза видели много прекрасного, интересного: по стволу дерева прыгал дятел, дружно работали осы, иногда на ветки яблони садилась красивая птичка — иволга, в синем небе пел жаворонок. Тысячи картин проплывали мимо, но они ничего не оставляли в сознании. Мальчику было уже почти два с половиной года, а он не знал названия многих вещей, окружавших его.

Пришла осень, наступила зима — мир Пети стал еще уже: большую теплую комнату устлали ковриками, сколько хочешь ходи, ползай, бегай, не натолкнешься ни на что жесткое, не ударишься. С утра до вечера — неусыпный заботливый надзор бабушки, обильное и сытное питание, игрушки, которые ребенок почему-то сразу же ломал. Пяти лет Петю стали пускать к ребятам на улицу. Но происходили странные на первый взгляд явления. Петя не понимал, что такое игра. Не найдя никого из спрятавшихся детей, мальчик падал на траву и ревел. Если же находил кого-нибудь, хватал за волосы или бил кулаками.

Дети перестали принимать его в игру, он не особенно огорчался, садился где-нибудь под кустиком, выламывал палку, бил по земле. Или находил другие занятия — обрывал листья. С удивлением ребята заметили, что Петя — уже почти шестилетний ребенок — не может считать до пяти.

Вот что произошло с Петей. Он жил «растительной жизнью». Но и умственно отсталым его считать нельзя — он абсолютно нормальный, и ослабление в его умственном развитии поймет лишь тот, кто знает, что происходит в детской головке, как рождается мысль, как укрепляется и развивается память.

Если, к счастью, Петя попадет к умному, знающему детскую психику педагогу, дело пойдет совсем по-другому. Начальные классы у такого педагога станут для Пети *школой мышления.* Учитель каждый день идет с ребятами в поле, в лес, на берег реки. Он как бы открывает перед ними истоки явлений природы, он будит дремлющий мозг, и дети начинают думать. У них появляется множество вопросов, постепенно развивается, крепнет детское стремление к познанию.

Параллельно с уроками, где учатся все дети, занятия с трудными детьми надо проводить в течение од-

ного-трех лет. Умственное развитие трудного ребенка постепенно выравнивается. Самое главное здесь, чтобы ребенок никогда не чувствовал своей обреченности, своей неполноценности.

Глубоко ошибаются учителя и руководители школ, считающие, что подтянуть трудного ученика можно, заставив его выучить определенный объем материала. Не заставлять сидеть как можно больше над книгой, а воспитывать разум, развивать мозг, укреплять умственные способности ребенка, учить мыслить — об этом никогда нельзя забывать ни родителям, ни учителям. Особенно важно, чтобы умный, знающий воспитатель был у тех детей, которые с утра до ночи находятся в детском саду.

Разговор о трудных детях большой и нелегкий. По существу, это одна из самых сложных проблем воспитания, проблема, за равнодушное отношение к которой приходится расплачиваться дорогой ценой.

ОСТОРОЖНО: РЕБЕНОК!

(Автору письма «Ременная педагогика»)

Читатель — прежде всего и наш брат, педагог, — прочтя письмо А. Буренковой, скажет: но ведь это единичные факты. Можно ли на их основании строить обобщения, выдвигать проблему? Разве недостаточно, если те, о ком говорится в письме, узнают себя и устыдятся?..

Но нет, как бы ни богата была наша школа прекрасными педагогами-мастерами, умеющими понимать душу и разум юношества и детства, это не дает нам права не замечать педагогического бескультурья и безразличия к судьбе ребенка, даже если случаи эти были бы единичными.

Пройти мимо отчаянного родительского, а значит, и детского вопля «что же делать?» никак нельзя. А ведь он повторяется не в десятках — сотнях писем.

Кое-кто представляет себе школу только как кладовую знаний. Каждый день приходит сюда ученик, берет какую-то частицу ценностей из кладовой... Чем меньше взял, тем хуже. Мало берет — пропащий человек.

Забываем мы, что назначение школы в государстве, написавшем на знамени своем «Все во имя человека...», неизмеримо сложнее. Мы, педагоги, стоим у колыбели человека, личности — этой величайшей ценности, ко-

торая составляет главное богатство общества и которую общество доверило нам. Помним ли мы об этом?

Однажды мне пришлось зайти в хорошее, вновь построенное здание школы. Все здесь было прекрасно: и учебные кабинеты, и светлые коридоры, и душевая рядом со спортивным залом. Но кто-то из детей посадил чернильное пятно на свежевыкрашенную панель. И тут, у чернильного пятна, собрались директор, его заместитель по хозяйству, дежурные. Все по очереди скоблили, отмывали пятно. А у подъезда школы играли в мяч два шестиклассника. Они не пошли на урок. И никто не заметил этого — ни директор, ни учителя. Не заметили ни тотчас же, ни через час... Как могло случиться, что чернильное пятно на панели заслонило перед педагогами самое важное, что есть в школе, — детей, их неблагополучие?

Когда видишь, сколько стараний прилагает иногда школа, чтобы избавиться от плохого ученика, какая изобретательность при этом проявляется, жаль становится сил и энергии, заслуживающих лучшего применения, жаль неиспользованных возможностей. Ведь каждый, буквально каждый без исключения ребенок — это целый мир. Мир еще не открытый и не исследованный. Нам, педагогам, его открывать. Нам поднять этот мир до самопознания и самоусовершенствования.

Может быть, я погрешу против научной точности, отвечая на вопрос, что такое воспитание, но, на мой взгляд, это возвышение человека, постоянное и кропотливое, многотрудное и радостное.

Подлинное мастерство воспитателя заключается в том, чтобы его питомец уважал себя, дорожил своим достоинством. Если ребенок не уважает себя — это уже грань катастрофы.

Строки из письма: мальчик, стараясь не разбудить мать, тихонько встает ночью, открывает тетрадь, подделывает отметку... Если он стирает двойку, если ему еще стыдно за нее, то это не так уже и страшно. Хуже, когда мальчишка, придя из школы, равнодушно бросает портфель и на вопрос: «Какие сегодня отметки?» отвечает: «Смотрите сами...» Или — бывает и это — разрывает дневник на вопрос учителя: «Где же тебе отметку ставить?» — отвечает: «Хоть на лбу и ставьте...»

Существу, рожденному в человеческом коллективе и осознающему свое «я» в этом коллективе, хочется

быть хорошим. Хочется, чтобы люди считали его хорошим. И наша миссия — это желание всячески развивать.

Поймите драму, которая развивается порой в душе ребенка. У других буквы получаются красивые, а у меня не получаются. Другие легко решают задачу, а у меня почему-то «не выходит». Другие хорошие, а я плохой. Плохой сегодня, плохой завтра... В детском уме еще не может уложиться, почему он, такой же ученик, как и другие, и вдруг плохой. Ему стыдно. А потом уже не стыдно, ребенок привыкает к тому, что он не такой, как все. В нем утверждается убеждение: не всем же быть хорошими, кому-то и плохим надо быть. Происходит огрубение, окостенение души, и я не знаю ничего более печального в школе.

Драма еще более усугубляется, когда в таинство воспитания, где должны править мудрость и добро, где все — итог тонкого и могучего напряжения духовных сил, врывается ремень, то, о чем пишет А. Буренкова.

До тех пор пока хоть какая-то часть родителей верит, что ремень сильнее убеждения и доброго слова, школа не может стать в полной мере домом, где возвышается человек. И мы должны без устали развенчивать наивную веру в пользу «ременной педагогики», самым беспощадным образом пресекать ее применение в семье.

Но права А. Буренкова: беда в том, что и какая-то часть учителей в этом смысле «теоретически» недалеко ушла от родителей.

Если я знаю, что отца моего Вани бог умудрил единственным талантом — рожать детей, и если при этом я вызываю этого «мудрого» отца в школу и говорю ему: «Ваня ваш — лодырь, не хочет учиться», происходит элементарная вещь: я, учитель, которому, конечно, не пристало заниматься побоями, бью мальчика рукою отца. Становлюсь соучастником преступления.

Я видел немало людей, считающих себя интеллигентами, что, впрочем, не мешает им придерживаться убеждения, будто отсутствие шлепков размягчает, разнеживает ребенка, порождает своего рода неприспособленность к жизни. Ремень не только унижает достоинство ребенка, но и развращает его душу, пробуждая в ней самые темные, самые подлые черты: трусость, человеконенавистничество и лицемерие. Самыми стой-

кими, самыми непримиримыми к злу становятся те, кто не знал в детстве ни шлепка, ни подзатыльника.

Лет 15 назад ко мне в школу пришла девочка. Фантазерка, она удивляла нас своей способностью создавать сказки. Однажды на перемене Олеся — так звали девочку — подбежала ко мне, и я увидел ужас в ее глазах. «Петя на Гришу... палку, палку», — сказала она. Оказалось, что в ее словаре даже не было слова «ударить». Она не знала, что один человек может бить другого, так счастливо сложилось ее детство. Что же, из-за этой своей неосведомленности девочка вошла в жизнь неподготовленной? Получилось совсем по-другому. Когда на ее глазах хулиган поднял нож, чтобы нанести удар женщине, девятнадцатилетняя студентка вырвала нож. Получив ранение, она защитила человека от верной гибели.

Разрушая душевную связь взрослых и детей, ремень заведомо обрекает на неудачу все воспитательные усилия и родителей, и учителей. Если от маленького ребенка под страхом порки можно добиться показного благонравия, то подростка уже не выпорешь. Чем же заменить потерявший власть ремень? Такому наказания не страшны, а разумное и сердечное слово непонятно. Здесь кончаются и родительский авторитет, и родительская власть. Дальше человек будет предоставлен самому себе и случаю.

Нельзя мириться и с тем, что некоторые педагоги — в силу ли низкой педагогической культуры, потому ли, что не умеют подчинять эмоции разуму, — прибегают к духовному ремешку. Уважение к ребенку не совместимо с унижением, как не совместимо и с «сильными», «волевыми» мерами воздействия — окриками, стуком по парте, угрозой.

Это не проповедь всепрощения, как кажется коекому, когда произносишь слова «уважение», «чуткость», «сердечность». Я убежден: с «сильными», «волевыми» средствами воздействия несовместима и подлинная педагогическая требовательность. Выдвигать перед ребенком многочисленные наши требования, в то время как он не верит в свои силы да и ты, педагог, примирился с тем, что твой ученик плох и никудышен, — это все равно что пытаться плыть, гребя веслами, в песчаных волнах.

Школа не кладовая знаний, а светильник разума.

Все дети не могут иметь одинаковые способности. И важнейшая задача школы — воспитание способностей.

Разве можно быть спокойным, если в учении, которое должно приносить радость бытия и радость познания, ребенку становится неуютно и жутко? Жутко и неуютно потому, что и сегодня, и завтра, изо дня в день он чувствует: я плохой. У меня есть еще такое письмо: «Девочка моя не успевает. Двойки и двойки. Приходит домой грустная. Однажды ночью просыпаюсь, слышу — плачет. «Что с тобой, доченька?» — «Мама, уедем туда, где нет школы...»

Возвышать человека на поле учения — это значит никогда не забывать, что мы имеем дело с детской, неокрепшей мыслью. У одного она как стремительная река, другой — тугодум. Не спешите ставить оценку, не превращайте ее в идола. Не ставьте вообще в начальных классах двоек — это кнут и дубинка. Не подрубайте корень желания быть хорошим.

У меня в школе в начальных классах есть правило: до тех пор пока ребенок не научился удовлетворительно выполнять ту или иную работу, ему не ставится никакой отметки. Ты еще поработай, говорят ему, ты ведь можешь... И ребенок, подгоняемый желанием быть хорошим, напрягает все свои силы для того, чтобы выполнить задание. Вот где начало той подлинной требовательности, о которой шла речь выше. Он, маленький человек, собираясь с силами — а силы эти в детской душе неисчерпаемы, — поднимается на одну ступеньку выше. Он несет из школы радость. Он видит в счастливом сне свой подъем, а не встает украдкой, чтобы подтереть в дневнике отметку. Не одного ребенка мы спасли от унижения и даже падения тем, что не ставили ему двойки и не прибегали ни к каким «сильным» мерам воздействия.

Все это не значит, разумеется, что из класса в класс можно переводить с двойками. Это было бы самым жестоким равнодушием. Я за то, чтобы пробудить в человеке уважение к самому себе. А если ребенок уважает самого себя, он сам будет ставить перед собой требования, выдвигаемые учителем.

Школа — это то место, где развиваются самые сложные, какие только могут быть в мире, человеческие отношения. Сложные потому, что происходит великое и трудное, радостное и мучительное творение человека.

Педагогическая мудрость в том и заключается, чтобы видеть своего питомца глазами созидателя.

БЕРЕГИТЕ ЧИСТОТУ ДУШИ РЕБЕНКА

Добро воспитывается добром, а зло — злом — это одна из самых важных закономерностей педагогики, педагогики повседневной жизни, повседневных взаимоотношений между членами нашего общества.

Но иногда в жизни встречаются факты, которые на первый взгляд невозможно объяснить никакими закономерностями. В одной из школ произошел такой случай.

В четвертом классе сельской школы 24 ученика. Учительница шутя говорила: «Я настолько хорошо знаю своих воспитанников, что, войдя в класс и посмотрев в глаза детям, уже вижу, кто из них сегодня знает урок и кто не знает, кто ответит на «отлично», а кто — на «посредственно».

В классе было несколько мальчиков и девочек, которые быстро и безошибочно решали задачи. Гордостью учительницы был Миша Н. — талантливый мальчик. Ему не нужно было даже записывать условия задачи: прослушав, он в уме решал ее, устно выполняя все расчеты. Безусловно, Миша получал только отличные оценки. Похвалу, восхищение товарищей и учительницы блестящим решением задач — все это Миша воспринимал как должное.

Был в классе и другой ученик — Николай П. Он хорошо решал задачи, но работал очень медленно. Иногда получал четверки, но в большинстве случаев учительница ставила мальчику тройки — слишком уж медленно он работал.

Но вот однажды случилось неожиданное. Учительница продиктовала условие сложной задачи. К доске вызвала Николая. Мальчик не спеша, но с глубоким пониманием объяснил условие задачи и тут же решил ее, выполнив все расчеты устно. Класс слушал как завороженный. Впервые за четыре года обучения учительница поставила Николаю пятерку.

Вдруг в классе послышалось всхлипывание. Ученики были крайне удивлены: склонившись на парту, плакал Миша. Учительница поняла, что творилось в это время в детской душе, — ее разрывала, мучила зависть. Мальчик не мог примириться с тем, что теперь не только он отличник по арифметике.

Тревожные мысли не давали учительнице покоя. Она пришла со своей болью ко мне — посоветоваться. Мы долго думали: откуда же заползло это страшное зло в детское сердце? Ведь мальчика окружала атмосфера доброжелательности, знания всегда оценивались объективно.

Нет, все-таки зло подкараулило ребенка, вселилось в его сердце. Размышления над этой необычной историей привели меня к выводу: иногда зло кажется с пер-

вого взгляда совсем незаметным, как будто его и совсем нет, а между тем ребенка окружает атмосфера, которая уродует, калечит душу.

Где же кроется опасность, от которой необходимо оберегать детскую душу? Если на плодородной земле не культивируется виноград, если земля не орошена по́том, то на ней вырастает чертополох, хотя чертополох никто и не сеет. Так и с душой человеческой: в годы детства и отрочества ее необходимо оберегать от зла утверждением добра. Нравственное уродство может созреть в ребенке и тогда, когда его никто и не учит злу, — достаточно только человека не учить добру, не беречь чистоту души. А плевелы зла так неприметны, так микроскопически малы, что воспитатель часто хватается за голову только тогда, когда семена чертополоха уже дали могучие корни. Одну из важных особенностей моей системы воспитания составляет принцип: постоянно оберегать чистоту души ребенка, чтобы на плодородную почву не попало ни одно семя зла.

Что же это за плевелы зла и откуда они попадают в душу ребенка? От чего же нужно беречь ее?

1. От пустоты душевной, от такого состояния, когда у человека нет ничего за душой, ничего святого, незыблемого. Пустота души — это самое страшное зло, для утверждения которого в душе ребенка и подростка не нужно никакого вредного окружения, — достаточно только быть равнодушным к человеку, не интересоваться, чем он живет. Человек с пустой душой лишен самого драгоценного счастья — счастья творить добро и противопоставлять силы своей души злу. Он ходит по земле как бы с завязанными глазами, он не видит добра в самом себе, не переживает чувства собственного достоинства. Беречь душу ребенка — это значит заботиться о том, чтобы в душе его крепко утвердились незыблемые святыни, которые были бы для ребенка так же дороги, как собственная жизнь, как честь и совесть, как благополучие и благо, счастье и ласка семьи. Святынями, которые надо утверждать в душе ребенка, чтобы беречь ее чистоту, являются:

вера в добро, вера в то, что человек — творец добра не только для себя лично, но и для других людей; вера в то, что высшее счастье человека — в творении добра для людей;

вера в великую, чудодейственную, преобразующую силу труда, в то, что трудом человек создает свою собственную красоту;

вера в самого себя, умение видеть в себе добро и ум, способность переживать чувство гордости за самого себя, за успехи в труде, за добро, что создается собственным трудом для людей;

вера в великую правду наших общественных идеалов, нашей морали, нашего настоящего и нашего будущего; способность чувствовать себя не безвестной пылинкой в коловороте судьбы, а великой творческой силой.

Утверждать в детской душе эти незыблемые святыни не означает ограничиваться красивыми словами о святынях. Настоящее идейное воспитание — это воплощение идей в деятельности, в поступках, в борьбе. Идеи только тогда становятся святыней детского сердца, когда они неотделимы от личности, от личных интересов, желаний, стремлений, замыслов. Чтобы в детской душе не поселилось зло, ребенок должен утверждать добро — своим поведением, поступками.

В связи с этим большое практическое значение в воспитательной работе приобретает идейный, нравственный смысл детского поведения, детских поступков. Я вижу смысл прикосновения к детской душе в том, чтобы ребенок своим поведением, своими поступками утверждал сам себя, видел в своем поведении воплощение своих душевных порывов. Казалось бы, простая вещь — утвердить в детском сердце веру в добро. А между тем это едва ли не самое сложное, что есть в воспитании, и если в этой сфере создания человека вам удалось достичь успеха, можете быть уверенными, что ваш воспитанник никогда не встанет на шаткую дорогу. Однако чтобы утвердить веру ребенка в добро, нужно добиться, чтобы он видел созданное собственными силами добро, чтобы оставил в созданном для людей добре частицу собственного сердца. Вера в добро станет святыней детского сердца только при том условии, если созданное ребенком добро будет выражать его естество, его личность. Я считаю, что приближаюсь к конечным результатам воспитательной работы только тогда, когда воспитанник творит добро по велению совести, когда он не может не творить добро, так же как не может человек, испытывающий жажду, пройти

мимо чистого родника. Средоточие воспитания чистой души заключается, на мой взгляд, в том, чтобы ребенок созданием добра выражал свое духовное человеческое естество. Вдохнуть в детское сердце стремление творить добро не для человеческих глаз, а для самого себя, из внутренних своих побуждений, одухотворить этим стремлением личность — в этом добрая половина всех «секретов» воспитания.

2. От бездушного, бессердечного отношения к человеку, от той тупости, толстокожести, из которой вырастает самый ядовитый плод эгоизма: «мне все дозволено; делаю то, что мне нравится; только бы мне было хорошо, а до других мне дела нет». Человек — это самое удивительное, самое сложное, самое красивое и самое непостижимое из всего, что окружает нас. Познавать мир и вместе с тем облагораживать самого себя — это прежде всего познавать самое удивительное из чудес — Человека. Когда человек поднимает руку на существо, подобное себе — одухотворенное, мыслящее, со сложным и неповторимым духовным миром, — то великая трагедия этого преступления кроется как раз в том, что преступник и не думает, на что он поднимает руку, что такое Человек. Как добиться, чтобы самым дорогим на свете для воспитанника был Человек — его мысли, чувства, все богатство внутреннего мира? Годы воспитания я считаю прежде всего годами познания человека. Первое, что должен познавать ребенок в окружающем его мире, — это Человек. Сколько бы ни познавал ребенок Человека — никогда он не перестанет открывать все новое и новое, красивое и удивительное, никогда не перестанет удивляться величию и сложности Человека. Необходимо, чтобы процесс познания человека пронизывал школьную жизнь, взаимоотношения ученика с людьми, которые его окружают, — в этом и заключается оберегание детской души от зла.

Прикосновение к сердцу и уму ребенка с целью познания им Человека требует большого педагогического искусства и знаний. Я добиваюсь того, чтобы самыми главными, основными чертами в отношении ребенка к другому человеку были сердечность, тактичность, глубокое уважение к тончайшим сферам духовного мира личности — мыслям, желаниям, чувствам. Я стремлюсь

строить взаимоотношения в детском коллективе на тонкости ощущений, сердечности, тактичности. Уже в младшем детском возрасте очень важно утвердить в детском сознании ту мысль, что каждый человек — и самый маленький ребенок, и человек зрелого возраста, и старик на склоне лет — имеет право на счастье... Уважать человека — это означает избегать грубого прикосновения к самому чувствительному и больному.

Как практически воспитывать эти тонкие духовные качества у ребенка? С малых лет ребенок должен расти чувствительным к самым тонким, самым нежным средствам влияния на духовный мир, а этими средствами являются слово, красота, эмоциональная память. Душа ребенка должна быть бесконечно чуткой к слову, такой же чуткой, как тонкая струна музыкального инструмента к звучанию камертона того же диапазона. Слово — это могучее средство оберегания души ребенка от грубости, бессердечности, тупости, толстокожести. Как же пользоваться этим тонким и мощным инструментом, что здесь самое важное? Это прежде всего умение педагога словом создать картину духовного мира человека. Я стараюсь найти такие слова, которые бы создали у детей представление о тонкости человеческих переживаний.

Бывает нередко так: у человека, с которым дети часто встречаются, горе, а они не замечают. И не заметят никогда, если не учить их познавать человека сердцем. А сердце пробуждается словом. Я рассказываю им о человеческом горе. У детей высоко развита способность перевоплощаться, представлять себя на месте другого человека (но эта способность никогда не пробудится, если сердце не разбудить словом). В этой способности — источник сопереживания. Кто научился сопереживать, тот научился уважать другого человека — щадить его чувства и переживания, беречь чужое сердце. Эта способность учит чувствовать внутреннее душевное состояние другого человека, без слов понимать, что у него — страдание, горе, несчастье. Встретившись с человеком, которого он видел вчера и позавчера, ребенок сегодня замечает какую-то незначительную новую черточку в его душевном состоянии. Восприятие изменений, оттенков душевного состояния человека развивает и облагораживает эмоциональную память ребенка: он запоминает не только умом, но и сердцем, запоминает

не только то, что видит глазами, но и то, что переживает сам, как относится сам к чужому горю, страданию, несчастью. Воспитание и облагораживание эмоциональной памяти ребенка — одна из важных граней педагогического искусства. С первых же шагов школьной жизни я учу детей чувствовать сердцем душевное состояние самых близких и самых дорогих людей — матери, бабушки, отца, дедушки. Я использую все богатства родного языка для того, чтобы создать в сознании детей представления о десятках, сотнях оттенков тревожных, безрадостных, горьких переживаний, о которых даже самый близкий и самый дорогой человек никогда не расскажет ребенку, но которые надо уметь ощутить, распознать. Мать приходит с работы, учу я детей, — пусть сердце ваше прислушается, хорошее или плохое у нее самочувствие. Есть десятки причин и десятки оттенков его. По глазам, по движениям, по тому, как мать обращается к тебе, ты должен почувствовать, спокойно или взволнованно ее сердце, с радостью или с тревогой пришла она домой. В зависимости от того, какое душевное состояние у матери, ты должен управлять своим поведением.

С особым вниманием нужно добиваться развития эмоциональной чуткости к переживаниям людей преклонного возраста — бабушки, дедушки. Я стараюсь, чтобы ребенок не только понимал, но и сердцем чувствовал, что человек преклонного возраста вступает в сумерки своей жизни. Чуткость к душевному состоянию дедушки, бабушки — это один из самых главных показателей эмоциональной культуры ребенка, подростка. Сердечность, забота о людях преклонного возраста не какое-то «шефство». Я добиваюсь того, чтобы у внука были общие духовные интересы с дедушкой, чтобы потребность в человеке как одна из главных духовных потребностей объединяла самого младшего и самого старшего. Тут я подхожу к иной, такой же тонкой и сложной задаче воспитания ребенка.

3. Надо оберегать детскую душу от эгоизма, индивидуализма. Самым главным корнем детского эгоизма является то, что в первые годы сознательной жизни, когда психика гибкая, чувствительная, легко поддается воспитательному воздействию, — как раз в этот период «центром вселенной» для ребенка являются его личные

желания; все его чувства, его отношения к людям и к самому себе — все это вырастает исключительно на почве личных желаний и зависит от того, как они удовлетворяются. Самое малое ограничение желаний вызывает тяжелые переживания, его сердце глухо к душевному состоянию других людей, он не способен ни увидеть, ни почувствовать, ни пережить горе, несчастье близких или родных. Эгоизм калечит детскую душу. У эгоиста нет чуткости к душевному миру даже того человека, который всю свою жизнь отдает во имя создания радостей сына или дочери, — к духовному миру матери, отца. Человек для эгоиста — это не безграничный мир мыслей, переживаний, стремлений, а источник наслаждения или же совершенно нейтральное существо, которое не может принести ему никакой пользы.

Эгоизм — уже никак не пережиток прошлого в сознании людей. В прекрасной семье, где отец и мать — хорошие граждане, коллективисты, сердечные и чуткие люди, сын часто вырастает бессердечным эгоистом. Я бы назвал эгоизм духовным саморастлением, потому что прорастают и крепнут корни этого страшного зла главным образом в тех случаях, где собственными благами и наслаждениями для ребенка начинается и кончается мир, а взрослые боятся снять пелену с глаз ребенка, чтобы он взглянул на человека, не решаются сказать ему, что каждый человек имеет право на радость и счастье.

Как же уберечь детскую душу от эгоизма?

Основное лечение от эгоизма — научить ребенка управлять своими желаниями. Воспитательная работа в этом направлении начинается в семье с того времени, как только ребенок осмыслит, что он живет среди людей и что у каждого человека есть желания, которые он стремится удовлетворить. Мы учим молодых родителей: чтобы дети уважали людей, необходимо прежде всего уважение человеческих желаний, интересов, стремлений. Когда ребенок становится школьником, воспитание уважения к человеческим желаниям занимает большое место в познании окружающего мира разумом и сердцем. Нет и не может быть индивидуального желания, которое бы в той или иной мере не затрагивало духовного мира других людей, не соприкасалось с чужими желаниями. Уклониться от этого столкновения желаний нельзя. Чтобы жизнь была согласованной гармонией,

каждый человек должен идти навстречу закономерным желаниям других людей, подчинять свои желания гармонии жизни.

Все это я поясняю на ярких, понятных для детей примерах и — что особенно важно — использую разнообразные жизненные ситуации для того, чтобы человек учился ориентироваться в мире желаний, в переплетении интересов, стремлений.

Вот около школы осенний цветник — хризантемы. Десятки раз каждый из вас проходит мимо этих цветов. Хочется сорвать цветок, один-единственный, чтобы полюбоваться им и получить наслаждение. Но что было бы, если бы каждый делал так, как ему хочется. Вместо цветов стояли бы ободранные стебли. Гармония жизни превратилась бы в хаос разнообразных прихотей и капризов, которым нет границ и удержу. Помни, что твое желание — это быстрая птичка по имени **«хочу»**, которая, летая в голубом небе, непременно встретится там с другой: **«нельзя»**. **«Хочу»** встречается с **«нельзя»**. И в большинстве случаев бывает так, что птичка, которую ты выпустил, должна вернуться назад в гнездо. Для тебя это должно быть наукой: в другой раз птичку **«хочу»** не следует и выпускать.

Ориентироваться в этой сложной системе — **хочу, нельзя, можно, нужно** — это умение требует от ребенка большой сердечной чуткости к духовному миру других людей, к той гармонии согласованной жизни, о которой говорилось выше. Ребенок должен быть сам в какой-то мере творцом этой гармонии — вот как нужно вводить ребенка в мир познания разумом и сердцем. Гармония согласованной жизни звучит для человека красотой мелодий благодаря тому, что люди, как рабочие пчелы, несут добро в общий улей сложных человеческих взаимоотношений. На капельке того добра, что приносит рабочая пчелка-человек в общую кладовую духовных богатств и ценностей, держится, по сути, человеческая мораль, нормы человеческого общежития. Если бы не было этой ежедневной заботы о капельке нектара — добра для общего блага, — жизнь общества превратилась бы в адские муки, страдания, изматывание нервов. Следовательно, чтобы предостеречь ребенка от эгоизма, необходимо последовательно учить его вносить эту ежедневную капельку добра в гармонию согласованной жизни. Тут очень важно придерживаться

закономерности: из общего улья благ ребенок не должен брать добра больше, чем сам его приносит. Если нарушается это равновесие, рабочая пчелка становится трутнем.

4. В тесной связи с предупреждением эгоизма находится оберегание (охрана) чистоты детской души от зла, имя которого — равнодушие. Это одна из граней эгоизма. Проклевывается росток равнодушия из того маленького зернышка, в зародыше которого лежат поучения отца-матери: «Думай и заботься о себе, а до других тебе дела нет». Начинается посев этих зернышек с незначительного и, казалось бы, невинного. Мать учит сына: «Видишь, ребята дерутся, дают друг другу тумаки — не обращай внимания, обходи стороной, не твое засыпалось, не твое и смелется». И вот сын закрывает глаза не только на шалости товарищей, но и на то, что сильный обижает слабого, хулиган издевается над беззащитной девочкой. Тут опять-таки есть закономерность духовной жизни: если человек закрывает глаза на что-то одно, то скоро он будет закрывать их на все. Ничто его не будет тревожить, ничто он не будет принимать близко к сердцу. Равнодушие опустошает душу, обедняет и без того убогий мир моральных ценностей эгоиста. Человек начинает жить, как писал Ф. М. Достоевский, в «собственное брюхо».

Равнодушие — это ягодки, которые вызревают на цветах эгоизма. У равнодушного человека в душе нет никаких идеалов, он может стать предателем, сегодня он будет втаптывать в грязь то, перед чем вчера преклонялся. Равнодушие — родная сестра бессердечности, бездушности, эмоциональной толстокожести. У равнодушного человека нет близкого, родного, дорогого существа, которому бы он отдавал свое сердце. Равнодушие не знает, что такое органическая потребность в человеке, что такое настоящая дружба, преданность человека человеку, долг сына перед родителями и отца перед детьми. За равнодушием следом идет моральное развращение.

Уберечь детскую душу от равнодушия — это означает найти и отшлифовать в каждом человеке самую прекрасную грань человечности. Первая предосторожность от равнодушия: для ребенка в жизни не может быть ничего, что не волновало бы его сердце. Отклик

детского сердца на добро и зло окружающего мира — это одна из самых тонких сфер духовной жизни личности, та сфера, в которой сливаются общественные идеалы и личные стремления, рождаются и утверждаются нравственные убеждения. Вдумчивый воспитатель никогда не допустит, чтобы ребенок скользнул холодным взглядом по тому, что должно его порадовать, вызвать восхищение или же, наоборот, пробудить протест, возмущение. Подлинное искусство воспитателя состоит в том, чтобы ребенок видел мир не только глазами, но и сердцем.

5. От неправды, обмана, фальши, от всего, что делается для «формы», для «отчета», необходимо защищать детскую душу. Неправда, обман, стремление выдать черное за белое, пригладить лохматое, создать видимость благополучия — все это воспитывает подлость, лицемерие, тупую бессердечность и равнодушие. Когда ребенок видит, сердцем чувствует, что взрослые стараются показать действительность не такой, какая она на самом деле, он теряет веру в правду, для него нет в жизни святого и незыблемого. У него постепенно укрепляется убеждение, что каждый старается приспособиться в жизни; надо говорить не то, что думаешь, а то, что нравится тем, от кого зависит твоя судьба, благополучие, благосостояние. Подхалимство, лесть — это уродливое дитя неправды, обмана, лицемерия.

Оберегая детскую душу от этого большого зла, нужно иметь в виду, что зерна неправды, обмана, фальши часто бывают для нас, взрослых, незаметными, а дети всегда видят, чувствуют их сердцем и — или протестуют, или привыкают к неправде. Ученик знает предмет кое-как, а ему из четверти в четверть «натягивают» тройки и «перетягивают» из класса в класс; на школьном участке что-то едва зеленеет, а в районной газете пишут: такая-то школа хорошо поставила опытническую работу; комсомольский комитет ничего не делает, а на отчетном собрании его работу оценивают удовлетворительно — все это зерна отравляющей фальши, обмана, которые, приживаясь на плодородной почве чистой души, дают отвратительные ростки лицемерия, бесстыдного подхалимства, лести, подлости, предательства, хамелеоновской способности приспосабливаться и менять убеждения, как перчатки.

Беречь чистоту детской души — это значит воспитывать правдой. Правда должна быть для воспитателя высшим судьей. Воспитатель при любых обстоятельствах должен быть для ребенка тем человеком, который утвердил в юном сердце отвращение к фальши, неправде, обману.

С первых же дней пребывания ребенка в школе предметом особой моей заботы является то, чтобы детская совесть была чиста, как капля утренней росы. Забота о чистоте совести — это большое педагогическое искусство, это сложный труд, благодаря которому сливаются голос разума и первое движение чистого детского чувства. Отшлифовывание граней человеческой совести, на мой взгляд, как раз и основывается на том, что, познавая окружающий мир не только разумом, но и сердцем, ребенок дает очень выразительную, яркую, правдивую эмоциональную характеристику тому, что он видит. Мысли ребенка о явлениях окружающего мира чаще всего выливаются с первыми порывами чувства, а они бывают всегда самыми чистыми.

Если вы хотите воспитывать своих детей в духе правды и отвращения к фальши и обману, никогда не старайтесь погасить этот чистый и благородный порыв.

Особенно пристально и внимательно воспитателям необходимо следить за тем, чтобы не было ни тени фальши, неправды, обмана во всем, что касается труда. Труд и правда — это две могучие воспитательные силы, которые дополняют друг друга. Здесь имеет большое значение правдивая, объективная оценка трудовых усилий каждого ребенка. Нам, воспитателям, никогда нельзя забывать о том, что результат умственной работы ребенка — его знания, выполнение конкретных учебных заданий на конкретном этапе — далеко не точно выражает меру затраченных сил. Нередко бывает так, что ребенку знания даются чрезвычайно легко, он не затрачивает, по сути, никаких усилий и получает отличные оценки. В то же время работа ребенка, который очень много сидит над учебником, преодолевает трудности, завершается посредственной оценкой. Создается ненормальное положение: оценка измеряет и характеризует не затраченные силы, не настойчивость, а только природные способности ребенка. Если глубоко проанализировать внутренние стимулы учебной работы школьников, то мы придем к выводу, что такой подход к оцен-

кам является одним из самых серьезных недостатков воспитательной работы школы. У ребенка, который много работает и получает низкие оценки, постепенно в душе утверждается обида, а иногда и озлобленность, рождаются нездоровая зависимость и неверие в собственные силы. В душу же того, кому оценки достаются легко, вселяются высокомерие, зазнайство.

Как же защитить юные души от этой беды? Как добиться того, чтобы оценка правдиво характеризовала труд ребенка, учитывая, конечно, и способности? Как показывает опыт лучших воспитателей, выход тут один: индивидуализация учебных заданий, умелый, осторожный, тактичный подход к оценке знаний. С того, у кого ярче проявляются способности, нужно и больше спрашивать. (Например, во время самостоятельной письменной работы по арифметике или грамматике более способному ученику можно давать задание сложнее, чтобы он напрягал умственные силы, работал по-настоящему.) От педагогической культуры учителя целиком зависит, чтобы более способный ученик не ощущал, будто эта характеристика закрепляется за ним навсегда, а менее способный не думал, что его участь — всегда выполнять легкие задания. Правдивая оценка умственной работы способствует тому, что способности развиваются, и тот, кто вчера не мог пойти дальше задания средней сложности, сегодня пробует свои силы на задании значительно более трудном и добивается успеха.

Объективность оценки труда — непременная предпосылка открытой критики в коллективе учащихся.

6. От лености, безделья, привычки выполнять работу кое-как нужно оберегать детей. Я бы назвал леность спячкой души. Лень развращает душу человека не только тогда, когда он ничего не хочет делать. Лодырь, бывает, и делает все, что требуют, но единственным побуждением для него является принуждение, контроль. Особую разновидность лени представляет собой полная инертность духовных сил, отсутствие внутренних стимулов, которые бы заставляли человека работать лучше, справляться с заданием успешнее, чем представлял себе ученик в начале работы. О такой лени свидетельствует абсолютное равнодушие к качеству работы, выполненной собственными руками.

Лень уродует душу ребенка тем, что она лишает

его самого главного внутреннего духовного стимула деятельности — вдохновения. Вдохнуть в душу ребенка желание, зажечь его работой — это означает дать ему счастье творчества, полноту духовной жизни. Искусство пробуждать в детской душе вдохновение — это одна из тончайших черт педагогической культуры; это искусство предостерегает, буквально спасает ребенка от безрадостного, монотонного существования, от уродливого взгляда на труд как на обузу.

Первоисточником лени в школьной жизни является леность мысли, ведь работа — и умственная, над учебником и тетрадью, и физическая, на участке и в саду, — любая работа всегда является выражением духовной жизни, в которой красной нитью проходит мысль. Вдохновение начинается от пробуждения мысли, в мысли — та искра желания утвердить себя в работе, без которой невозможен трудолюбивый, творческий человек. Вот я вижу, как, склонившись над тетрадкой, ученик четвертого класса Юра пишет сочинение про теплый день «бабьего лета». Мальчик напрягает все силы для того, чтобы заставить себя написать что-нибудь. Ему не хочется работать. В его представлении не яркие картины солнечного осеннего дня, которые нужно передать словами на бумаге, а та минута, когда, облегченно вздохнув, можно будет положить ручку и выбежать из класса. Нежелание работать пронизывает все существо мальчика, угнетает его. А между тем я видел, как, наблюдая явления природы во время походов к источникам мысли и родного языка (в лес, в поле), Юра зажигался, в его глазах горели огоньки мысли, его душа была одухотворена увлечением. Я напрягаю память, вспоминаю, что именно, какая картина природы пробудила у Юры восторг. Я пытаюсь, как за ниточку, ухватиться за эту картину, чтобы пробудить в детском сердце вдохновение. Я подхожу к Юре и тихо говорю ему: «Вспомни, как ты увидел иней... кристаллики инея на лепестках ромашки в то осеннее утро — помнишь? Как солнышко растопило те кристаллики и на лепестках заиграли капли росы...»

В детских глазах вспыхнули огоньки. Вижу, мальчик вспомнил. Вижу, что он уже забыл об угнетающем желании как можно скорее, кое-как закончить работу. В его сознании предстали картины тихого осеннего утра... Картины просятся в слово, будоражат мысль, рука

тянется писать, перед ребенком уже не чистый лист бумаги, а большое полотно, на котором он, художник, отражает красоту окружающего мира. Так рождается вдохновение. Оно — в игре живой мысли, оно — мысль, которая захватывает душу. Оно становится той внутренней силой, которая заставляет забыть, что сидишь на уроке и работаешь. Вдохновение буквально преображает человека. Только что в глазах Юры я видел тупое безразличие, какую-то обреченность («Пусть что будет — то и будет»), теперь его глаза, его лицо одухотворены живой мыслью. Вдохновение приносит удовлетворение, наслаждение трудом.

Я вижу свою самую важную задачу в том, чтобы каждый ребенок испытывал вдохновение в умственном труде. Только в этом — могучий источник самостоятельной, одухотворенной умственной работы, желания учиться. Вдохновение необходимо во всех видах умственного труда — и тогда, когда ребенок выполняет однообразное грамматическое задание, и тогда, когда учит стихотворение, и тогда, когда решает задачу. А искорок, угольков для пробуждения вдохновения у учителя тысячи.

Вдохновение — такая же могучая сила в предупреждении лености в производительном труде. Нежелание работать начинается с того, что у ребенка спит мысль, а мы, воспитатели, пытаемся принудить, чтобы руки трудились. Руки же без мысли не могут пробудить вдохновения. Каким бы простым и однообразным ни был физический труд, к которому мы побуждаем ребенка, в нем всегда есть поле для развития творческой мысли — для того, чтобы вдохновение, разбуженное в мыслях, звало к работе руки, чтобы труд стал гармоничной игрой мысли и рук. В каждой работе я стараюсь найти ту ниточку, которая соединяет усилия рук с вдохновением мысли. Это очень большая, серьезная проблема — проблема единства умственного и физического труда, необходимо специальное ее исследование.

7. Честолюбие — еще одна опасность для детской души. Болезненное стремление к почестям, жажда похвалы, отличия, особого места в коллективе, — к сожалению, эти болячки детской души порождаются иногда самим стилем школьной жизни, особенно там, где воспитатель игнорирует внутренние духовные стимулы

побуждения и преувеличивает роль всевозможных внешних стимулов.

Медвежью услугу в развитии честолюбия делает и увлечение оценками: не успел ученик слово сказать, как ему уже ставят оценку. Захваливание порождает искаженное представление о некой исключительности умственных сил и способностей, ведет к эгоистическому умилению собой, рождает неуважительное отношение к товарищам, таит в себе угрозу лености мысли, убогости запросов, интересов. Честолюбие — это обратная сторона бездушности, бессердечности.

К чему приводит честолюбие, видно из такого примера. Ученица IV класса нашла на школьном дворе 20 копеек, принесла учительнице: может, найдется тот, кто потерял деньги. Учительница похвалила девочку перед классом. О ее поступке написали в школьной стенной газете (даже фотографию поместили), рассказали в радиогазете. Через неделю в перерыве к учительнице подошли две девочки: одна из них нашла и отдала учительнице 10 копеек, другая — 5. В этот раз учительница не хвалила девочек. Недовольные, обиженные, они спросили: «А почему же о нас не написали в стенгазете?» Выяснилось, что девочки не находили денег: они просто решили «купить» похвалу...

Из добрых побуждений учителя часто стремятся не оставлять без «моральной оценки» ни одного поступка — и хорошего, и достойного осуждения. Хвалят за поступки, естественные для нормальных человеческих отношений. Помог бабушке перейти улицу — хвалят, пошел к больному товарищу рассказать о домашнем задании — хвалят, приготовил подарок матери в день 8 Марта — хвалят уже не только перед учащимися, но и перед родителями. Так постепенно выращивают прихотливое существо — честолюбие, и оно крепко гнездится в детской душе.

Надо изгнать из школы дух честолюбия. Это требует вдумчивого, разумного подхода к оценке знаний, к воспитанию способностей. Для чего в школе, в классе выделяют группу школьников, за которыми, словно ярлычок, закрепляется репутация детей с исключительными способностями? Тут еще раз нужно повторить: блестящие способности должны встречать более трудные задания. Ученик с так называемыми посредственными способностями пусть хоть в чем-нибудь достигнет отлич-

ных успехов. Вообще картина становления и развития способностей должна быть живая, подвижная — это самое надежное предостережение от честолюбия.

Не следует и оценивать всего, что делает учащийся в школе. Значительную часть интеллектуальной работы ученик должен выполнять, особенно в средних и старших классах, не для оценки, а из-за интереса к знаниям.

С особой осторожностью нужно относиться к похвале в сфере нравственных отношений. Нужно стремиться к тому, чтобы человек делал добро из внутренних побуждений, по велению совести, а не для похвалы.

8. Последнее предупреждение — от инфантилизма. Речь идет о том странном на первый взгляд изъяне духовного развития человека, который заключается в моральной незрелости, «запоздалом детстве». Часто можно встретить в школах 15—16-летнего юношу, который по физическому развитию приближается к зрелости, а в нравственном и трудовом развитии остается на уровне 10—11-летнего ребенка. В одной школе группе 16-летних юношей — учащихся девятых классов — было поручено в зимний день выполнить в колхозном саду работу: снять с деревьев листочки, в которых бабочки отложили тысячи личинок. На улице было тихо, 3 градуса мороза — в таких условиях 16-летние рабочие-строители трудятся под открытым небом в течение 6 часов. Школьники же не смогли проработать и часа: им было холодно, они бросили работу и пошли греться в школу. Это типичный пример трудовой и нравственной инфантильности.

Инфантильная беспомощность, беззащитность, неподготовленность к труду, неумение преодолевать трудности — все это ведет к инфантильности мысли. Я слышал ответы 16-летних девушек о романах Толстого и Тургенева... Эти ответы поражают детской наивностью, узостью кругозора, детским представлением о сложных жизненных явлениях.

Инфантильность — большое зло, оно сковывает духовные, творческие силы человека, ограничивает его участие в общественной жизни.

Как же предостеречь от инфантильности? Самое главное — это единство нравственной и трудовой зрелости, единство физической и духовной закалки лично-

сти. Духовной, нравственной, трудовой зрелости никогда нельзя достигнуть, если ученику все легко, если он не встречает никаких трудностей, не напрягает усилий, не знает, что такое пот и мозоли.

Единства моральной и трудовой зрелости мы достигаем тем, что 12—13-летние подростки выполняют работу, которая требует значительного напряжения физических и духовных сил. В 15—16-летнем возрасте напряжение становится еще большим и приближается к трудовым усилиям взрослых людей. Подростки выполняют нелегкую работу, какая им под силу, на свежем воздухе, если мороз небольшой, а 15—16-летние юноши работают при 10—15-градусном морозе, иногда в метель (например, привозят с поля на ферму сено для скота). Познавая на собственном опыте, что такое настоящая работа, подростки и юноши убеждаются в том, что без преодоления трудностей невозможна жизнь. Этот опыт и является самым важным элементом нравственной и трудовой зрелости. Тот, кто в годы отрочества и ранней юности научился по-настоящему трудиться, преодолевать трудности, — тот и думает не по-детски, а как взрослый человек.

МЫ ПРОДОЛЖАЕМ СЕБЯ В ДЕТЯХ

СЛЕД В СЕРДЦАХ СЫНОВЕЙ

1. СЧАСТЛИВЫЕ И НЕСЧАСТЛИВЫЕ СЕМЬИ

Есть старинная украинская легенда.

У матери был единственный сын — дорогой, ненаглядный. Души в нем мать не чаяла; по капельке собирала росу для умывания, из тончайшего шелка вышивала рубашки. Вырос сын — статный, красивый. Женился на девушке изумительной, невиданной красоты. Привел молодую жену в родную хату. Невзлюбила молодая жена свекровь, возненавидела ее. Боялась мать показаться снохе на глаза, сидела в сенях А потом в сарай переселилась. Но и это не успокоило красавицу. Говорит она мужу: «Если хочешь, чтобы я жила с тобой, убей мать, вынь из груди ее сердце и сожги на медленном огне».

Не дрогнуло сердце в груди сына, околдовала его невиданная красота жены. Говорит он матери: «Приказала мне жена убить вас, мама, вынуть из груди вашей сердце и сжечь на медленном огне. А ослушаюсь — уйдет она от меня Не могу я жить без нее... не могу и ослушаться..» Заплакала мать и отвечает сыну: «Ну что ж, сын, делай так, как велит сердце».

Пошел сын с матерью в дубраву, наломал сухих сучьев, разжег костер, убил мать, вынул из груди сердце. Положил на раскаленные угли. Вспыхнул сучок, треснул, полетел уголек, ударил в лицо сыну, обжег. Вскрикнул сын, закрыл ладонью обожженное место. Встрепенулось сердце материнское, горящее на медленном огне, прошептало: «Сыночек мой родной, тебе больно? Сорви листок подорожника, вот растет у костра, приложи к обожженному месту, к листу подорожника приложи сердце материнское... Потом в огонь положишь».

Зарыдал сын, схватил горячее материнское сердце в ладони, вложил его в растерзанную грудь, облил горячими слезами. Понял он, что никто и никогда не любил его так горячо и преданно, как родная мать. И столь огромной и неисчерпаемой была любовь материнская, столь всесильным было желание материнского сердца видеть сына радостным и беззаботным, что ожило сердце, закрылась растерзанная грудь, встала мать и прижала кудрявую голову сына к груди. Постылой стала ему жена-красавица, не мог он возвратиться к ней. Не вернулась домой и мать. Пошли они вдвоем степями широкими, стали двумя курганами высокими.

Такова легенда, созданная народной мудростью. Нет любви сильнее материнской, нет нежности нежнее ласки и заботы материнской, нет тревоги тревожнее бессонных ночей и несомкнутых глаз материнских.

Сыновняя благодарность... Нет выше радости для человека, чувствующего приближение сумерек своей жизни, чем признательность детей за добро и благо, созданные родителями во имя их, сына и дочери, добра и блага. И нет горше и скорбнее чувств для отцовского и материнского сердца, чем чувствовать, что сын или дочь равнодушны, бессердечны, что они забыли обо всем добре, сделанном для них матерью и отцом.

«Неблагодарный сын», «неблагодарная дочь» — в сокровищнице народной морали это, пожалуй, самое острое, самое глубокое осуждение человеческих пороков. Тридцать два года работаю я в средней школе, давно стали отцами и матерями те, кто сидел за партой в первые годы моего педагогического труда. Сотни человеческих судеб сложились и складываются на моих глазах. И жизнь убедила меня, что у трудового народа нам нужно учиться воспитанию чистого, благородного сердца, в неисчерпаемом источнике народной морали нам нужно черпать духовную энергию подлинной человечности, дружбы и товарищества, подлинного братства свободных людей. Трудовой народ беспощадно осуждает сыновнюю неблагодарность и возвышает благородства сыновней любви и преданности. Расскажу о поучитель-

Чтобы ребенок чувствовал сердцем другого человека — так можно сформулировать важную воспитательную задачу, которую я поставил перед собой.

У нас, воспитателей, великая и почетная миссия: вдохнуть в каждое из сердец наших воспитанников возвышенные идеалы. Сделать так, чтобы в их душах отразился в миниатюре портрет народа. Тот, кому удается это сделать, может с уверенностью сказать: я постиг цель воспитания.

Видеть в маленьком ребенке завтрашнего взрослого человека — вот в этом, мне кажется, и заключается жизненная мудрость отца, матери, педагога. Другими словами — надо уметь любить детей.

ной жизненной истории, которая произошла в нашем селе не так давно.

Рядом жили две матери — Мария и Христина. Работали в колхозе, растили сыновей: у Марии вырастал сын Петр, у Христины — Андрей. Мальчики были одногодками. Осенью тридцать девятого года пришла пора Петру и Андрею идти в армию.

Вместе провожали Мария и Христина сыновей на службу, вместе считали, сколько дней осталось ждать синеглазого, белокурого Петра, черноглазого, с чубом, как воронье крыло, Андрея.

Началась война, пришел на украинскую землю враг-захватчик, два года матери ничего не знали о сыновьях, не было долгожданной весточки. Освободила родная Советская Армия землю украинскую, пришли Христине и Марии письма в синеньких треугольных конвертах, затрепетали радостные сердца — живы сыновья. Отгремели последние залпы войны. На одной неделе возвратились Петр и Андрей. Радость пришла в изболевшиеся сердца материнские.

Но недолгой была радость. По-разному сложились судьбы матерей, но одинаковым было горе. Заболела Мария, слегла в постель, перестали слушаться ноги. Трудно было Петру, не только болезнь матери свалилась на него бедой неожиданной; одна беда, как говорится, другую ведет за собой.

Ожидала Петра невеста чернобровая, на радостях решили пожениться. Не наложишь запрет на молодую любовь, забеременела Галина. По законам народной морали надо сыну ввести девушку в родной дом, а тут болезнь приковала мать к постели. Видит она, как мучается сын, ночи не спит. И говорит ему: «Не позорь Галину, пусть войдет в наш дом законной женой твоей, а со мною что будет, то и будет». Пришла Галина в дом, зажили с Петром дружно и согласно, все хорошо было бы, если бы не болезнь матери.

Прослышал Петр, что в Киеве есть замечательный врач. Повезти — деньги нужны на дорогу. Решили Петр с Галиной: продадим хату, а мать поставим на ноги. Продали, перешли жить к дальней родственнице матери, повезли Марию в Киев. Оставили в больнице. Сказал врач: надо лежать с полгода, а то и больше.

Трудно стало жить молодым, но матери помогали все время. Продали одежду Галины, баян Петра, а мать поставили на ноги.

Не полгода, а два года пролежала Мария в больнице. Выздоровела. «Не лекарства подняли меня с постели, — говорила она людям, — а великая сыновняя любовь».

С одобрением, с большим уважением говорили в селе о Петре и Галине. Матери и отцы ставили их в пример, поучали детей, как жить на свете.

Оставим пока счастливую Марию с ее счастливыми детьми и внуками (невестку неспроста у нас свекровь называет дочерью, и невестка свекровь — матерью), заглянем в хату Христины. По-иному сложилась ее судьба. Привез Андрей несколько чемоданов трофейного добра. Не открывал чемоданов в материнской хате. Хата материнская тесной стала ему, решил он новую строить. Выбрал место в глухом конце села, от степи. Возвел кирпичный дом, покрыл цинком — большая редкость в те годы. Женился. Зажила молодая пара безбедно.

А у Христины хата разваливалась. Попросила сына: отремонтируй крышу. Сын ответил: своих забот хватает, думай о своей ха-

те сама. Заплакала мать, прикрыла хату соломой как-нибудь. «Это еще не горе, — думала Христина. — Было бы здоровье...» Но вот пришло и настоящее горе: заболела мать Андрея, не может подняться с постели. Парализовало руку и ногу. Пришли к Андрею соседи матери, говорят. «Есть у тебя совесть, Андрей? Мать с постели не может подняться, нужен уход постоянный за нею». Пообещал сын навестить мать и не навестил. Стали соседи ухаживать за больной старухой.

Прошло полгода. Год прошел. Здоровье Христины не улучшилось. А сын так ни разу и не пришел к ней. Пошла молва по селу: сын отказался от матери. Назвали люди Андрея бессердечным, а потом и более выразительным словом — скотиной.

Люди обходили Андрея, не здоровались с ним. Страшно стало Андрею, и он наложил руки на себя.

Почему так бывает?

Почему сыновья иногда оказываются неблагодарными? Откуда берутся люди с казенными сердцами? Вспоминали люди жизнь этой несчастной матери: все силы своего сердца вложила она в любимого сыночка своего, в «золотко свое», в Андрийко, ночей недосыпала. Вспоминали люди, как, бывало, еще до организации колхоза выезжала Христина с мужем в поле косить пшеницу. Положит, бывало, на подводу сена ароматного, застелет полотном белым, перенесет спящего Андрийка с подушками и одеялом, закроет лицо от солнца жгучего. Спит Андрийко. Такие, как он, восьмилетние, собирают в лесу дрова, разжигают костер, воду носят, а он спит.

Вырастал Андрийко здоровый и жизнерадостный, мать души в нем не чаяла и больше всего была озабочена тем, чтобы ничто тревожное не коснулось его сердца, чтобы ни одна невзгода не омрачила его безмятежного детства. Как-то осенью угостила Христина мальчика жаренными в сметане грибами. Еда до того понравилась ему, что каждый день он просил грибов со сметаной. А грибов вблизи все меньше и меньше оставалось, и приходилось ходить Христине в лес верст за двенадцать. Однажды мать порезала ногу, еле домой дошла. Но скрепя сердце даже виду не подала, что несчастье случилось: разве можно, чтобы у Андрийка настроение испортилось? «Зачем ему знать, что в мире есть горе?» — так всегда говорила Христина, когда хотела закрыть детские глаза на что-нибудь печальное. Так и на этот раз. Перевязала кое-как раненую ногу, пошла к соседке. Ежедневно приносила соседка корзинку грибов, а мать давала ей за это свои вышитые сорочки.

Так и не узнал Андрийко, какая с матерью стряслась беда. Сердце его жило только радостями и удовольствиями. Брал у людей и ничего не давал им — вот почему и вырос он человеком с каменным сердцем.

2. АЛЬФА И ОМЕГА ВОСПИТАНИЯ

Совсем по-другому прошли годы детства Петруся. Мать тоже любила его, тоже души не чаяла в сыне, но не оберегала его сердце от всех тех сложностей и противоречий жизни, в которых радость переплетается с горечью, счастье — с бедами и тревогами. В детстве человек познает мир не только разумом, но и сердцем; все, что происходит в жизни, пробуждает в детской душе самые разнообразные чувства, переживания, порывы, стремления. Среди этих душевных движений детства особенно глубокий отпечаток в сердце оставляют чувства сострадания, милосердия, участия. Чуткое материнское сердце Марии заботилось о том, чтобы с малых лет человек чувствовал: рядом со мной живут люди, у них есть свои интересы, желания, им хочется быть счастливыми.

Чтобы быть самому счастливым, надо бережно, тонко, сердечно, чутко, заботливо прикасаться к сердцам других людей. Эту святую заповедь народной нравственности Мария, конечно, не повторяла на каждом шагу (ребенок не смог бы понять глубины этой истины) — она учила сына так жить.

Рядом с Марией жила одинокая старуха, часто болевшая. Помню, как только в большом саду Марии что-нибудь начинало созревать — черешни, вишни, яблоки, груши, сливы, виноград, мать звала Петруся:

— Понеси старому, одинокому человеку, — и давала в руки тарелку с первыми созревшими плодами.

Для ребенка это стало привычкой.

— О любви к человечеству говорить легче, — поучала Мария сына, — чем помочь бабушке Ярине нарубить дров на зиму. Человечество — оно далеко, а бабушка Ярина — рядом, совесть не позволит сомкнуть глаза ночью, если у нее нечем будет топить. Прислушивайся, сын, сердцем к заботам и горестям человеческим.

Прошли годы. Давно окончили школу дети Петра и Галины; четвертый десяток лет педагогического труда разменял я и надеюсь, что в новое солнечное сентябрь-

ское утро буду встречать на школьном пороге внуков Петра и Галины — скоро уже. Каждый день школьной жизни начинается для меня детской радостью. Я вижу в радостных детских глазах восхищение красотой раскрывающегося цветка розы, вижу изумление, удивление ребенка, созерцающего что-то необычное, новое в окружающем мире — удивительное, похожее на фантастическую птицу облако, пеструю бабочку среди листвы... С радостью показывают мне дети подарки мам и пап... Как хорошо, что общество и родители дают детям много радостей. Но при виде радостных, безмятежных детских лиц в мое сердце почему-то закрадывается и тревога.

Вспоминается маленький Андрийко: он тоже был всегда вот таким жизнерадостным, он не был даже капризным, потому что любящее материнское сердце предвидело возможные капризы и предотвращало их в самом зародыше.

Меня тревожит вечный вопрос, который можно назвать альфой и омегой семейного воспитания: как сочетать требовательность и доброту, строгость и ласку, повиновение и свободу в воспитании детей? «В чем же заключается она, мудрость родительской любви?» — этот вопрос прочитал я и в десятках писем отцов и матерей, которые получила редакция после опубликования письма Толи Н. и откликов на него.

Мы подошли к тому замечательному времени, когда ни с чем не сравнимое счастье каждый гражданин нашей страны видит в высшем человеческом творчестве — в повторении самого себя в своих детях, в творении человека, в формировании его разума, чувства, воли, характера, моральной красоты и неповторимой человеческой индивидуальности. Каждый из нас что-то создает для своих соотечественников — хлеб или машину, одежду или космический корабль, новую породу продуктивного скота или симфонию, — но у каждого из нас есть глубоко личное и в то же время глубоко общественное созидание — созидание человека. Как мы воспитываем своих детей, кого мы введем в мир после себя? Что мы оставляем в сердцах своих сыновей, отцы? Задумаемся над этим. Это так же важно, как строительство фабрик и заводов, нефтепроводов и электростанций, — создание Человека.

Мы, отцы и матери, строим коммунистическое обще-

ство для счастья наших детей и внуков. Во имя того, чтобы наши дети были счастливыми, мы, в сущности, живем, трудимся, боремся за наши идеалы. Я принадлежу к поколению, которое в трудном 1941 году встретило врага с оружием в руках в рядах кадровых войск Советской Армии.

В огне войны сгорели сердца многих из нас, тысячи братских могил — в тени 20-летних деревьев. А на долю тех, кому суждено было вернуться с войны, выпал нелегкий труд: из пепла и руин мы возродили фабрики, заводы, построили новые города и электростанции, возвели чудесные школы и дворцы.

Счастливы наши жены, счастливы и мы, отцы, — у нас растут дети. Мы искренне радуемся, когда видим, как для детей сооружается новый дворец, как они веселой стайкой идут вместе с мамами, бабушками и дедушками к автобусу, увозящему их на лето в пионерский лагерь. Бабушки и дедушки несут чемоданы, матери в сотый раз напутствуют детей. Загудел мотор автобуса, облачко пыли обволокло каштаны, склонившиеся над вечным часовым у могил героев... Раз в неделю навещаем мы в лагере своих детей — 14-летних и 15-летних, — дотошно расспрашиваем их, чем кормят, возмущаемся, узнав, что в летней столовой разбито стекло — куда смотрит завхоз, ведь ребята могут простудиться. И как только мы высказали свое возмущение начальнику лагеря, через пять минут пришли завхоз со стекольщиком — стекла вставлены.

Все это — закономерности нашей жизни, всему этому надо только радоваться. И было бы глупо сожалеть по поводу того, что в трудные дни, мол, легче было воспитывать. Пусть никогда не вернутся они, те дни, когда дети голодали и крошка хлеба была их мечтой. Но меня, отца, коммуниста, и, я уверен, многих отцов и коммунистов тревожит вопрос: зажигает ли наш большой, поистине неугасимый факел любви к ребенку ответную искорку благодарности в его сердце? Чувствует ли ребенок, что радости и блага его жизни — это большой труд и пот родителей — добрых, сердечных, чутких, отзывчивых людей, это забота многих и многих «не родных», «чужих», но дорогих для него людей — дорогих потому, что без них он не может жить, хотя часто бывает, ему это и в голову не приходит? Всегда ли озарена отцовская, материнская любовь человеческой муд-

ростью? В чем заключается мудрость родительской любви?

Сотни человеческих судеб, сложившихся на моих глазах, привели меня к твердому убеждению в том, что высшая мудрость родительской любви заключается в том, как мы, отцы и матери, умеем раскрыть перед нашими детьми подлинные источники радостей жизни, в чем видят и чувствуют дети радость бытия.

Детское счастье по своей природе эгоистично. Добро и благо, созданные для ребенка старшими, дети воспринимают как нечто само собой разумеющееся. До тех пор пока они не почувствовали, не пережили на собственном опыте (а опыт сам по себе стихийно никогда не приходит), что важнейший источник их личной радости — это труд и пот старших, они будут глубоко убеждены в том, что мать и отец существуют лишь для того, чтобы приносить им радость.

Одно время был широко распространен такой взгляд: лодыри и бездельники, неблагодарные сыновья и дочери вырастают, дескать, чаще всего у родителей-интеллигентов, далеких от производственного труда. Но этот взгляд оказался мифом, надуманной схемой, его опровергает жизнь. Жизнь твердо убедила меня в противоположном: люди с каменными сердцами чаще всего вырастают именно в тех трудовых семьях, в семьях рабочих, колхозников, интеллигентов, где отец и мать души не чают в своих детях, отдают им все и не требуют от них ничего. С первого взгляда это может показаться странным и парадоксальным: в хорошей, трудовой, честной семье, у добрых, чутких, отзывчивых, сердечных родителей дети вырастают иногда равнодушными, бессердечными. Но никакого парадокса здесь нет: ребенок вырастает с каменным сердцем потому, что он лишь потребитель радостей, все радости его жизни заключаются только в том, что он берет, получает, а это самое страшное, что может быть в семейном воспитании.

3. МУДРОСТЬ РОДИТЕЛЬСКОЙ ЛЮБВИ

Воспитание духовной готовности к мудрой родительской любви — это сейчас, на мой взгляд, одна из самых важных и тонких задач в сфере становления нравственных основ нашего общества. Глубоко ошибоч-

ным является взгляд (его еще разделяют, к сожалению, не только многие родители, но и отдельные партийные работники), согласно которому общественная деятельность гражданина нашей страны — это нечто совершенно не связанное с воспитанием детей, с выполнением родительских обязанностей.

Воспитание человека, воспитание собственных сына и дочери — важнейшая, первая общественная деятельность гражданина, его гражданский долг. Подавляющее большинство родителей это прекрасно понимают. На родительском собрании у нас в школе отец одного из пятиклассников заявил, что из-за перегруженности общественными делами у него «руки не доходят» до сына. Родители прямо сказали ему: грош цена вам как общественнику, если вы не находите времени воспитывать собственного ребенка. Некогда воспитывать сына — значит некогда быть человеком.

Добиться того, чтобы родители овладели мудростью отцовской и материнской любви, — в этом мы видим одну из важнейших задач учебно-воспитательного процесса. Уже не одно десятилетие работает у нас «Школа для родителей». Кстати, мы считаем совершенно ненужным называть ее родительским университетом — это звонкая фраза, не отражающая сущности той скромной воспитательной работы, которая проводится с родителями. В «Школе для родителей» есть группа родителей будущих учеников (с ними мы начинаем работу за три года до поступления их детей в школу), группы родителей учеников I—III классов, IV—V классов, VI—VIII классов, IX—X классов.

Красной нитью через все, о чем мы говорим с родителями, проходит мысль о мудрости материнской и отцовской любви, о гармонии доброты и требовательности, ласки и строгости. С большим тактом, не прикасаясь к личному, зачастую болезненному, мы стремимся предотвратить ошибки родителей в этом самом тонком деле духовной жизни.

Там, где нет мудрости родительского воспитания, любовь матери и отца к детям уродует детей. Есть много разновидностей этой уродливой любви, главные из них: 1) любовь умиления; 2) любовь деспотическая; 3) любовь откупа.

Любовь умиления — это самое печальное, что можно себе представить в отношениях родителей и детей.

Это инстинктивная, неразумная, иногда напрашиваются слова — куриная любовь. Мать и отец радуются каждому шагу ребенка, не задумываясь над тем, какой это шаг и к чему он может привести. Вот несколько фактов, удручающих бездумностью родителей, их фанатическим поклонением перед ребенком как перед божеством.

Я своими глазами видел такую картину. К матери пятилетнего Сережи пришла соседка. Женщины стояли во дворе, возле них играл мальчик. Тут же, на глазах у матери, он справил свою маленькую нужду. Мать умилилась: «Вот видете, какой у нас сыночек, никого не боится». Безрассудное умиление приводит потом к печальным результатам: сыновья и дочери «садятся на шею» родителям, превращаются в маленьких тиранов.

Любовь умиления развращает душу ребенка прежде всего тем, что он не знает удержу своим желаниям; принципом его жизни становится девиз дикаря, подлеца и хулигана: все, что я делаю, мне разрешается, ни до кого мне дела нет, главное — мое желание. Ребенок, воспитанный в духе умиления, не знает, что в человеческом общежитии есть понятия «можно», «нельзя», «надо». Ему кажется, что ему все можно. Он вырастает капризным, нередко болезненным существом, для которого малейшее требование жизни становится непосильной тяжестью. Воспитанный в духе умиления — эгоист, как говорится, до мозга костей. Он не знает своего долга перед родителями, не умеет и не хочет трудиться, потому что не видит людей и не чувствует сердцем, что у тех, кто его окружает, и прежде всего у матери, отца, дедушки, бабушки, есть свои желания, свои потребности, свой духовный мир. У него складывается твердое убеждение в том, что он приносит радость, счастье родителям уже тем, что он живет на свете, существует.

Меня до глубины души возмутила фотография, опубликованная прошлой осенью в одном из наших литературно-художественных журналов: первый день школьных занятий, малыши-первоклассники только что зашли в класс и расселись за партами, а в окна, в двери со всех сторон заглядывают счастливые мамы и папы, и в глазах у всех сладкое умиление. Умиление написано и на лице учительницы. Дети чувствуют, что все смотрят на них с умилением, у них складывается пер-

вая мысль о том, что уже то, что они пришли и сели за парты, — большая заслуга.

Дети — радость нашей жизни, мы живем и трудимся во имя счастья детей. Все это бесспорные истины. Но говорить об этом детям, устраивать инсценировки, подчеркивающие эту мысль (например, в торжественной обстановке передавать ключи от школ и детсадиков), — это значит развращать детей, создавать червоточину в гражданской сердцевине человека. От того, что мы, отцы, на каждом шагу вдалбливаем в головы наших детей истину: «Вы — радость нашей жизни», — у них утверждается убеждение в том, что они делают нам большое одолжение, получая от нас материальные и духовные блага. А если это так, то мне все позволено, каждое мое желание должно быть удовлетворено — так зреют семена капризов и того детского тиранства, от которого родители потом хватаются за голову.

Есть еще одна разновидность неразумной, инстинктивной родительской любви. Это *любовь деспотическая.* 22 января 1967 г. «Рабочая газета» опубликовала письмо 16-летнего юноши, девятиклассника одной из школ Кривого Рога Толи Н. Это письмо продиктовано отчаянием. Юноша учится на «4» и «5», делает дома все, что надо делать для помощи родителям, — моет полы, посуду, чистит одежду и обувь всей семье. «Родители и одевают меня хорошо, и заботятся, чтобы я ел хорошо, — пишет Толя, — но купят какую-нибудь обновку и без конца попрекают...» Постоянные упреки создают обстановку настоящего ада. И все это родители делают, как они говорят, только потому, что любят сына, желают ему добра, учат жить — чтобы умнее был и родителей уважал.

Я знаю несколько таких семей, как семья Толи. Жизнь детей в этих семьях — беспросветное мучение. Казалось бы, нет у нас давно никакой почвы для такого самодурства — ни социальной, ни моральной. Но самодурство-то есть, значит, есть и какая-то почва, может быть, какие-то гнилые кочки.

В тех семьях почвой для самодурства родителей является смесь дремучего бескультурья и эгоизма. К своим детям они относятся, как к вещам: мой стол — где захочу, там и поставлю: моя дочь — что захочу, то и скажу, что придет в голову — то и потребую. Я знаю отца, который дошел вот до чего: купил 15-летней до-

чери, ученице VIII класса, модные туфли и хорошенькое платье. Туфли приказал поставить рядом со столом, за которым девушка выполняет уроки, платье повесил здесь же. И предупредил: будут по всем предметам к концу четверти оценки не ниже четверки — одевай туфли и платье. Будет хоть одна тройка — не прикасайся к обновкам.

Трудно представить что-либо более отвратительное, чем это деспотическое упоение властью человека над человеком.

Гнусный деспотизм невежественных родителей — это одна из причин того, что у ребенка с малых лет извращается представление о добром начале в человеке, он перестает верить в человека и человечность. В обстановке деспотического самодурства, мелочных придирок, постоянных упреков маленький человек *ожесточается* — это, на мой взгляд, самое страшное, что может произойти в духовном мире ребенка, подростка. Самодурство изгоняет важнейшее душевное движение, которое в нормальных семьях является источником добра, разумной сдержанности и уступчивости детей. Это движение души — *ласка.* Не знающий ласки в детстве становится грубым, бессердечным в годы отрочества и ранней юности.

Я часто слышу тревожные раздумья родителей: был сын маленьким ребенком — был добрым, сговорчивым, послушным; стал подростком — стал грубым, своенравным. Почему это так происходит? Я тысячу раз убедился, что причина этого явления — в неумении родителей пользоваться родительской властью; в том, что принуждение осознается и переживается ребенком как злая сила, подавляющая его волю. Родительская власть должна поощрять, одухотворять внутренние силы ребенка — *его желание быть хорошим.* Это желание есть буквально у каждого ребенка, и с тончайшим своим инструментом — родительской властью — надо подойти к ребенку так, чтобы не сломать этого еще нетвердого, хрупкого душевного порыва. Если же вы превратили умную, мудрую власть в деспотическое насилие — неокрепшее желание быть хорошим лопнет, и произойдет самое тревожное, что может произойти в душе ребенка.

Уважайте детское желание быть хорошим, берегите его как самое тонкое движение человеческой души, не злоупотребляйте своей властью, не превращайте муд-

рость родительской власти в деспотическое самодурство, не сломайте человеческого желания вашего ребенка быть хорошим. Помните, что ваш сын, ваша дочь — такой же человек, как и вы, его душа явно протестует, когда кто-то пытается сделать его игрушкой своего произвола.

Некоторые родители почему-то считают, что, если «хорошо нажать», ребенок будет учиться на «5» и «4». По мнению многих родителей, оценка успеваемости выражает вместе с тем и оценку нравственности. Это глубокое заблуждение наносит серьезные травмы ребенку, а иногда просто калечит его душу. Смешение оценок по предметам и нравственного облика — это результат бездушной и односторонней погони за единственным показателем благополучия — цифирью, процентом успеваемости. Это большое зло школы. Многие учителя с оценки начинают и оценкой кончают разговор с родителями об ученике. Все сводится к прямолинейному выводу: хорошие оценки — хороший ребенок; оценки «не те, что надо»,— значит, и ученик «не дотянул до уровня».

В этом странном, педагогически неграмотном взгляде исчезает человек как гармоиическое единство многогранных черт, качеств, способностей, иаклонностей. Этот взгляд, к сожалению, проник в семью, в общественную жизнь. Я не могу без возмущения слушать и читать многочисленные статьи, в которых красной нитью проводится идея: тройка — это слабые, никудышные знания.

Пора твердо сказать нам самим себе, дорогие товарищи педагоги, тройка — это характеристика совершенно удовлетворительных знаний. Кстати, если у всех учителей будет правильный взгляд на эти вещи, исчезнет очковтирательство, не будут неудовлетворительные знания оцениваться тройкой. И родители не будут требовать от своих детей невозможного: ведь не у всех одинаковые способности, одному легко учиться на «4» и «5», а для другого и оценка «3» является большим успехом. Особенно важно это помнить сейчас, когда мы стоим на пороге осуществления всеобщего среднего образования.

Третья разновидность неразумной родительской любви — это *любовь откупа.* Есть отцы, искренне убежденные в том, что, обеспечивая все материальные потребности детей, они выполняют свой родительский долг. Ребенок одет, обут, сыт, здоров, у него есть все учебники

и иаглядиые пособия — что же вам еще иадо? Материальными затратами, считают такие отцы, можно измерить родительскую любовь, на худой конец откупиться...

Здесь мы имеем дело с иебольшим числом отцов (но оии есть, и о иих надо говорить) — людей, страдающих иеизлечимым пороком — нравственно-эмоциональной толстокожестью. По существу они не знают, что такое родительская любовь. Почему речь идет прежде всего об отцах? Потому что среди матерей, связаииых с детьми узами повседневиой духовной общности, таких людей почти иет. Нравствеино-эмоциоиальиая толстокожесть, бездушиое отношение к своим детям — далеко ие всегда результат иизкого уровня образования отца. Это результат порочиого взгляда иа воспитаиие детей как на что-то совершеино обособлеииое, отделеииое забором от общественных обязанностей.

Если в такой семье и мать ие уделяет достаточного виимания детям, если она не стала центром духовиой жизни детей — их окружает атмосфера духовиой пустоты, убожества. Они живут среди людей и ие знают людей — вот что наиболее опасио в таких семьях: их сердцам совершенно иезнакомы и недоступны тонкие человеческие чувства, прежде всего ласка, участливость, сострадание, милосердие. Они могут вырасти эмоциональио невежественными людьми. По отношению к этим детям воспитательный долг школы особенно велик: оии должиы пройти в стеиах учебиого заведеиия специальиую школу воспитания чувств. Это целая проблема теоретической и практической педагогики; к сожалению, этой отрасли педагогики по существу нет: иикто специально не исследует того, как воспитывать в школе детей, у которых в силу семейиых обстоятельств опустошеи, обезличен эмоционально-нравствеииый мир. В лучшем случае школа заботится о том, как «обеспечить» хорошую успеваемость ребеика, который чувствует, что в семье он никому не нужеи.

Какой же должиа быть подлииная родительская любовь?

4. ИМЕЮЩИЙ В РУКАХ ЦВЕТЫ

Какой же должиа быть подлииная родительская любовь? Что оставлять в сердцах сыиовей и дочерей наших, чтобы они выросли иастоящими людьми?

Как добиться, чтобы родительская любовь зажигала в детских сердцах неугасимые искры благодарности? Чтобы золотые крупинки, которые дарят мать и отец сыну, дочери, превращались в золотые россыпи для людей, для народа?

Учить ребенка видеть и понимать людей — это, пожалуй, самое сложное в трудном деле воспитания человека. Родительская любовь должна быть такой, чтобы у ребенка пробуждалась чуткость сердца к окружающему миру, ко всему, что создает человек, что служит человеку, и, конечно, прежде всего к самому человеку. Я твердо убежден, что воспитание человеческого благородства в детском сердце начинается с максимального *очеловечивания* его отношений к людям, одухотворения этих отношений чистыми, возвышенными чувствами уважения человека, и прежде всего уважения матери и отца.

Дети только что переступили порог школы, стали учениками. В первые годы школьной жизни исключительное значение имеет связь школы с родителями, подчеркиваю, с обоими родителями, и с матерью, и с отцом. Еженедельные индивидуальные беседы учителя, директора школы с матерями и отцами, раздумья, советы — это лаборатория воспитания человека. Мы сообща думаем, что должен делать ребенок, в чем должна заключаться его активная деятельность, чтобы он чувствовал сердцем, что живет среди людей.

Вместе с родителями мы добиваемся того, чтобы школьные годы, особенно годы обучения в начальных классах, были школой сердечности. Самые ценные уроки в этой школе — создание красоты, заботы о красивом для человека. Все, что доставляет ребенку эстетическое наслаждение, радость, удовлетворение, имеет чудодейственную воспитывающую силу. Дети создают красоту для семьи, для матери и отца, для других людей.

Каждую осень в семьях проводится праздник Розы — он, подчеркиваю, прежде всего семейный, а потом школьный. Дети не собираются всем коллективом, нет той торжественности, в которой, к сожалению, мало искренних, неподдельных детских чувств и много искусственного, не свойственного природе ребенка. Наши детские праздники проводятся главным образом в семье, но готовит детей к ним школа.

Осенний праздник Розы — это день, в который каждый ребенок сажает на приусадебном участке родителей несколько кустов роз. Мы даем ребенку саженцы роз — возьми, посади, ухаживай за ними, создавай красоту, принеси радость матери, отцу, бабушке, дедушке.

Ребенок сажает розы. Ему часто приходится напоминать: полей, прикрой от холода, разрыхли землю. Он не привык к заботам и настойчивым усилиям. Результат, о котором говорит учитель, — благоухающий цветок — в его представлении невообразимо далек. Ребенок не умеет терпеливо ждать и стремиться к цели — этому его иадо учить, и учить трудом.

Но вот появляется первый бутон, второй, третий. Бутоны раскрываются, блестят на солнце алые, розовые, синие, голубые лепестки. Огоньки радости в детских глазах в эту пору ни с чем не сравнимы. Это не та радость, которую переживает ребенок, получивший что-нибудь в подарок от родителей. Это не радость досуга, отдыха, не радость предвкушения удовольствий предстоящей поездки на экскурсию.

Это радость творения добра для самых дорогих людей — матери, отца, бабушки, дедушки. И это добро трогает, волнует, радует детское сердце как раз потому, что добро это — красота. Ребенок ждет не дождется, когда бутоны расцветут. Тут он уже умеет быть терпеливым. И если случается, что кто-нибудь сорвал цветок, предназначенный для подарка матери, — для ребенка это горе. И тот не иастоящий человек, кто никогда не пережил этого горя.

Для меня нет счастья больше, чем видеть сияющие детские глаза в те мгновения, когда ребенок срывает цветок розы и несет его матери. Глаза его одухотворены в эти мгновения чистым сиянием человечности. Они озарены глубокой внутренней радостью — радостью творения добра для людей.

Ребенок, переживший первое чувство творения красоты, добра для людей, приобретает новое видение красоты. В цветущих ветвях яблони, в созревающих гроздьях винограда, в задумчивых цветах хризантемы он видит воплощение труда, забот, тревог. У него не поднимется рука сломать ветку, сорвать цветок просто так, «зазря».

«Имеющий в руках цветы плохого совершить не может» — в этих прекрасных стихах Вл. Солоухина по-

этический ответ на вопрос о том, какой должна быть родительская любовь, что мы должны оставлять в сердцах своих сыновей. Наша любовь, дорогие отцы и матери, должна быть свежим ветром, раздувающим в детском сердце ту искру заботы, тревоги о нас, родителях, о людях вообще, которую мы же зажгли своим умением одухотворить маленького человека желанием быть добрым, человечным, душевно красивым.

Проходит первый год школьной жизни, дети переходят во II класс, и вот мы с ними закладываем сад Благодарности. Это сад для людей, для стариков, которые проработали на земле 40, 50, 60, 70 лет, а есть люди, проработавшие и 80 лет. Для сада Благодарности мы берем, как правило, участок заброшенной, неплодородной почвы, превращаем ее в плодородную, высаживаем виноград, яблони, груши, сливы. Нелегкий это труд — бывает, надо перенести десятки тонн плодородного ила, чтобы в земле пробудился источник жизни. Но этот труд одухотворен высокой целью: мы приносим радость людям. И поэтому радости этого труда ни с чем не сравнимы и не сопоставимы.

В саду Благодарности созревают первые плоды, дети приглашают в сад уважаемых дорогих своих односельчан — дедов своих и прадедов. Дорогие родители, направьте своего сына по этой тропинке нравственного развития, одухотворите его труд, и вы увидите, что то мгновение, когда он сорвет плоды в саду Благодарности и поднесет человеку, полстолетия проработавшему на земле, — это мгновение оставит неизгладимый след в его душе — он как бы поднимется на первую вершину в своем нравственном развитии.

Переживая бескорыстную радость творения добра, ребенок приобретает драгоценное богатство души: он чувствует сердцем, когда и где товарищу, другу, любому человеку, живущему рядом, надо помочь. Ребенок, испытывающий потребность делать добро, потребность в человеке — а об этой потребности писал Маркс как о величайшем духовном богатстве свободного человека, — становится очень зорким, восприимчивым, чутким к окружающему миру, к людям, к поступкам, событиям, взаимоотношениям между людьми. Как чутки дети, пережившие радость творения добра для людей, к огорчениям, невзгодам матери, отца! Они чувствуют, что уставшие на работе мать и отец нуждаются в от-

дыхе, что тишина, покой, чистота в доме, красота — это важные условия той полной духовной жизни, которую надо дать матери и отцу. Дети, познавшие радость творения добра для людей, сердцем чувствуют, что их плохое поведение, плохие успехи в учении — все это приносит огорчения матери и отцу, а принести огорчения самому близкому, дорогому человеку — для сердечного, отзывчивого ребенка — равносильно злому, дурному поступку.

Сердечный, отзывчивый ребенок чувствует зло там, где, казалось бы, с первого взгляда и нет дурного поступка. «Я должен учиться хорошо, — сказал мне однажды Коля, ученик IV класса, — у мамы больное сердце». Ребенок чувствует, что, если в его табеле появится плохая оценка, сердце матери будет огорчено. Ему хочется, чтобы мать была спокойна. Он знает, что своим трудом он может успокоить сердце матери, не причинять ей беспокойства.

Это заветное желание каждого отца, каждой матери — чтобы детям хотелось хорошо учиться. Чем же пробудить это хотение, желание? Оно имеет своим источником желание принести матери и отцу радость. А это желание пробуждается в детском сердце лишь тогда, когда ребенок уже пережил, испытал радость творения добра для людей. Я глубоко убежден, что заставить ребенка хорошо учиться можно, пробудив его к добрым поступкам для блага людей, утвердив в его сердце чуткость к окружающему миру, воспитав способность познавать душевный мир другого человека сердцем.

Помню маленькую девочку Зою. Обожая дочурку, мать потакала всем ее прихотям. И вот мать стала болеть. Это была длительная, изнуряющая болезнь с временными улучшениями здоровья и неожиданными ухудшениями. Мы считаем своей одной из важнейших воспитательных задач то, чтобы чуткое сердце ребенка читало в человеческих глазах, в оттенках речи, в движениях боль, горечь, печаль, плохое настроение. У детей, которые воспитываются в духе бездумного умиления, пробудить эту чуткость очень трудно.

Третий класс, в котором училась Зоя, собирался ехать в интересное путешествие по Днепру — дней на пять. Пришла в школу мать Зои — посоветоваться, что надо приготовить дочке в дорогу. Ей было очень тяжело, но она стремилась не замечать атак недуга. Мне с трудом удалось убедить мать, что Зое никуда ехать не надо: нельзя оставлять мать в таком состоянии. Я позвал девочку с урока и сказал, что она не поедет. Девочка расплакалась.

«Неужели ты не видишь, в каком состоянии мама? — спросил

я. — Ведь она тяжело больна. Сколько сил стоит ей казаться здоровой — неужели ты этого не видишь».

Девочка смотрела на меня с недоумением.

«А откуда мне это знать? — равнодушным тоном сказала Зоя. — Ведь мать не говорит, больна она или здорова».

Девочка была явно недовольна тем, что ей нельзя поехать с товарищами. Рассудок подсказывал ей, что нельзя оставить мать, но сердце ни о чем не говорило, вот в чем беда. Не один год пришлось мне пробуждать сердце этой маленькой девочки — как это ни странно, оно уже было окаменевшее... Я учил ее: смотри в человеческие глаза — это зеркало души, умей почувствовать, чем живет человек, что его радует или огорчает.

Однажды мы с Зоей пошли в поле, к колхозницам, работавшим на свекловичной плантации. В звене — восемь человек. Среди этих женщин, сказал я Зое, мать, у которой погибли смертью героя на фронте три сына. Сколько бы лет ни прошло, это горе никогда не оставляет душу, и каждый, у кого чуткое сердце, прочитает его в материнских глазах, почувствует сердцем. Зоя узнала мать героев... Этот день оставил в ее сердце глубокий след на всю жизнь. Теперь она была уже не равнодушной девчонкой, а чуткой, сердечной, внимательной дочерью. Она не оставляла мать по вечерам одну дома, старалась, чем только могла, принести ей радость.

Сейчас Зоя стала взрослым человеком, вышла замуж, у нее сын. Прошлой осенью она пришла в школу очень взволнованная.

«Идемте скорее, там человек нуждается в помощи, — сказала она, задыхаясь от усталости после быстрой ходьбы. — Если ему не помочь — плохо будет». Потом она рассказала более спокойно: в лесной чаще на старом пне сидит старик, удрученный безысходным горем, склонившийся к земле, ничего не видит и не слышит. «У него в глазах — боль, отчаяние, надо скорее идти к нему», — закончила свой рассказ Зоя.

Мы поехали в лес. Старик оказался жителем нашего села. У него большое горе: три дня назад он похоронил жену, теперь остался один на свете — ни родственников, ни близких; сын и брат погибли на фронте... Мы отвезли старика домой, в хату, куда он боялся зайти, страшась одиночества. К нему ежедневно приходили пионеры. Зоя подружилась со стариком, подружилась с детьми, ставшими для дедушки Андрея дорогими, родными. На приусадебном участке старика дети заложили большой питомник роз. «Если бы не Зоя и не дети, я уже не жил бы», — сказал мне однажды дедушка Андрей.

Что мы оставляем в сердцах своих сыновей, отцы? — давайте почаще ставить самим себе этот вопрос. Будем оставлять в сердцах своих сыновей моральные ценности, созданные, добытые, выстраданные трудовым народом за его многовековую историю, за столетия его борьбы, утверждающей высокое достоинство Человека. Будем помнить всегда, что самое высокое и почетное творчество в обществе, строящем коммунизм, — это творение Человека.

СЛОВО К ОТЦАМ

В зимние вечера к нам в школу частенько приходят отцы. И мы, педагоги, ведем с ними особый разговор — о высокой миссии мужчины в семье. Этому разговору придается важное значение, потому что роль отца в воспитании детей особенная.

В самом деле, как хочется ребенку, чтобы отец его был личностью сильной, ярко выраженной, умеющей быть ответственной. Если бы каждый отец знал и понимал, какую огромную потребность в нем испытывает ребенок, как он хочет, чтобы рядом был мудрый, мужественный мужчина!

В начале 50-х годов учились у нас в школе две подружки-второклассницы. У одной из них — Наташи не было отца. Когда девочка была маленькой, она часто спрашивала у мамы, где отец. Мама молчала, а однажды расплакалась... Став школьницей, Наташа больше никогда не задавала вопросов об отце.

У ее подружки Насти были и мать, и отец. Как-то пришла в гости Настя к Наташе и спросила: «Где твой папа?» Девочке стыдно было сказать, что у нее нет отца, и она ответила: «Тато мой — летчик. Он летает... и дома бывает редко». Из денег, которые мать давала на обед, Наташа ежедневно откладывала по нескольку копеек... Однажды села в автобус, поехала в город и купила картуз летчика... Если в дневнике у девочки появлялись неважные отметки, она говорила подружкам: «Ой, что же мне тато мой скажет...» В этих словах звучала не боязнь, а гордость...

Наташа выросла. У нее теперь своя семья: муж и две дочери. Помнится, в день, когда молодая мать впервые привела в школу свою старшую дочь, она рассказала:

— Вы не представляете, как требовался мне в детстве отец. Я создала его в своем воображении. Так легче было жить. Отец представлялся мне добрым, но строгим, требовательным. Хотелось, чтобы он взял однажды мой дневник и сказал: «Ну, что у тебя там, дочка...» Особенно тяжело было в дни, когда я болела. Как ждала я, что подойдет к кроватке большой, сильный человек, положит руку на голову и обрадует: «Ничего, дочка, скоро выздоровеешь...»

Я знал многих детей, отцы которых погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Взрослые уже люди, они до сих пор берегут, как святыню, какую-то вещь, оставшуюся от отца: звездочку, ремень, платок, ручку, кисет, сумку...

Никогда не забыть маленького Сережу. Его отец пал в битве в Карпатских горах. Долго плакала мать, получив синий конверт с

похоронным извещением. Окончилась война, возвращались солдаты из армии. Однажды в горячий летний день на двор к Сережиной матери пришел седоусый солдат. Он рассказал ей о смерти мужа. «Погиб твой отец-пулеметчик от фашистского снаряда, — обратился солдат к Сереже. — Нашел я на месте гибели только ложку своего верного друга». И передал ее мальчику.

Шли годы. Сережа тоже стал солдатом. В армию юноша взял с собой отцовскую реликвию. Три года служил, и алюминиевая ложка была его неразлучной спутницей. Теперь и у Сережи растут три сына. Ложка их деда лежит в доме на самом видном месте, и я уверен: лежать будет вечно.

Если мы говорим о гражданском облике отца, его способности стать образцом для детей, то измеряется эта гражданственность прежде всего обязанностью быть ответственным за своих детей.

Отношения в семье исторически сложились так, что труд отца, имеющий целью заботу о здоровье, благополучии, жизни детей, становится средоточием нравственности. Чем желаннее и радостнее для мужчины этот труд, тем благороднее его моральный облик, тем лучший образец для подражания являет он собой.

Отец — самый родной, самый дорогой для ребенка мужчина, в образе которого выражается человеческая ответственность за его приход в свет, за каждый его шаг и поступок в жизни. В отцовстве — великая миссия преемственности поколений, нравственного совершенствования в новой, созданной отцом и матерью личности.

Хочется, чтобы все отцы понимали: мера сыновнего подчинения, послушания, дисциплины определяется мерой отцовской ответственности. Его служение людям, верность и преданность родной стране — это гордость детей. Они дорожат тем, что отец отдал и отдает своему народу, что оставляет от своей души, своего разума в материальных и духовных ценностях Отечества.

В народе говорят: «Сыну надо иметь свой корень». Родительский корень, родительские заслуги, родительская честь не должны стать для сына капиталом, на который можно жить, приобретая на него блага и привилегии. На родительском корне, если у сына не будет корня собственного, может вырасти чертополох. Чем ярче светят заслуги отца перед обществом, тем необходимее сыну собственный свет. Этот свет зажечь может отец. Зажечь огнем своей верности высоким идеалам общества, своим трудом во имя этих идеалов.

Наши учителя стремятся в своей воспитательной работе к тому, чтобы каждый школьник видел, открывал в своем отце те черты, которые создают непреходящие человеческие ценности — гордость, достоинство семьи. Познание нравственных богатств в собственном отце — ничем не заменимые уроки гражданской чести.

Вот два таких урока.

Когда окончился учебный год, отец сказал Пете:

— Сегодня поедем на мое поле, сынок.

— Разве у тебя есть свое поле? — спросил сын.

— Есть.

Добирались долго: поездом, автобусом. Наконец, достигли леса. Вдоль опушки увидели широкое ровное поле, на нем колосилась пшеница.

— Это мое поле, — сказал отец. — Здесь я сражался с фашистами Выбили мы отсюда врага. На этом поле — моя кровь... Вон там я лежал раненый...

Задумчиво, строго, совсем по-новому смотрел сын на поле, казавшееся ему до сих пор самым обыкновенным. Может быть, именно в этот миг понял мальчуган, что значит служить своему народу. И здесь же увидел в своем отце верного защитника Родины, храброго человека. Если каждый из сыновей станет, как Петя после посещения такого поля смотреть на отца влюбленными глазами — уверен, не будет места непослушанию, неуважению.

А вот другой пример.

У Пилипка, маленького второклассника, отец тоже воевал с фашистами, был награжден медалью «За боевые заслуги». Зимними вечерами отец рассказывал сыну о трудных дорогах войны, окопах в снегах и болотах, мужестве наших воинов.

«Какая это трудная медаль...» — сказал однажды Пилипко, ложась спать. А вскоре завершился учебный год. Мальчик принес домой большую книгу с яркими рисунками — награду за успешное учение. Мама улыбалась, рассматривая книжку, а Пилипко молчал.

— Что случилось? Почему школьная премия тебя не радует? — с удивлением спросила мать.

— Потому что не было трудно... — ответил сынишка.

Есть над чем задуматься не только отцам, но и нам, учителям. Порой еще мало заботимся мы о том, чтобы в сознании детворы сливались воедино три понятия: «трудно», «прекрасно», «надо». К тому же, воспитывая чувство любви и уважения к старшим, и в частности к отцу, нам, педагогам, следует быть очень чуткими и тактичными.

Идет урок. Учительница по очереди спрашивает первоклассников об их родителях. Дети отвечают, учи-

тельница записывает. Услышав вопрос об отце, обращенный к соседу по парте, Петя побледнел.

Оказалось, накануне, возвращаясь из школы, мальчуган встретил своего отца возле чайной. Склонившись на забор, тот смотрел на дорогу пьяными глазами. «Тату, идемте домой»,— уговаривал Петя отца на глазах у проходящих мимо людей, и мальчишке было бесконечно стыдно перед ними...

В поле гудел трактор, светило солнце. Мир казался счастливым и спокойным. Но разве может быть счастливым хоть один человек, пока маленький Петя плачет над пьяным отцом, а потом, ожидая вопроса учительницы, обливается холодным потом? Всегда ли мы задумываемся о том, что в такие минуты ломается вера у маленького человека во все светлое, радостное и правильное. Без веры в «правильное»— это слово я заимствовал из рассказа одного подростка о своем домашнем горе — не может быть и речи о полноценном воспитании. Ребенок счастлив лишь тогда, когда он верит. Непослушание, дерзости, грубость — все это появляется в детском поведении именно в те моменты, когда ломается вера.

Если бы меня спросили, что самое трудное в нашей работе, я бы ответил: говорить с ребенком о его отце и матери. Здесь малейшее неумение, оплошность, неточность могут привести к пагубным последствиям.

...В классе было тихо, дети рисовали осень. «А Митин тато в тюрьме», — вдруг послышался звонкий мальчишеский голос. Павлик живет по соседству с Митей. Мальчик не мог сберечь такую интересную новость: мама вчера рассказывала, что отца Мити осудили.

Я от неожиданности не мог собраться с мыслями. Митя покраснел: карандаш, которым он рисовал дождь, задрожал в его руке.

«Ничего удивительного в этом нет,— сказал я малышам.— Вы знаете, что Митин папа — стекольщик. Помните, он в школе стеклил окна? В тюрьме есть выбитые стекла... Митин отец поехал туда стеклить окна. Не такая это быстрая работа».

В глазах Мити засветились огоньки благодарности.

Наша учительская миссия — защитить детскую душу. Бывают такие обстоятельства, когда перед ребенком как будто бы острое лезвие ножа: он в ужасе, все

в нем замирает. Такое чувство переживается в минуты обнажения тех интимных семейных взаимоотношений, которые ребенку хочется прикрыть, спрятать.

Вот почему мне хочется сказать отцам: знайте и помните — дети переживают ваше падение, как свое личное горе, воспринимают вашу радость, как свою. Берегите же детскую любовь к человеку, укрепляйте веру в человека.

МЫ ПРОДОЛЖАЕМ СЕБЯ В ДЕТЯХ

Из глубины веков пришла к нам утвердившаяся в народной морали истина: хорошие дети — честь отца и матери, их достоинство; плохие дети — горе, несчастье, страдания. В извечном стремлении к отцовству и материнству выражается духовный, нравственный порыв, постигнутый человеком как высшее счастье. Это порыв к тому, чтобы оставить себя в своих детях, продолжить свое бытие, утвердить нравственные ценности, постигнутые, обретенные, добытые предыдущими поколениями, умноженные крупицей собственного опыта, собственного творения и творчества.

Это не легенда, а быль, истинное событие, которое произошло в старинном селе на берегу Днепра.

Жила в этом селе старая-престарая женщина. Вырастила она пять сыновей и семь дочерей. У каждого сына и у каждой дочери по нескольку внуков. У каждого внука по двое, а то и по трое детей. Лишь у одной внучки Веры, вышедшей замуж несколько лет назад, не было детей.

В теплый летний день исполнилось Праматери — так называл ее весь род — сто семь лет. Пришли поздравить ее с днем рождения дети, внуки и правнуки. Стали вокруг нее в яблоневом саду, поклонились, пожелали доброго здоровья, сильного духа, ясной мысли, зоркого взгляда и справедливого слова. Посмотрела Праматерь на всю свою родню и видит: все пришли, а Веры нет. Заболело старое сердце. Только хотела спросить она: «А Веры почему нет?» — как вдруг прибежала соседка, поклонилась и сказала: «У Веры сын родился».

Вздохнула с облегчением Праматерь. Радость засветилась на ее лице. Посмотрела она в глаза каждому своему родственнику и тихо сказала: «Я умираю». И умерла самым счастливым человеком на земле.

Много лет приходится мне каждый день беседовать с отцами и матерями — и с теми, кто с изумлением и восторгом приходит сообщить о рождении сына, и с теми, у кого дети готовяться стать матерями и отцами.

Мне очень дорого то, что родители приходят ко мне со своими радостями и горестями, доверяют тайны, сохранение которых является огромным трудом души. С каждым годом я все больше убеждаюсь, что отцовство и материнство — это второе рождение человека. Я говорю без преувеличения, что, став отцом или матерью, человек, нравственно подготовленный к этому великому акту человеческого деяния, по-настоящему рождается.

Никогда не забуду волнующего события, ставшего для меня поучительным. Был у нас в школе мальчик по имени Степан. Невыносимым шалуном и проказником, но в то же время добрым, сердечным человеком, остался он в памяти учителей. Прошли годы. Степан стал взрослым человеком, женился, в памяти нашей постепенно стал тускнеть его образ. И вот однажды сидим мы в учительской — человек пять учителей. Открывается дверь, входит взволнованный, радостный Степан. Без шапки, с бутылкой шампанского. Извиняется за неожиданное вторжение, сбивчиво объясняя его причины.

— У меня сегодня большая радость. Везу из больницы жену с дочерью. Сегодня, дорогие учителя, мое сознание как будто бы солнце озарило. Я понял, что настоящий человек — тот, кто отвечает за другого человека. И от этой мысли вспомнились школьные годы. Как только увидел я ее маленькое личико, сразу же перед глазами предстал я сам. Сколько огорчений принес учителям... Простите меня, непутевого. Теперь я знаю, что такое ваш труд. Научите, как воспитывать... Вы знаете это...

Потом он сказал, что они с женой договорились: дочке дадут имя его первой учительницы — Ольги Петровны. Мы вышли из школы, поздравили мать.

Шли дни, недели. Степан часто приходил ко мне со своими сомнениями. Правильно ли они воспитывают Олю? Вот ей уже полгода, вот она уже сделала свой первый шаг, лепечет на своем детском языке... Меня радовали его сомнения и волнения, но больше всего радовало его чувство ответственности. «Где бы я ни был, что бы ни делал — меня тянет к дому, к колыбели Олиной, — делился с нами своими чувствами Степан, — как будто кто-то в сердце стучит: если ты долго не будешь дома, что-то случится нехорошее...»

Молодой отец нес ко мне радости, тревоги, заботы свои и материнские и каждый раз спрашивал: как? Наибольшей радостью отца и матери стало то, что Оля полюбила бабушку Марию. Оля помогала бабушке по хозяйству, и бабушка относилась к помощи правнучки как к очень серьезному делу. «Мы работаем», «мы заняты делом», «нам трудно», «мы устали», «мы отдыхаем» — это те полные глубокого смысла слова, которым в общении с бабушкой научилась Оля. Они несли в себе тонкую эмоциональную окраску любви, доверия, радости общения с любимым человеком. Я присматривался к воспитанию ребенка в этой семье и радовался, наблюдая, что ребенок познает мир через труд и как благодаря этому одновременно с пониманием вещей и явлений в детскую душу приходит нравственная оценка. Ко всему, что его окружает, ребенок определенным образом относится, и в этом отношении с малых лет четко определяются любовь и непримиримость. Маленькому ребенку невыносимы стали безделье, нерадивость.

Когда бабуся слегла в постель, Оля впервые пережила человеческое горе, плакала наедине. Молодой отец пришел однажды рано утром очень взволнованный: что делать? Бабуся умирает. Не лучше ли будет, если 5-летняя Оля не будет видеть любимого человека в предсмертные часы? Я посоветовал: нельзя уводить ребенка из мира человеческого. Познание жизни начинается с познания человека. Первое, что ребенок видит перед собой, — это материнские глаза, улыбку, радость, солнце. Дорожить радостями жизни — это значит беречь ее, понимать ее как ни с чем не сравнимую ценность. Угасание огонька жизни, старость и кончина дедушек и бабушек тоже воспитывают детей.

Если вы, отцы и матери, стремитесь, чтобы сын ваш хотел быть хорошим человеком, дорожил своим достоинством, чтобы слово и воля отцовские и материнские были для него непреложным законом, — научите его в детстве видеть все дерево жизни — от тончайших корней до отмирающих, уходящих в небытие ветвей.

Понимать жизнь, ценить жизнь, дорожить жизнью, беречь жизнь от мерзостей и унижения человеческого достоинства, презирать и ненавидеть эти мерзости — вот средоточие той педагогической мудрости, которую

я стремлюсь передать матерям и отцам. Когда будущие матери и отцы приходят на первое занятие родительской школы, я рассказываю им вот какую быль:

Это было очень давно. В одном селе на Украине девушки и женщины решили показать свое мастерство. Договорились, что в воскресенье все придут на сельский майдан, и каждая принесет самое лучшее, что она создала своими руками: вышитый рушник, кружева, полотно, скатерть. В воскресенье все девушки и женщины принесли на майдан множество изумительных вещей. У стариков и старух, которым общество поручило назвать самых искусных мастериц, глаза разбежались: так много было талантливых девушек и женщин. Жены и дочери богачей принесли вышитые золотом и серебром шелковые покрывала, тонкие кружевные занавески, на которых были вывязаны удивительные цветы и птицы.

Но победительницей неожиданно для всех оказалась жена бедняка Мария. Она не принесла ни рушника, ни кружев, хотя все это она прекрасно умела делать. Она привела семилетнего сына Петруся, а Петрусь принес жаворонка, которого он сам вырезал из дерева. Поднес мальчик жаворонка к губам — и запела, защебетала птичка как живая. Все стояли на майдане, затаив дыхание, а над майданом, в голубом небе, пел живой жаворонок, привлеченный пением с земли.

«Тот, кто творит умного, доброго, мужественного человека — самый искусный мастер» — таково было решение стариков.

В семье, в тончайших прикосновениях отца и матери к детскому сердцу и разуму пишется самая мудрая, самая сложная и в то же время самая простая — потому что она доступна каждому отцу, каждой матери — страница книги, которую все мы называем общественным воспитанием. Общество — это огромный дом, сооруженный из маленьких кирпичиков — семей. Крепкие кирпичи — крепкий дом, рыхлые кирпичи — о, это опасное для общества явление: ему приходится лечить себя. А рыхлость эта заключается чаще всего в безответственности. Если у вас нет сына — вы просто человек. Если же у вас есть ребенок, вы трижды, четырежды, тысячу раз человек — эту мысль мы стремимся красной нитью провести через всю воспитательную работу с родителями. Давая жизнь новому человеку, вы как бы вписываете свое имя в летопись своего народа.

Безответственность и легкомыслие в отцовстве и материнстве — это пороки личности, первопричина которых в извращенном представлении о счастье и радостях жизни. Тот, кто не сумеет продолжить себя в своих детях, забывает, что в старости его ожидает одиночество.

Одиночество старости — самое страшное горе человеческой личности, его можно понять, мысленно и сердцем своим проникнув в душевный мир людей, которые в молодости порхали с одного сладкого цветка на другой, а в старости стали нищими. Прочитайте, беззаботные молодые люди, прочитайте, отцы, неожиданно для самих себя разлюбившие любимую когда-то жену, потому что на пути вашем появился новый ароматный цветок, а старый немножко увял над детской колыбелью... Прочитайте — это истинное событие, к которому мне пришлось в свое время прикоснуться. Обо всем я рассказываю, как было, не называю только имен.

Жили на свете мать, отец и сын. Сыну еще и года не было, когда отец оставил его мать. Оставил и ушел тайком, не сказав, куда он идет и почему.

Остались мать с сыном одни. Нелегко было матери. Рано утром она относила сына в детские ясли, а сама шла на работу.

Сын вырастал. Мать уже не относила, а отводила его не в ясли, в детский сад. Сын узнал, что у других детей есть не только мать, но и отец. Это открытие поразило детскую душу. Маленький сын спросил у матери.

— Почему у других детей есть отцы, а у нас нет? Ребята говорят, что без отца нельзя появиться на свет... Правда ли это?

— Да, без отца нельзя появиться на свет.

— Значит, у нас был отец?

— Да, у нас был отец. Он ушел от нас...

— Почему ушел?

— Он не любит нас, потому и ушел...

— А что значит — не любит? — спрашивал сын.

Мать объясняла это как могла; трехлетнему мальчику не все было понятно, и мать говорила:

— Подрастешь немножко — поймешь...

Прошел еще год, второй. Пятилетний сын спрашивает у матери:

— Мама, а себя наш отец любил?

— Себя он любил еще меньше, чем нас. Себя он не только не любил, но и не уважал...

— А что значит — уважать себя?

Мать пыталась объяснить, но пятилетний мальчик еще не мог понять столь сложных вещей.

Прошел год, два года прошло. Семилетний сын спрашивает у матери:

— Мама, что же это значит — уважать себя?

— Это значит оставить себя на земле в своих детях. Кто не хочет оставить себя в своих детях — тот не хочет быть человеком

— Но разве он, отец, не понимал этого? — спрашивал изумленный сын.

— Он поймет это только в старости.

Когда сыну исполнилось 7 лет, мать вышла замуж. Оставшись наедине с сыном, мать сказала ему:

— Этот человек любит меня, и я его люблю. Если он полюбит тебя и ты полюбишь его, может быть, ты станешь его сыном, а он — твоим отцом. А пока не называй его ни отцом, ни дядей — так нехорошо. Обращайся к нему просто «вы».

Второй муж матери был добрым, сердечным человеком. Но мальчик не открывался перед ним, потому что не верил ему. «Если человек, без которого я не мог бы родиться, не стал моим отцом, то разве может стать отцом чужой человек?» — думал мальчик, и от этих мыслей ему было тяжело.

Сын заболел. Дни и ночи он лежал в забытьи, и лишь изредка к нему возвращалось сознание. Однажды ночью он почувствовал себя лучше, открыл глаза и увидел перед собой отчима. Мужчина держал в руке его слабенькую ручку и плакал... Мальчик закрыл глаза, ему хотелось, чтобы эти мгновения продолжались вечно. Прошла минута, вторая, третья. Сердце мальчика трепетало от счастья: мужчина ласкает его руку. Он чувствовал: мужчине хочется, чтобы он выздоровел. Мальчик не мог больше лежать с закрытыми глазами, он открыл глаза, улыбнулся и сказал:

— Я буду называть вас Отцом, хорошо?

Прошло несколько лет, и на счастливую семью обрушилось страшное горе: неизлечимый недуг приковал мать к постели. Десять лет она болела, и все эти годы о ней заботились муж и сын. Когда сыну исполнилось 23 года, мать умерла. Сын женился. У него самого уже родился сын. Отчим стал старым, слабым человеком. Сын горячо и преданно любил его. Без него никогда в семье не начинался обед, без его совета не решалось ни одно дело.

И вот однажды, когда семья ужинала, в хату кто-то постучался. Вошел старик.

— Узнаешь меня?

— Нет, не узнаю.

— Я твой отец.

Сын вспомнил все. Он ответил:

— Вот мой Отец... А вы для меня просто старик.

— Но ты мой кровный сын, — взмолился старик. — Приюти меня.

— Хорошо, живите у нас, — сказал сын. — Но я не могу ни любить, ни уважать вас, ни отцом называть.

Так и живут они в большом доме, среди яблонь и вишен.

В тёплые летние дни семья садится за стол в саду. Слышится оживленный разговор, смех. А старик сидит в своей комнате у окна и, склонив седую голову, плачет.

Задумайтесь над этой историей, отцы. Задумайтесь и вы, юноши, собирающиеся вступить в брак. Сила, создающая и укрепляющая семью, — это любовь. Взаимная, верная, честная, преданная любовь отца и детей, матери и детей. Но любовь — это не вдохновение или озарение, приходящие откуда-то извне. Любовь — это огромный труд. «Созидается же семья неустанно трудом любви», — писал великий мыслитель и

художник Ф. М. Достоевский. Труд любви — это и есть сознательное стремление к тому, чтобы в детях утвердить самого себя, продолжить свою внутреннюю духовную красоту. Если вы по-настоящему любите своих детей, если преданы и верны им, ваша любовь к жене с годами не только не ослабевает, но становится более глубокой и единственной. Любовь — нежное, хрупкое, капризное дитя мужества. Продолжать себя в своих детях — это значит быть мужественным в любви.

ОСТАВИТЬ СЕБЯ В ЧЕЛОВЕКЕ

1. Ты пришел в школу 7-летним ребенком. Мать и отец считают тебя маленьким и беззащитным. Ты в самом деле нуждаешься в постоянной опеке, заботе и защите взрослых; без них ты не можешь обойтись в сложном и многостороннем мире. Ты маленький, но не забывай, что через десять лет, окончив школу, ты станешь взрослым. Десять раз опадет листва с этой виноградной ветви, и ты будешь уже не семилетним несмышленышем, а самостоятельным тружеником, воином, завтрашним отцом, а ты, девочка, будешь уже думать о своем родном несмышленыше — сыне или дочери. Для тебя, 7-летнего, эти годы сейчас кажутся невообразимо огромной жизнью — так и должен отражаться мир в сознании ребенка... но для твоего учителя десять лет — не такой уж длительный период... Он знает, что старая липа, ровесница школы, через десять лет совсем не постареет, а ветка виноградной лозы в годы твоей юности будет такой же, как сегодня.

Умей думать о своей взрослости — вот что поможет тебе стать настоящим человеком. Взрослые — мать, отец, учитель — делают из тебя человека, но ты должен помнить, что от твоих усилий, от твоей самостоятельности — и с каждым годом все больше и больше — зависит то, каким человеком ты станешь. Я, твой учитель, говорю тебе эти слова без преувеличения: от того, какова твоя деятельность именно в те годы, когда ты малыш-несмышленыш, зависит, кем ты станешь, как будут развиваться твои способности, что в тебе откроется. Дорожа опекой и заботой со стороны взрослых, благодаря за них, в то же время стремись поскорее избавиться от них. Не бойся взрослого труда и взрослых

трудностей. Вообще, не бойся ничего трудного. Гордись тем, что ты умеешь быть стойким, выносливым и по трудолюбию, настойчивости, сознательности приближаться к взрослым.

Надо ли говорить маленькому ребенку обо всем этом? Многолетний опыт убеждает, что одной из бед школьного и особенно семейного воспитания является взгляд на ребенка как на вечное дитя. Именно забвение того, что сегодняшний ребенок завтра станет взрослым человеком, часто приносит неприятные неожиданности. Воспитание взрослости — целая проблема этической культуры, в которой как бы сливается интеллектуальное, нравственное, творческое становление человека. Это поучение рассчитано не только на 7-летнего ребенка. Его надо повторять из года в год, но речь идет прежде всего об исключительной важности младшего возраста для воспитания творческих способностей.

Этот вопрос нельзя считать узкопсихологическим. От того, какие способности откроются в человеке, какая грань заиграет в нем и будет сиять всю его жизнь, зависит в конечном счете личное счастье человека, а значит, и счастье общества, потому что невозможно представить гармоническое общество, если из детства будут приходить в отрочество, юность и зрелость недоучки, неудачники, ни к чему не способные люди — а они приходят именно из раннего детства, из того возраста, когда малыш еще только готовится к школе и учится первые годы. Проблема становления и развития способностей — это проблема широкого этического плана. Способность развивается в детстве — в этом убеждает многолетний опыт. Научить маленького человека думать о взрослости важно для того, чтобы утвердить в его сознании *взрослость мысли, зрелость духа.*

В мозге каждого психически здорового ребенка заложены возможности для широкого диапазона творческих способностей. Природа закладывает все необходимое для того, чтобы каждый стал творцом. Как расширяется этот диапазон, какие способности откроются в ребенке — это зависит от деятельности в младшем возрасте (конкретно — 2—3 дошкольных года и в первые 2—3 года школьного воспитания). При этом очень большое значение имеет то, как относится сам ребенок к этой деятельности, какие элементы взрослости мысли,

зрелости духа мы, взрослые, сумеем пробудить и утвердить в детском сознании.

Вот почему необходимы этические поучения, побуждающие думать о взрослости.

Человек отличается от всех других высших существ очень большой продолжительностью «дозревания» мозга. Период созревания детского мозга на фоне интенсивной, яркой, насыщенной духовной жизни ребенка выглядит ни с чем не сравнимым чудом — но это уже не чудо природы, а поистине человеческое чудо. Ребенок живет, развивается, радуется и огорчается, смеется и плачет, любит и ненавидит, но он еще как бы по-настоящему не родился — в том смысле, что именно период созревания мозга есть время *наивысшей пластичности,* наибольшей чувствительности не только к внешним условиям, но и к тому, что делается в это время в «не родившемся окончательно» организме, к тому, *как* отражается внешняя среда в мыслях, в видении окружающего мира. В этот период мы имеем дело не просто с ребенком, но с мозгом, в котором закладывается будущее человека — его человеческие способности. То, что мы называем «природными данными», в утробе матери закладывается только как живая материя, бурная же человеческая жизнь начинается только в период наивысшей пластичности созревания мозга.

Мудрость материнского и отцовского воспитания — а педагог является сознательным средоточием этой мудрости — заключается в том, чтобы в период наивысшей пластичности мозга ребенок побуждался к наиболее интенсивной деятельности, отражающейся в мозге.

Ребенок в определенном смысле беспомощен и не может быть без нашей заботы и защиты, но пусть он не думает о своей беспомощности. Наоборот, пусть его поступками движет уверенность в том, что он сильный и что мир вокруг него населен бесчисленным множеством существ, значительно слабее его, которых нужно защищать и опекать. Вот для чего необходимо этическое поучение: ты ребенок, но не забывай, что ты будешь взрослым. Думай о том, что ты не всегда будешь ребенком. Так думать может только человек, для которого любознательность стала сущностью его души. Я вижу задачу исключительной важности в том, чтобы с поступлением в школу деятельность маленького ребенка не превратилась в одностороннюю — исполни-

тельскую. Это страшная угроза для умственного развития. С началом учения, когда в деятельности за партой особенно много однообразного, представляющего собой пассивное запоминание (это необходимо и неизбежно), особенно возрастает роль специальной деятельности, питающей — так можно сказать — лавину любознательности. О познавательной деятельности (уроках мышления) речь уже шла в одном из поучений.

Надо сказать еще о взрослости детского труда в рабочей комнате, на школьном участке, в саду, на школьной животноводческой ферме. Всюду ребенка должно сопровождать чувство настоящего. У нас в школе есть маленькие, но настоящие машины для детей — трактор, автомобиль, мотоцикл, молотилка, косилка, зерноочистительные механизмы. Есть детская электростанция со всеми устройствами, исключающими возможность несчастных случаев. Глубокий смысл поучения: ты ребенок, но не забывай, что ты станешь взрослым, — доходит до сознания ребенка именно благодаря тому, что он убирает урожай хоть и небольшой, но настоящей машиной, обмолачивает пшеницу настоящей молотилкой, управляет настоящим трактором. В эти часы вырабатывается взрослый стиль мышления и взрослый взгляд на мир, с точки зрения нас, взрослых, многое из этой деятельности кажется игрой, для ребенка это вовсе не игра (как и подлинная игра для него не игра).

Коллектив учителей, работающих в начальных классах, стремится к тому, чтобы труд детей был проникнут таким же чувством ответственности, как у взрослых. Уже в годы отрочества человек должен видеть трудовые корни своего детства: дерево, выращенное им из маленького сеянца, должно дать плоды; одно-единственное зернышко, за которым любовно ухаживает ребенок в детстве, пусть превратится в огромный ворох пшеницы.

Творческий, желанный, жизнерадостный труд в годы детства — ничем не заменимый животворный источник мысли, умственного развития. Образно говоря, это и горючее и чистый воздух, без которых угасает огонек любознательности.

2. Высокой человеческой радостью является рождение человека. Знай, что твое появление на свет было большой радостью для матери и отца, и каждый год, когда приходит День твоего Рождения, они с волнением

вспоминают, какими были они, когда родился ты, каким был твой первый крик, какое ты первое слово произнес. Каждый пришедший в мир не только продолжение рода человеческого, но и ни с чем не сравнимое богатство, несущее в себе источник славы, величия, могущества Родины. Рождение человека — это будущее народа, радость отца и матери — крупинки радости всего народа.

От того, как относится ребенок к самому факту рождения новой жизни, к беременной женщине и особенно к своей матери, готовящейся стать роженицей и снова матерью, зависит душевная чистота, нравственная порядочность, моральное целомудрие отношений в детской среде. Формируя благородное отношение к рождению человека, мы воспитываем будущих отца и мать.

Есть на Украине села, где рождение нового человека переживается как общий праздник, и в воспитании такого отношения к этому событию активную роль играет школа.

В хорошей семье у ребенка развита потребность в духовном общении с братом, сестрой. В семье с одним ребенком значительно обедняются условия для гармонического воспитания чувств. Забота о другом человеке начинается с заботы о братике, сестричке. Чувство кровного родства является благоприятной почвой для воспитания и развития отзывчивости, участливости, сердечности, а для старшей сестренки — это и первая школа материнских забот. Появление в семье ребенка, даже ожидание рождения нового человека означает своеобразную ступень нравственного развития детей. С ожидания рождения нового человека в духовной жизни мальчика, девочки начинается период особенно активного выражения своей подлинно человеческой сущности. В индивидуальных беседах и консультациях мы советуем родителям: если вы хотите, чтобы в семье сложились отношения долженствования и любви, уважения и ответственности, — будьте матерью и отцом детей, а не дитяти; пусть у каждого вашего ребенка будут братья или сестры, по крайней мере один брат или сестра. Наиболее счастливо обстоятельства складываются тогда, когда интервал между рождением старшего и младшего ребенка — от 3—4 до 5—6 лет. Рождение новой жизни оставляет в душе ребенка особенно сильное, неизгладимое впечатление при том условии, когда

ребенок еще не взрослый и не подросток, но уже достаточно развит умственно и эмоционально для того, чтобы понять и почувствовать хотя бы в общих чертах смысл человеческих отношений, в которые он вступает в связи с появлением на свет кровно родного существа. Появление на свет младшего — брата или сестры — создает наиболее благоприятные условия для гармонического развития и младшего, и старшего в семье.

И в беседах с маленькими детьми, и в советах матерям и отцам по этим очень тонким вопросам (советы эти возможны лишь в условиях полного взаимного доверия и многолетней работы, которая ведется с семьей) братья или сестры, по крайней мере один брат или сестра готовились к появлению нового человека как к великому торжеству жизни и сами переживали это событие как нравственное обновление, возвышение — в том смысле, чтобы они чувствовали: передо мной теперь будут новые моральные требования, я теперь уже не только сын, но и брат. Если школа поможет родителям, подскажет, что можно и чего не надо говорить ребенку, как отвечать на его вопросы, — это событие войдет в его духовную жизнь как акт великой нравственной чистоты; не будет прикосновений к неприкосновенному, сохранится романтический ореол тайны рождения и материнства. Родителей и учителей часто волнует вопрос: как объяснить детям тайну их рождения? Одни считают, что надо говорить об аисте, другие уверены, что будет лучше, если ребенку рассказать всю или почти всю правду, третьи находят наиболее целесообразным ответ: ты еще маленький, подрастешь — узнаешь. Все-таки вариант с аистом в нравственном отношении наиболее подходящий, потому что это — художественный образ, в котором выражается народная мудрость и поэзия, заботливое отношение к сокровенному в нашем бытии и к чуткой душе ребенка. Расскажите ребенку о прекрасном, добром Аисте, и он поймет ее именно как сказку, поверит в нее так, как верят дети в сказку. В сокровенном и неприкосновенном должны быть недомолвки — иначе человек прото перестанет быть человеком, должно быть поэтическое мышление — иначе мы опустимся до грубости и примитивизма. Тот, кто с появлением в семье нового живого существа обретает волнующее чувство братства, пусть находит удовлетворение своей любознательности в чистой романтической сказ-

ке — в этом нет никакой опасности, наоборот — только таким путем можно воспитать целомудрие.

Специально для маленьких детей — дошкольников и младших школьников — я придумал сказку о рождении человека. Вот эта сказка:

— Ты спрашиваешь, Оленька, где взялся твой братик, откуда он пришел к вам, почему твоя мама стала и его мамой, ты стала его сестрой, а он стал твоим братом? Слушайте, дети, я расскажу вам самую правдивую в мире сказку. Смотрите, алеет небо на востоке. Скоро взойдет Солнце. Там, далеко-далеко, где Солнышко ночью отдыхает, у него есть прекрасное Маковое Поле. Вот сейчас Солнце приближается к своему Маковому Полю. Алые Маки цветут там вечно, в долине журчит прозрачный ручей. Каждой матери, и твоей маме, Оленька, Солнышко дарит на своем Поле Маковый Куст. Когда матери хочется сына или дочь, она мечтает: какое у меня будет дитя? И вот по ее мечте под Маковым Кустом и рождается сын или дочь. Рождается новый человек — из материнской мечты и из золотых лучей Солнца. Лежит маленькое дитя на алых маковых лепестках, протягивает ручки, улыбается — ему хочется к груди материнской. В эту минуту на Маковое Поле прилетает Аист — птица с серебряными крыльями и изумрудными глазами. Берет Аист дитя и приносит матери. Это ее родное дитя, она взлелеяла его в своей мечте. Солнышко создало тебя, Оленька, такой, как маме твоей мечталось. А птица чудесная — Аист с серебряными крыльями летит снова к Маковому Полю, потому что много в мире матерей, и у каждой своя мечта...

От материнской и отцовской мудрости зависит поддерживать в ребенке бережное, заботливое, восторженное отношение к новой жизни — даже тогда, когда она еще и не появилась.

3. Человек рождается не для того, чтобы бесследно исчезнуть никому не известной пылинкой. Человек рождается для того, чтобы оставить по себе след вечный.

Человек оставляет себя прежде всего в человеке. В этом наше бессмертие. В этом высшее счастье и смысл жизни. Если ты хочешь остаться в сердце человеческом — воспитай своих детей. Воспитание человека — важнейший общественный долг.

От того, насколько отчетливо видит человек в отцовстве и материнстве высший смысл своего бытия, зависит его нравственный облик. Наша важная воспитательная миссия заключается в том, чтобы человек, которого мы творим, отвечал не только за каждый шаг своего сегодняшнего поведения, но и за будущее, а будущее — это ум, чувства, убеждения живого человека, корни которого закладываются в настоящем.

В день совершеннолетия девушек, когда им исполняется шестнадцать лет и каждая из них может стать матерью, я рассказываю им украинскую легенду «Кто самый искусный мастер на земле».

Вы вступаете в жизнь, юноши и девушки. Перед вами солнце вашего пленительного дня — оно только поднялось над горизонтом, его путь еще впереди. Вам пахать землю и строить дома, возводить мосты и пасти скот, радоваться прилету птиц из теплого края и тревожиться о судьбе нежной былинки — зеленого ростка пшеницы, идти в далекие походы и стрелять по врагу, если он вздумает нарушить священные рубежи нашей Родины. Во всем этом вы оставите какую-то крупицу своей души, разума, таланта. Но полностью переложить свою душу можно только в человека. Не забывайте, что вам быть отцами и матерями. В отцовстве и материнстве — самая сложная трудовая мудрость. Это труд, труд и еще тысячу раз труд. Вам с замиранием сердца придется слушать крик новорожденного сына, отец, — я обращаюсь сейчас к вам как к будущим отцам. Вам придется в болях и муках рожать сыновей и дочерей, мать, — я обращаюсь к вам как в будущим матерям. Собираясь в далекий жизненный путь, помните, что вам надо взять с собой как можно больше богатств из отрочества и юности — эти богатства нужны вам для создания Человека.

Есть народная сказка о Человеке-Пустоцвете. Любил этот человек петь, веселиться, не мог он долго задерживаться на одном месте — все время переезжал с зеленой нивы в цветущий луг, с цветущего луга в тенистую рощу. И вот родился у него сын. Повесил Человек-Пустоцвет колыбельку на дубовую ветку и сидит, поет. А сын не по дням, а по часам растет. Выпрыгнул из колыбельки, подошел к отцу и говорит:

— Отец, покажите мне, что вы сделали собственными руками?

Удивился отец таким мудрым речам сына, улыбнулся. Подумал, что же показать сыну? Ждет сын, а отец молчит и петь перестал. Смотрит сын на высокий дуб и спрашивает:

— Может быть, это вы посадили дуб?

Склонил голову отец, молчит.

Повел сын отца в поле, смотрит на полный колос пшеницы, спрашивает:

— Может быть, это вы вырастили колос?

Еще ниже склонил отец голову, молчит.

Пришли сын с отцом к глубокому пруду, смотрит сын на синее небо, отразившееся в воде, и говорит:

— Отец, скажите мудрое слово...

А Человек-Пустоцвет не только руками ничего не может де-

лать, но и слова мудрого сказать не умеет. Еще ниже склонил голову и молчит... Так и превратился он в траву-пустоцвет. Цветет она с весны до осени, а ни плодов, ни семени не дает.

Как величайшего горя, бойтесь, юноши и девушки, войти в жизнь пустоцветом. Вам стыдно будет перед сыном, перед дочерью, перед людьми за бесследно прожитую жизнь.

4. Оставить себя в человеке — это значит не только в буквальном смысле родить сына. Человеческий дух тем и отличается от существования животного, что, продолжая род свой, мы оставляем в человеке свою красоту, идеалы, преданность высокому и возвышенному. Чем глубже вы, юноша и девушка, сумели отразить, запечатлеть себя в человеке, тем богаче вы как граждане и тем счастливее ваша личная жизнь. Единство гражданского и личного сливается и запечатлевается в вашем ребенке, потому что он — ваше личное счастье и в то же время надежда народа; слово Отечество — самое прекрасное в нашем языке, слово не только потому, что оно отражает величественную гражданскую, всенародную сущность, но и потому, что оно уходит своими корнями в глубоко личное.

Каждому поколению юношей и девушек я рассказываю быль, которая глубоко потрясла меня как воспитателя.

В маленькой больнице на окраине большого города лежали две матери — Чернокосая и Белокосая. Они родили сыновей. Сыновья родились в один день: у Чернокосой матери — утром, у Белокосой — вечером. Обе матери были счастливы. Они мечтали о будущем своих сыновей

— Я хочу, чтобы мой сын стал выдающимся человеком, — говорила Белокосая мать. — Музыкантом или писателем, известным всему миру. Или скульптором, создавшим произведение искусства, которое будет жить века. Или инженером, построившим космический корабль, который полетит к далекой звезде... Вот для чего хочется жить...

— А я хочу, чтобы мой сын стал добрым человеком, — сказала Чернокосая мать. — Чтобы никогда не забывал матери и родного дома. Чтобы любил Родину и ненавидел врагов.

Каждый день к молодым матерям приходили в гости отцы. Они долго смотрели на маленькие личики своих сыновей, в глазах у них сияло счастье, изумление и умиление. Потом они сидели у кроватей своих жен и долго-долго о чем-то шепотом говорили с ними. У колыбели новорожденного мечтают о будущем — конечно, только о счастливом Через неделю счастливые мужья, ставшие теперь отцами, увезли домой жен и сыновей.

Прошло тридцать лет В ту же маленькую больницу на окра-

не большого города пришли две женщины — Чернокосая и Белокосая. В их косах уже серебрилась седина, лица были изрезаны морщинами, но женщины были такими же красивыми, как и тридцать лет назад. Они узнали друг друга. Их обеих положили лечиться в ту же палату, где три десятилетия назад они родили сыновей. Они рассказывали о своей жизни. У обеих было много радостей и еще больше горя. Мужья их погибли на фронте. Но почему-то, рассказывая о своей жизни, они молчали о сыновьях. Наконец Чернокосая мать спросила:

— Кем же стал твой сын?

— Выдающимся музыкантом, — с гордостью ответила Белокосая мать. — Он сейчас дирижирует оркестром, который выступает в самом большом театре нашего города. Он пользуется огромным успехом. Неужели ты не знаешь моего сына? — И Белокосая мать назвала имя музыканта. Да, конечно, Чернокосая мать хорошо знала это имя, оно было известно многим. Недавно она читала о большом успехе этого музыканта за рубежом.

— А твой сын кем стал? — спросила Белокосая.

— Хлеборобом. Ну, чтобы тебе понятнее было — механизатором в колхозе, то есть и трактористом, и комбайнером, и на животноводческой ферме приходится работать. С ранней весны до поздней осени, пока снег укроет землю, сын мой пашет землю и сеет хлеб, убирает урожай и снова пашет землю, сеет и снова убирает.. Живем мы в селе — километров сто отсюда. У сына двое детей — мальчик трех лет и девочка недавно родилась...

— Все-таки счастье тебя обошло, — сказала Белокосая. — Твой сын стал простым, никому не известным человеком.

Чернокосая мать ничего не ответила.

И дня не прошло, а к Чернокосой матери приехал из села сын. В белом халате он сел на белую скамейку, долго-долго о чем-то шептался с матерью. В глазах Чернокосой матери светилась радость. Она, казалось, в эти мгновения забыла обо всем на свете. Она держала в своих руках сильную, загоревшую на солнце руку сына и улыбалась. Расставаясь с матерью, сын, как бы извиняясь, выложил из сумки на маленький столик виноградные гроздья, мед, масло. «Поправляйтесь, мама», — сказал он на прощание и поцеловал ее

А к Белокосой матери никто не пришел. Вечером, когда в комнате воцарилась тишина и Чернокосая мать, лежа в постели, тихо улыбалась своим мыслям, Белокосая сказала:

— У сына сейчас концерт... Если бы не концерт, он, конечно, пришел бы..

На второй день перед вечером к Чернокосой матери снова приехал сын-хлебороб из далекого села. Опять он долго сидел на белой скамейке, и Белокосая мать услышала, что в поле сейчас горячая пора, работают они день и ночь... Расставаясь с матерью, сын выложил на маленький столик пчелиные соты, белую паляницу и яблоки. От счастья лицо у Чернокосой женщины светилось и морщины расправились.

К Белокосой матери никто не приходил.

Вечером женщины лежали молча. Чернокосая улыбалась, а Белокосая тихо вздыхала, боясь, чтобы ее вздохи не услышала соседка.

В третий день, перед вечером, к Чернокосой матери снова приехал сын-хлебороб из далекого села — привез два больших арбу-

за, виноград, яблоки... Вместе с сыном приехал трехлетний черноглазый внук. Сын и внук долго сидели у постели Чернокосой матери; в ее глазах сияло счастье, она помолодела. Белокосая мать с с болью в сердце услышала, как внук рассказывал бабушке: вместе с папой он вчера полдня ездил на «капитанском мостике» комбайна «Я тоже буду комбайнером», — сказал мальчик, и бабушка поцеловала его.. Белокосая мать в эти мгновения припомнила, что ее сын, выдающийся музыкант, отправляясь в длительные поездки, сдавал, как говорили в семье, маленького сына в какой-то интернат...

Месяц лежали в больнице две матери, ежедневно приезжал к Чернокосой матери сын-хлебороб из далекого села, привозил улыбку сыновнюю, и, казалось, мать только от той улыбки выздоравливает. Казалось Белокосой матери, что, когда к ее соседке приезжал сын, даже больничным стенам хотелось, чтобы мать сына-хлебороба скорее выздоровела.

К Белокосой матери так никто н не пришел. Прошел месяц. Врачи сказали Чернокосой матери: «Теперь вы совершенно здоровая женщина. В сердце нет ни шумов, ни перебоев». А Белокосой матери врач сказал: «Вам еще надо полежать. Конечно, вы тоже станете совершенно здоровым человеком». Говоря это, врач смотрел почему-то в сторону.

За Чернокосой матерью приехал сын. Он привез несколько больших букетов красных роз. Цветы подарил врачам и сестрам. Все в больнице улыбались.

Прощаясь с Чернокосой матерью, Белокосая попросила ее остаться с ней на несколько минут наедине. Когда из палаты все вышли, Белокосая мать со слезами на глазах спросила:

— Скажи, дорогая, как ты воспитала такого сына? Ведь мы родили их в один день. Ты счастлива, а я... — и она заплакала.

— Мы расстаемся и никогда больше не увидимся, — сказала Чернокосая, — потому что не может быть в третий раз такого чудесного совпадения. Поэтому я скажу тебе всю правду. Сын, которого я родила в тот счастливый день, умер... Умер, когда ему и года не исполнилось. А это... не кровный сын мой, но родной! Я усыновила его трехлетним мальчиком. Он, конечно, смутно помнит это... Но я для него — родная мать. Ты это видела своими глазами. Я счастлива. А ты несчастный человек, и я глубоко сочувствую тебе. Если бы ты знала, как я страдала в эти дни за тебя. Уже хотела было уйти из больницы, ведь каждый приезд моего сына приносил тебе тяжелые переживания. Выйдешь из больницы, пойди к сыну и скажи: его бездушие повернется против него. Как он относится к матери, так и его дети будут относиться к нему. Равнодушие к отцу-матери не прощается.

Патриотизм начинается с колыбели. Не может быть настоящим сыном своего Отечества тот, кто не стал истинным сыном матери и отца.

Через духовную жизнь отрочества и юношеского коллектива красной нитью должна проходить мысль и забота: у каждого из нас будут дети; не так трудно любить, ласкать их, пробудить у них мысль о том, что он, сын мой, дорог мне... но неизмеримо труднее утвердить

в его душе чувство ответственности передо мною за каждый свой шаг, чувство верности и приверженности мне как живому воплощению того, что уже прожито, пройдено, запечатлено в памяти. Каждому поколению юношей и девушек, идущих в самостоятельную жизнь, я напоминаю о том, что они отвечают перед обществом, перед народом за то, *какие* у них будут дети.

Отец и мать, вырастившие верного сына Отечества, создают себе живой и нетленный памятник. Если же сын ваш станет изменником Родины, народа, — и такое бывает, и такие суровые слова надо говорить будущим матерям и отцам, — вы достойны презрения и великого забвения. Измена, предательство — самое страшное, самое гнусное преступление. Помните, будущие матери и отцы, что презренное семя измены и предательства — эгоизм, себялюбие, «жизнь в собственное брюхо», по мудрому выражению Ф. М. Достоевского. Верность великому и священному начинается с того, что почувствовал ваш сын, прикасаясь к отцовскому хлебу, какие мысли взволновали его душу, когда он увидел мать, отца, пришедших с работы уставшими и нуждающимися в заботе и покое, как забилось в груди вашего сына сердце в те мгновенья, когда он понял, что его нерадивость или беззаботность — отцовское горе.

Перед выпускным вечером мы вместе с юношами и девушками, которым предстоит получить аттестат, едем в лес. Там, среди цветущей природы, происходит одна из самых задушевных наших бесед. Я мысленно называю эту беседу одним из последних наставлений будущим отцами и матерям. Для нее я подбираю слова, которые прикоснулись бы к сокровенным уголкам гражданской совести.

Помните, говорю я юношам и девушкам, что высшая честь человека — *дать* обществу настоящего гражданина; если вы сумеете *дать*, вы *получите* большое отцовское и материнское счастье.

Каждый человек *ответствен*. Каждый человек должен. Есть ответственность за труд, за поведение, за любовь и ненависть, за слово, которое ты произносишь... Но самая высокая и благородная, самая трудная и неумолимая ответственность — это ответственность отца за сына. Высшим судьей в этом долге и в этой ответственности является народ, Отечество и собственная

наша совесть. Каждый из вас, юноши и девушки, будет хлеборобом или врачом, слесарем или инженером, каменщиком или учителем, но каждому из вас быть также отцом и матерью.

Юное сердце бьется учащенно и дыхание замирает в груди, когда юноша встречается глазами с взглядом девушки, каждое ваше прикосновение друг к другу порождает трудно постижимую волну чувств, надежд, мечтаний. Вы живете мечтой о счастье; старшие поколения передают вам бесценное богатство, имя которому — Родина, социалистический строй, свободный труд. Но это богатство становится счастьем лишь тогда, когда оно наполняется трепетным биением человеческих сердец. Все дается и передается вам старшими поколениями, но творить человека никто за вас не будет. Это ваш труд. Мир как бы вновь рождается с рождением каждого человека. За то, каким станет его мир, отвечаете вы.

5. У твоего товарища родился брат или родилась сестра — поздравь его со счастьем. Поздравление с рождением человека — один из признаков человеческой культуры.

Для каждого человека День его Рождения — самый счастливый в его жизни. Если никто не поздравил его с Днем Рождения, даже не напомнил ему об этом, — этот человек одинок и несчастен. Ты должен знать и всю жизнь помнить День Рождения матери, отца, дедушки, братьев, сестер. Счастье семьи заключается в том, что мы отдаем друг другу теплоту своих сердец. Сколько человек в семье — столько и Дней Рождения.

В День Рождения дорогого для тебя человека встань раньше обычного. Приди к имениннику и скажи ему: «Поздравляю с Днем Рождения. Желаю вам от всего сердца доброго здоровья и счастья, сильного духа и ясной мысли». Если поздравляешь маленьких своих брата или сестру — порадуй их, напомнив, сколько лет исполнилось сегодня имениннику. В детстве годы прибавляются с восторгом, в отрочестве — с радостью, в ранней юности — с волнением и тревогой, в зрелости — с грустью, в старости — с печалью. Не надо считать, сколько лет исполнилось отцу или матери, бабушке или дедушке. Не напоминай, сколько лет твоей старшей се-

стре-имениннице, особенно если ей уже больше двадцати. Девушке, женщине всегда хочется быть молодой — это право той половины рода человеческого, в которой с наибольшей силой и выразительностью видим мы сами свою красоту. Красота должна быть неувядаемой; годы творят, но годы же и разрушают красоту. Время необратимо, как необратимо прожитое и пережитое. Счастье человеческое не в том, что прошел еще год, а в том, что он нам принес. Поздравление с Днем Рождения требует большого такта и душевной тонкости. В том, как ты поздравил, о чем сумел вспомнить и о чем подумать, о чем сказать и о чем умолчать, выражается твоя культура. Поздравляя, не надо говорить: «Желаю многих лет жизни...» Ребенку, подростку эти слова ничего не скажут, потому что для понимания и переживания этих слов необходима большая жизненная мудрость; отцу и матери они лишний раз напомнят, что придет время уходить в небытие, для дедушки и бабушки они прозвучат иронией, потому что годы их жизни уже прошли...

В День Рождения преподнеси подарок дорогому для тебя человеку. Подарок на День Рождения — это вещественное выражение твоей культуры, символ, память сердца. Умей сделать или купить подарок. Самый дорогой подарок для дорогого тебе человека — что-нибудь сделанное твоими руками, например цветы, которые ты сам вырастил. Хороший подарок — рисунок, стихотворение или маленький альбом, даже обычная тетрадь, в которой твои рисунки или стихи. Не умеешь писать стихи — напиши маленький рассказ о том, что запомнилось тебе на всю жизнь. Матери-имениннице напиши свое воспоминание: какой она запомнилась на самой первой страничке твоей памяти. Бестактно просить у матери или отца деньги, чтобы купить им подарок в День Рождения. Если сам не умеешь сделать ничего своими руками или поленился — ну что же, сумей отчитаться перед своей совестью, купи подарок, заставив себя отказаться от самого необходимого. Не думай о покупке дорогих и громоздких вещей. Пусть будет мал золотник, да дорог. Ценность подарка на День Рождения — нравственная ценность, она измеряется не стоимостью вещи, а теми силами души, которые ты вложил, готовясь принести радость.

Особенно дорого поздравление с Днем Рождения

для твоих Дедушки и Бабушки. Забыть об их Дне Рождения — значит быть моральным невеждой.

Не забудь о Дне Рождения своего старого учителя, особенно если он одинок.

День Рождения — семейное торжество. Это праздник родных и близких, а не всего коллектива (общественность отмечает только День Рождения людей, удостоившихся этой чести своими заслугами перед обществом, да и об их юбилее люди узнают, когда человеку исполняется 50 лет, не раньше). Отмечать торжественно в коллективе День Рождения раньше этого возраста или если человек не удостоился признания общества — нескромно. Семья, как правило, только семья должна отмечать торжественно День Рождения взрослого человека.

Не надо отмечать торжественно День Рождения каждого школьника и в большом коллективе школы-интерната, как это, к сожалению, нередко делается: собирают в большом зале всех воспитанников, сажают на почетное место всех родившихся в истекшем месяце и поздравляют... С воспитательной точки зрения такой День Рождения калечит юную душу: маленький человек с детства привыкает делать значительные вещи только для отбывательства. День Рождения — это Праздник Родственных Сердец! Нельзя забывать об этом. Юбилей уважаемого обществом человека отмечают в клубе, произносятся торжественные речи, но потом все равно собираются родные и самые близкие — без этого не мыслится Праздник Дня Рождения. Праздник Родственных Сердец лишь тогда становится тем, чем он должен быть, когда в нем участвуют люди, которые приобрели моральное право прикасаться к сокровенным уголкам твоего сердца.

Детей надо учить поздравлять, учить дарить, но слова воспитателя доходят до детского сердца лишь тогда, когда ребенок учится чувствовать. В жизни бывают обстоятельства, события, явления, когда перед детьми открывается грань человеческих отношений, наполняющая каждое слово воспитателя, отца, матери глубоким смыслом. Обычное слово вдруг открывается перед ним неведомым, чудесным оттенком, затрагивающим сокровенный личный мир.

Урок во втором классе. Учительница видит: Галя,

жизнерадостная, душевно щедрая, отзывчивая девочка, поднимает руку.

— Что ты хочешь сказать, Галя? — спрашивает учитель.

— У Марийки братик родился, — говорит Галя и счастливо улыбается, как будто братик родился у нее. Марийка — ее подруга. Они рядом сидят на предпоследней парте у окна. Тридцать пар глаз с интересом посмотрели на Марийку. Девочка покраснела от смущения. Бывают чувства, которые переживаются единственный раз в жизни. Мы, взрослые, не отдаем себе отчета, что чувствует 7-летний ребенок, изумленный тем, что у него появился брат или сестра, еще до конца не постигший этой истины, но возвышенный, одухотворенный самим положением своим, новыми отношениями, в которые поставило его это положение. Если бы мы могли глубоко проникнуть в мир мыслей и чувств, всколыхнувших ребячью душу в день появления на свет кровно родного и безмерно дорогого существа — дорогого потому, что его породила единственная в мире мать (он верит в Сказку о Маковом Поле, но чувствует, что эта сказка — красивое облачение тайны человеческого, материнского рождения), — мы бы испытывали двойное уважение к тем, кто сегодня стал братом, сестрой. Наша высокая миссия заключается в том, чтобы и человек, ставший братом, сестрой, в новом своем положении уважал себя несравненно больше, чем вчера, когда у него не было ни брата, ни сестры.

— У Марийки братик... У Марийки братик... — шепотом разнеслось по классу. Улыбнулся учитель, улыбались дети.

— Как это хорошо! — сказал учитель, подошел к Марийке и поцеловал ее. — Поздравляем Марийкину маму и Марийкиного папу с сыном, а тебя, Марийка, поздравляем с братом.

Галя тоже обняла и поцеловала Марийку...

— А что это значит — *поздравляем?* — спросил Микола. В его словах прозвучала задумчивость. Дети еще не могли объяснить тонкие оттенки слов... и если бы они умели выражать словами свои чувства, они бы сказали: Микола хорошо знает, что такое *поздравляем*, а спрашивает он для того, чтобы рассеять какие-то свои сомнения, вот он и вздохнул почему-то, задав свой вопрос.

В классе стало тихо-тихо. Все ожидали, что же ответит учитель,

— Это значит, что у мамы и тата Марийкиных большое счастье. Родился человек. Он принес счастье многим людям:

у Марийкиной мамы родился сын;

у Марийкиного папы родился сын;

у Марийки родился брат;

у Марийкиного дедушки родился внук;

еще у одного Марийкиного дедушки родился внук;

у Марийкиной бабушки родился внук;

еще у одной Марийкиной бабушки родился внук;

у Марийкиной тети родился племянник;

у Марийкиного дяди родился племянник;

у двоюродного брата Марийки родился двоюродный брат;

у нас родился новый друг.

Вот сколько людей стали счастливыми.

Вот почему мы поздравляем.

С рождением человека рождается будущее. Он, Марийкин брат, самый молодой среди нас. Вы, мальчики, станете советскими воинами, защитниками Родины, а он еще только придет в школу и научится писать слово *мама*. Вы будете стоять ночью на границе и защищать его колыбель. Он будет счастливо улыбаться во сне — потому что вы будете зорко охранять границу. Отечество наше сильное, непобедимое; радостно поздравляя каждую мать с рождением нового сына и нового гражданина, оно, великое наше Отечество, надеется, что пришел в мир настоящий человек. Мы еще не знаем, кем станет брат Марийки; у него нет еще имени. Через несколько дней в школу придут мама и папа Марийки — из Шкатулки имен нашего народа они выберут имя своему сыну... Кем бы он ни стал — пахарем земли своих предков или космонавтом, каменщиком или пастухом, садоводом или токарем, мама вложит в него все лучшие силы своего духа и добьется того, что он станет верным сыном Отечества. Вот почему мы *поздравляем*.

Так надо учить детей чувствовать. В этом искреннем обращении учителя к детскому разуму и чувству каждое слово открыло свою тончайшую грань, потому что учитель и дети, образно говоря, с одной точки увидели мир, пережили одно и то же изумление и восхищение величием, неповторимостью мгновения.

ТРУД И ДОЛГ

ВОСПИТАНИЕ ДОЛГА

Они жили рядом в старинном приднепровском селе, две красавицы — Татьяна и Наталья. В один и тот же день вышли замуж, на одной неделе родились сыновья — Юрий у Татьяны и Виктор у Натальи. В грозный июнь сорок первого года проводили женщины на фронт мужей и остались солдатками с 14-летними сыновьями. Сыновья были рослые, сильные: казалось, им не по 14 лет, а по 16.

На берега седого Днепра пришли немцы, потянулись черные дни фашистской оккупации. Через год оккупанты стали отправлять молодежь на каторжные работы в Германию. Юрий и Виктор еще больше поднялись, стали крепкими, широкоплечими парнями. Посоветовали добрые люди матерям: спрячьте сыновей куда-нибудь подальше, не то придут полицейские с жандармами, заберут и увезут на проклятую немецкую каторгу. Знали Юрий и Виктор затерявшийся среди днепровских плавней зеленый островок с густыми зарослями деревьев и древней, наверное, еще с запорожских времен пещерой в сухой каменистой почве Там и спрятались они от фашистов и их прислужников.

Больше года жили подростки в пещере, а когда родное село освободила Советская Армия, возвратились домой. На одной неделе пришли Татьяне и Наталье похоронные — погибли мужья под Сталинградом.

В ненастный ноябрьский вечер ушел из дому Юрий, оставив матери записку: «Мама, дорогая, прости меня... Но я не могу сидеть дома. Иду в Красную Армию. Отомщу за отца». Поплакала Татьяна и стала ожидать писем от сына.

А Виктор жил в материнской хате еще год — не пришло время призываться в армию. Когда, наконец, подошел день призыва, исчез парень, словно в воду канул. Говорила Наталья соседям и работникам райвоенкомата: наверно, сам ушел с какой-нибудь проходящей воинской частью. Почти в то же время, когда исчез Виктор, пришла Татьяне похоронная на сына: пал Юрий смертью храбрых в Карпатских горах. Вслед за похоронкой пришли боевые награды сына — четыре медали и орден Красной Звезды. Горе сломило мать: за неделю поседела Татьяна, слегла в постель и долго болела.

Тем временем приближались радостные майские дни сорок пятого года. В один теплый апрельский день пришла Наталья в сельский Совет и заявила, что сын ее скрывается от призыва в армию, прячется в пещере на пустынном островке. «Уговаривала я его, просила, плакала — ничего не помогает, — говорила Наталья. — Жизнь моя стала мучением». Нашли Виктора, судили, но не узнала мать приговора: покончила жизнь самоубийством. В дни радостных побед наш народ умеет быть великодушным: по амнистии Виктор был освобожден из заключения, три года служил в строительном батальоне, возвратился домой.

В каждой семье было свое горе, и о преступлении Виктора мало кто вспоминал. Молодой человек женился, закончил курсы механизаторов, стал трактористом. И сейчас работает он в старинном приднепровском селе, две его дочери вышли замуж, сын пошел недавно на службу, и в школу двое маленьких ходят. Но живет в народе глухая молва: бессердечный, бездушный он человек. Отдал дочерей замуж, и ни к ним в гости никогда не ходит, ни их к себе не приглашает — это в селе считается тяжелым нравственным пороком. Да еще товарищи по работе говорят: то, что требуется выполнить как норму, Виктор сделает, но если надо, бывает, иногда помочь товарищам, поработать для общего дела — он «как стена каменная» — так сказал о нем бригадир механизаторов.

Две человеческие судьбы: Юрий и Виктор. Учились в одной и той же школе, вместе поступали в пионеры, сидели за одной партой. Почему же столь различны их судьбы? Честная, открытая жизнь одного и мрачная, волчья жизнь другого — да, именно так, волчьей жизнью назвал это как будто бы серое и ничем не примечательное бытие старый сельский философ, 80-летний сторож дед Микола.

Для чего я рассказал об этом? Проходит год за годом, десятилетие за десятилетием, в мою жизнь входят судьбы сотен людей — ярких, самобытных, не похожих друг на друга. Малыши, на моих глазах научившиеся произносить первое, самое дорогое для детей всего мира слово *мама*, а потом написавшие это слово в тетрадке и с изумлением как бы посмотревшие на себя со стороны — неужели это сделал я? — малыши эти стали черноусыми отцами, привели в школу своих малышей, «все началось сначала».

В жизненном круговороте рождаются неповторимые человеческие миры, общество с каждым поколением ставит перед нами, воспитателями, новые требования и вместе с тем задает труднейшие загадки. Всматриваясь ежегодно в глаза юношей и девушек, которых мы вместе с родителями провожаем в самостоятельную дорогу трудовой жизни, я каждый раз не могу спокойно думать об одном и том же: что же самое главное в человеке, которого мы творим? В ту короткую июньскую ночь, когда юноши и девушки от заката и до восхода солнца радуются, веселятся, когда вместе с ними мы выходим в поле встречать первое солнце их новой, уже не школьной жизни, в мое сердце стучатся, не дают покоя мучительные вопросы: где, в чем человеческая сердцевина? Как ее создать? Как утвердить в почве главный, столбовой корень человеческой личности? Где то зерно, от которого произрастает могучая поросль человеческой красоты, красоты нового советского человека?

В эту самую короткую июньскую ночь перед мной проходят человеческие судьбы. Я вдумываюсь в жизнь Юрия и Виктора, перелистываю страницы их детства, сравниваю то, что было тридцать, сорок лет назад, с тем, что есть в жизни сегодня. И чем ярче предстают перед мной живые люди с тысячами тончайших их отношений, тем более неумолимыми становятся вопросы, стучащие в сердце. Какими вы гражданами станете, дорогие наши питомцы? Что будет для вас в жизни святым и нерушимым? Какие человеческие черты оставите в своих детях и внуках, на сколько ступенек поднимете себя как частицу народа в своем нравственном развитии?

Чем больше человеческих судеб входит в мою жизнь, чем глубже раскрываются тончайшие нити отношений человека к святыням Отечества, отношений человека к человеку, тем больше я убеждаюсь, что сердцевиной человека, его столбовым корнем, от которого все зависит и все начинается, является *долг,* осознание и переживание человеческой личностью своей обязанности перед социалистическим Отечеством, перед памятью и нравственными ценностями народа, перед другим человеком — его судьбой, радостями, счастьем, жизнью, рождением и смертью. Долг — это нравственное средоточие, моральная сердцевина, от которой зависит то, чего мы ждем от нашего питомца, — гражданская верность коммунистическим идеалам; умение подчинить свое личное общественному, сделать личную свою жизнь красивой именно в служении обществу; непримиримость к врагу и готовность положить свою жизнь во имя чести, величия, славы Родины; готовность и умение делать добро людям.

Воспитание долга — средоточие коммунистического воспитания. Наша цель — человек высокого долга. Только человеку высокого долга доступно подлинно человеческое счастье, только верность высоким идеалам возвышает личность, дает счастье, обогащает внутренний, духовный мир.

По крупинке, по тончайшей грани человеческих отношений я стремился найти ответ на вопрос: почему два подростка — Юрий и Виктор, — сформировавшиеся как будто бы в совершенно одинаковых условиях, стали абсолютно разными людьми — один героем, другой трусом и предателем? В многогранных человеческих отноше-

ниях, составляющих самую сущность нашей жизни, нашего социального и нравственного прогресса, столкновения людей высоких духовных порывов с такими вот душонками, как Виктор, — эти столкновения представляют собой острую идеологическую борьбу, борьбу с силами старого мира на самом трудном поле — в человеческих сердцах, борьбу за душу нового человека.

Да, с первого взгляда Виктор и Юрий жили и воспитывались как будто бы одинаково. Но большое начинается с маленького; столбовой корень сначала, в детстве, бывает тончайшим волоском. В одной из наших задушевных бесед упомянутый сельский философ дед Микола помог мне увидеть этот тончайший волосок. Он сказал: «У Виктора сердце было глухое... Глаза видели, но сердце не видело... *Жил человек сам по себе.* А у Юрия с детства сердце было открытое. Болело сердце у него в детстве за других людей — вот в чем красота человеческая...» Эта мысль стала для меня тем ярким лучом народной педагогики, который, осветив полузабытое, многое объяснил и многое поставил на свое место.

Вспомнилось и нашло свое объяснение и такое, например. Однажды у Виктора заболела мать. А сыну надо было ехать в пионерский лагерь. От мальчика скрыли болезнь матери. Наталья сама сказала: «Зачем бередить детское сердце? Пусть душа детская ничем не омрачается...» Рядом с семьей Виктора жили одинокие, бездетные старики. Витя часто бегал к ним, дедушка и бабушка угощали мальчика сладкими орехами. Когда же дедушка заболел, мать запретила сыну видеться со стариком, повторяя: «Пусть душа детская ничем не омрачается...»

Вот что значит — *жил человек сам по себе...* В детстве его ограждали от душевных переживаний, оберегали от сильных чувств. В его душу не вошел человек — с радостями и горестями, тревогами и страданиями.

Совсем по-другому жил в детстве Юрий. Его сердце было широко открытым перед человеческими переживаниями. Где-то на соседнем хуторе, в девяти километрах от села, жили дедушка и бабушка — родители матери. Мальчик носил им первый весенний мед, первые созревшие в саду яблоки, первые орехи. Жизнь Юрия в детстве была наполнена радостями, тревогами, волнениями, заботами. Щедро даря сыну теплоту своего сердца, Татьяна мудрым материнским чутьем угадывала, что самой большой радостью, самым глубоким счастьем для человека является отдача своих душевных сил другому человеку. Мир радостей входил в сердце мальчика благодаря заботам о матери, о дедушке и бабушке. Сердце ребенка стало очень чутким к человеку. Когда отец прочитал од-

нажды в газете о зверствах фашистов на испанской земле, мальчик целую ночь не спал, плакал, еле под утро успокоили его. Мне стало понятнее, что такое тонкая, впечатлительная душа, к каким последствиям приводит *глухота* сердца.

На моих глазах рождались, произносили первое слово, становились на ноги, с удивлением и изумлением познавали мир люди, и, прислушиваясь то к беззаботному детскому лепету, то к первым тревожным раздумьям человеческим о добре и зле, чести и бесчестии, справедливости и несправедливости, я все больше убеждался: как только человек осмыслил свое бытие, выделил себя из окружающего мира, в его становлении, в том, *каким* человеком он станет, какого гражданина получит Отечество, какого мужа получит жена, какого отца суждено иметь детям, — решающее значение во всем этом имеет гармония желаний, с одной стороны, и долга, с другой.

Наблюдая жизнь ребенка и коллектива, вдумываясь в каждое слово, в каждое движение юных душ, я стремился увидеть, *что* определяет отношения человеческой личности к коллективу и к другому человеку — то, что ей, личности, *хочется*, или же то, что она *должна* делать, что надо делать для всеобщего блага. Я изучал становление отдельных личностей, их развитие и совершенствование в семье и в коллективе — начиная от первого слова до получения паспорта и аттестата зрелости. Я стремился проникнуть в тончайшие, порой скрытые человеческие отношения, чтобы понять, какой должна быть гармония желаний и долга.

Предметом наблюдения и изучения были дети и подростки из самых разнообразных семей: в одних жизнь была тихой, безмятежной, спокойной, в других дети с малых лет знали сильные душевные переживания и потрясения. В одних царил мир и покой, в других вспыхивали конфликты. В одних детские желания безоговорочно удовлетворялись, в других — ограничивались.

Убежденный в том, что средоточием человеческой личности — сердцевиной гражданской доблести, верности идеалам народа является *долг*, я как педагог стремился осмыслить закономерности становления этого богатства души. Каждый год мне доставляло большую радость то, что в жизнь шли прекрасные люди, активные строители нового общества, умеющие творить счастье и радость для людей и чувствующие в этом творении большое личное счастье.

Вот передо мной 17-летний юноша с умными и всегда немного взволнованными черными глазами — Алеша. На его долю выпало немало испытаний. Десятилетним мальчиком он потерял мать, а 14 лет остался без отца. Круглый сирота, Алеша не растерялся, не впал в отчаяние. Он стал главой семьи; жизнь и благополучие престарелой бабушки — отцовой матери — зависели теперь от него. «Я и в институт поступлю, и бабушку не оставлю», — сказал Алеша в самую короткую июньскую ночь. Это было настоящее мужество, но юноша не видел в своем поведении ничего исключительного. Он поступил в институт, учился на стипендию, вечерами работал, на свой скромный заработок не только жил сам, но и содержал бабушку, окончил институт, стал инженером. Сейчас она живет у него. «Если бы не любовь и самоотверженность внука, я уже не жила бы на свете», — сказала мне бабушка Алексея, когда однажды я был у них в гостях.

Жизнь все больше убеждала, что человек, не испытавший в детстве и отрочестве чувства благодарности к тем, кто его породил, поставил на ноги, кто ничем *не выразил себя,* чтобы утвердить свою благодарность, превращается в бездушное, бессердечное существо.

Я понял, что долг — это внутренний судья человека, важнейший стимул совести. Для совести долг то же самое, что для челна руль и весла; без долга нет совести, нет благородных человеческих принципов. Человеческое благородство для того, кто не испытал этого высокого чувства и не выразил себя в нем, не может стать личным убеждением.

Прикасаясь к открытым детским сердцам, присматриваясь к глазам детей в те минуты, когда я произношу свои слова-поучения, слова-наставления для того, чтобы пробудить стремление, желание выразить себя в высоком человеческом долге, я понял, что между ощущением долга и идейными убеждениями, взглядами человека, его личной позицией существует очень тесная связь. Пожалуй, в умении создать эту связь и заключается утверждение той гармонии, которая определяет нравственный облик человека, — гармонии между *хочу* и *должен.* Человек, не постигший на собственном опыте *выражения себя* в высоком человеческом долге, не знает подлинного человеческого счастья, радости бытия, не умеет чувствовать зависимости своего счастья от труда других людей, *не способен* переживать чувство благодарности — а это чувство является родником, наполняющим чувство долга.

Я убедился, что, если в детстве и отрочестве человек

не выражает себя и не утверждает своего личного достоинства в долге, если для этого выражения и утверждения нет необходимых человеческих отношений, происходит с первого взгляда странная вещь: знания и истины о человеке и обществе, о добре и зле, о том, каким должен быть человек, — все эти знания, многократно повторяемые воспитателем в самых разнообразных формах (поучение, наставление, внушение, одухотворение воспитанника благородным примером нравственной доблести), знания совершенно понятные, — не доходят до души, не волнуют человека. И все дело в том, что *истины, играющие очень важную роль в воспитании, становятся убеждениями, точкой зрения, позицией человека лишь тогда, когда он, постигая факты умом, переживает идеи сердцем, душой.*

Мечта каждого воспитателя — и не только в школе, но и в работе со взрослыми — добиться того, чтобы в те мгновения, когда вы воссоздаете перед разумом и сердцем своего питомца яркий образ нравственной красоты и доблести, в глазах его вспыхивали огоньки радостного волнения, чтобы сердце билось учащенно, мысль устремлялась в будущее. Только в такие мгновения он начинает дорожить нравственными истинами как своим личным духовным богатством.

Для меня, педагога, это духовное состояние всегда было моей мечтой и моим идеалом. Но я убедился, что привести своего питомца в это состояние силой воспитательного влияния можно лишь тогда, когда в многогранных отношениях с людьми человек *выражает себя в долге* и этим сознательно утверждает свое человеческое достоинство и богатство.

Бывало, рассказываешь пятиклассникам о подвиге человека, отдавшего свою жзнь во имя свободы и независимости Родины, все слушают затаив дыхание, в глазах горят огоньки одухотворенности, и вдруг здесь, в эти чудесные мгновения, видишь пустой, равнодушный взгляд. Эти пустые глаза, эта закрытость сердца перед словом воспитателя не давали мне покоя, приносили мучительные раздумья и бессонные ночи. Откуда этот холод, почему святыни не прикасаются к сокровенным уголкам сердца — да и есть ли вообще в этом сердце сокровенные уголки?

Продолжая прикасаться к сердцам своих питомцев, наблюдая и создавая в коллективе отношения взаимной ответственности и долга, добиваясь, чтобы маленький человек чем-то выражал свое нравственное богатство и благодаря этому выражению познавал себя и воспитывал себя, я все больше убеждался, что настоящее

воспитание начинается там, где есть единство воспитания и самовоспитания, а это единство возможно лишь при том условии, когда человек чем-то дорожит: вначале — человеком, своими отношениями с ним, а потом — идеей, истиной. «Истина лишь тогда истина, когда она для людей», — писал великий поэт и мыслитель Гёте.

Да, постижение, *укоренение* нравственной, политической истины, идеи, идеологического принципа, убеждения в душе личности начинается с человеческих отношений. С таких человеческих отношений, при которых рождается чувство долга: каким человеком я *должен* быть, чтобы люди видели во мне нравственную красоту. Школьник, юноша с пустыми, равнодушными глазами — это человек, который на собственном опыте, очевидно, не испытал и вообще не знает, что это такое — дорожить человеком, переживать радость и счастье от того, что он дает, делает, творит радость и счастье людям. Тот, кто не умеет дорожить человеком, не способен дорожить и идеей, нравственной и политической истиной, потому что идеи рождаются только в человеческих отношениях взаимной отдачи духовных сил, братства, взаимопомощи.

Так возникли мысли о *способности* маленького человека быть воспитываемым, поддаваться силе воспитательного воздействия старших — прежде всего педагога. С каждым годом все яснее становился ответ на мучительный вопрос: почему Коля трудный, невозможный, не поддающийся воспитательному влиянию, почему на него ничто не действует? Потому что отношения, в которых он находится с окружающими его людьми, не дают ему высшего человеческого блага — способности кем-то и чем-то дорожить: вначале — человеком, коллективом, потом — нравственными принципами. Как в окаменевшую почву не впитывается вода и не дает ей плодородия, так и сознание человека, не постигшего на собственном опыте, что значит **дорожить**, не воспринимает ни совета, ни поучения, ни наставления. Человеку, не выразившему себя в долге, недоступно само понятие *должен* как закон человеческих взаимоотношений, в которых благо, счастье, радость одного человека зависят от блага, счастья, радости других людей.

Может быть, читателю эти рассуждения покажутся слишком теоретическими, отвлеченными и мало связанными с жизнью. Нет, тысячу раз нет. Это самая сущ-

ность повседневной школьной практики. Это, если хотите, азбука нравственного воспитания.

Каждый день в школах миллионы раз произносится слово *должен,* выступая прежде всего как требование воспитателя. Из миллионов этих кирпичиков сооружается здание, имя которому — человек долга. Но чтобы это здание было непоколебимым, нужен очень прочный фундамент. Этим фундаментом является выражение человека в долге, самоутверждение через долг в отношениях с людьми, с коллективом, отношение к понятию *должен* как к требованию, поставленному самим перед собой, как к велению совести. Небесполезно вдуматься в ту диспропорцию, которая характерна еще для практики воспитания: *«ты должен»* слишком часто говорит воспитатель воспитаннику, в то время как *«я должен»* воспитанник говорит себе очень редко, а во многих случаях и вообще не говорит. Человек долга совершенно немыслим, *если он сам себе ничего не повелевает.*

Мне стало понятно, что педагогу надо как бы открывать сердце питомца перед своим словом и своей волей, делать его восприимчивым к слову, поучению, внушению, примеру.

Что же для этого необходимо практически? Как построить прочный фундамент, чтобы здание *человек долга* было прочным и непоколебимым?

Чувство долга, необходимое каждому гражданину нашей страны, — это осознание и переживание интересов других людей, коллектива, общества, Родины в связи с личными интересами. Долг рождается в человеческих взаимоотношениях, но выражать себя в долге человек начинает с тончайших проявлений личной жизни. В долге чудесным образом сливается общественное и глубоко личное. Путь к вершине долга — к пониманию и переживанию интересов общества, социалистического Отечества — начинается с отношения человека к человеку. Человек, его жизнь, борьба, радости и горести — это самый сложный предмет познания, самая могучая сила, воздействующая на тот уголок сердца, где должно родиться чувство долга. Путь к вершине долга я вижу в том, чтобы с первых шагов своей сознательной жизни ребенок, образно говоря, прикасался сердцем к человеческим судьбам. Чтобы чужие судьбы стали его глубоко личным делом, чтобы через человеческие судьбы прошел путь к познанию высших интересов, чтобы, прибли-

жаясь к идеалу, человек видел самого себя, относился сам к себе. Многолетний опыт убедил меня в том, что *способность относиться определенным образом к самому себе,* ставить перед собой требования, властвовать над своей совестью — все это находится в прямой зависимости от того, каковы источники радости и счастья маленького человека.

С родителями, у которых дети лежат еще не вдоль, а поперек кроватки, и с теми, у кого дети уже открыли изумленные и удивленные глаза на окружающий мир, на занятиях своей родительской школы мы очень много думаем, советуемся, рассуждаем о радости и счастье детей. Я убежден, что именно разговор о счастье, о радостях детства должен быть предметом самого пристального внимания педагогов и родителей — и только сообща. Не будет преувеличением сказать, что отцовская, материнская мудрость воспитателей выражается прежде всего в том, как мы относимся к детскому счастью. На мой взгляд, в отношении к счастью, в понимании детского счастья и радостей — один из важнейших истоков педагогической мудрости. Детское счастье — это и животворный костер, согревающий человека, и катастрофический пожар — все дело в том, как управлять огнем. Было бы, очевидно, полезным созвать большую научную конференцию ученых-педагогов и родителей и на обсуждение ее поставить одну-единственную проблему — детское счастье. Если бы эта проблема была правильно решена в теоретическом и практическом плане, исчезла бы добрая половина всех трудностей воспитания.

От того, как перед человеком, познающим мир разумом и сердцем, открывается счастье, точнее, как мы, воспитатели, умеем раскрыть счастье перед ребенком, зависит по существу становление человека, формирование его многогранных отношений с другими людьми. Представление о счастье, понимание и ощущение счастья определяет способность нашего маленького питомца заимствовать моральные ценности, созданные, добытые, выстраданные старшими поколениями, умение дорожить этими ценностями и — что особенно важно — способность подняться на ту ступеньку нравственного развития, когда человек видит смысл жизни в служении народу, великим идеалам коммунизма. Только человек, знающий подлинный смысл и подлинную цену человеческого счастья, способен видеть себя, властвовать над своими мыслями, чувствами, духовными порывами, в конечном счете — быть властелином своей совести.

Все мы, причастные к воспитанию детей и юношества и ответственные за их судьбу, а поэтому — за будущее народа, не мо-

жем не испытывать тревоги в связи с тем обстоятельством, что во многих семьях в нашем обществе дети не знают счастья. Глубокое сожаление вызывает жизнь тех детей, все желания которых удовлетворяются заботливыми родителями, детей, бытие которых безоблачно и безмятежно. Это потребительское благополучие, бесконечное кормление удовольствиями с детства укореняет индивидуализм, уродливое извращение желаний и потребностей, неспособность личности желать, хотеть того, что не связано с личными удовольствиями. Дети, выкормленные на таком «счастье», — глубоко несчастные люди, им недоступно нравственное богатство нашего общества, и школе, если она понимает гибельный смысл потребительского счастья, приходится приложить много сил, чтобы **открыть** в человеке подлинно человеческое.

Воспитательным идеалом, на мой взгляд, является то, чтобы счастье человека в семье и в обществе было заботливым, беспокойным, тревожным. Одна из самых ярких граней воспитания заключается, по моему глубокому убеждению, в том, чтобы утверждать сильные чувства и душевные переживания, взрослые заботы маленького человека. Без трудностей, без напряжения недоступно понимание счастья. Здесь мы подходим к тому, что Горький называл *деянием* — творческим трудом, созиданием. Труд — первый и самый честный страж совести и долга. Труд в широком смысле — как слияние порывов души и энергии рук, как отношение человека к человеку, человека к коллективу, Родине, одухотворенное высокими побуждениями выразить, проявить себя на поприще гражданского служения народу.

Важнейший источник счастья детства, отрочества, ранней юности — это *неугасимый культ уважения к труду.* Чувство уважения к труду связывает ребенка духовными нитями долга с другими людьми — вначале с близкими, а потом и со всеми честными соотечественниками. Из чувства уважения к труду, из мысли о том, что труд — творец счастья, рождается то состояние *долженствования,* без которого немыслимо себе представить элементарную моральную культуру человека, его ответственность за свое будущее. Мысль о том, что *я должен,* рождается у ребенка тогда, когда у него есть чувство изумления, удивления перед трудом матери и отца, перед общественным трудом.

Я всегда стремился открыть у ребенка глаза на труд матери и отца, вызвать это чувство изумления и удивления, утвердить желание трудиться с той целью, чтобы пережить ни с чем не сравнимую радость и гордость.

Я убежден, что познание мира ребенком должно быть прежде всего познанием труда, а включение в многогранные отношения с людьми должно начинаться с выражения ребенком своего отношения к другим людям посредством труда. Первые заботы, тревоги, беспокойство, волнения ребенка, если они связаны с этим самовыражением, как раз и дают ту гармонию желаний и долга, без которой немыслим благородный человек, немыслима его гражданская сердцевина.

Когда я рассказал малышам-первоклассникам, что Сашина мама — работница молочнотоварной фермы — своим трудом кормит пятьсот человек, а отец Гриши, двадцать лет проработавший на овцеводческой ферме, одел несколько тысяч рабочих и колхозников, в глазах моих питомцев загорелись огоньки восхищения и гордости. Дети увидели то, что они сами не могли увидеть, и обычные, ничем не примечательные, будничные явления предстали перед ними в ином свете. Перед детьми открывалась та истина, что труд в жизни отца и матери — это их долг перед многими людьми, что только благодаря выполнению этого долга человек приобретает свое общественное лицо — его уважают, почитают, им дорожат.

Чем глубже чувство изумления, удивления ребенка перед величием обычных, ничем как будто бы не примечательных дел, которыми заняты мать и отец, тем искреннее его *желание* что-то сделать для родителей. Как огромную нравственную ценность детской души берегите, отцы и матери, это желание. В нем как раз и заключается тончайший ручеек заботливого, беспокойного, тревожного — настоящего счастья. Если уж вашему ребенку захотелось что-то сделать, чтобы выразить свою любовь к матери и отцу, — помните, это начинается великий общественный процесс, начинается длительный путь ребенка к вершине долга. Помните также, что маленький, как нам, взрослым, кажется, труд ребенка, выражающий его отношение к человеку и к долгу, — это огромное напряжение детских духовных сил. Он, этот труд, как бы переворачивает пласт того поля, на котором нам — родителям, педагогу, обществу — предстоит сеять семена гражданственности, патриотизма, верности высоким идеалам. Труд, выражающий отношение человека к человеку — притом маленького человека к взрослым, — единственный и ничем не заменимый источник первого общественного нравственного убеждения ребенка: я и десятой доли того не делаю, что мне надо сделать в будущем, чтобы отблагодарить мать и отца.

Это убеждение — основа чуткой детской совести. Маленький человек, переживающий угрызения совести в связи с развитием этого убеждения, никогда не требует от родителей невозможного, видит в матери и отце не только людей, породивших его, но и живое воплощение долга перед обществом, перед Отечеством.

Требуется большое воспитательное мастерство, чтобы ребенок нашел труд, выражающий его сложные душевные порывы и стремления. Пусть труд этот будет самым незначительным, но с этого и начинается новый, духовно богатый, насыщенный яркими страстями период в жизни ребенка. Исключительно важно здесь то, что это не забава и не игра, а настоящий труд, требующий большого — применительно к силам и возможностям ребенка — напряжения. Но не бойтесь этого напряжения, не бойтесь пота и мозолей на ладонях у вашего ребенка. Пока живет человечество, тонкая, чуткая, нежная душа будет воспитываться только трудом, которому сопутствуют усталость, пот, мозоли. В напряжении физических сил воспитывается благородство души — честь, достоинство, потому что одухотворяется это напряжение возвышенными побуждениями.

Я убежден, что этот, казалось бы малозаметный, не бросающийся в глаза труд ребенка — самое тонкое и самое нужное дело в школьно-семейном воспитании, в нашей общественной жизни. Семья — первый родник, из которого начинается великая река патриотических чувств и убеждений. Просто уму непостижимо, почему иногда столь мало уделяется внимания этому труду в нашей системе воспитания детей.

Мы не случайно сейчас задумались: *с чего начинается Родина?* Нас не только интересуют, но и тревожат, волнуют истоки великого чувства долга перед Родиной.

Недавно я беседовал с бывшим своим питомцем, ныне 30-летним колхозником, отцом двух наших нынешних воспитанников. Он с волнением рассказал, показывая мне стройный тополь у порога хаты: «Помните, вы посоветовали: посади тополь Матери. Я посадил и вырастил это дерево. Моя мать четверть века проработала звеньевой свекловодческого звена. Каждый год она давала людям тысячи пудов сахара. Я гордился матерью. Она для меня была и навсегда останется настоящим героем. С любовью садил я и лелеял этот тополь — хотелось, чтобы он был таким же красивым и гордым, как мать. Ухаживая за деревом, я чувствовал, что прикасаюсь к чему-то дорогому и святому — мне хотелось быть лучше. Этот детский труд сделал зрелыми мои мысли».

Воспитание представляется мне трудным добыванием счастья. В этом трудном и сложном деянии очень важно, чтобы уже в годы детства и отрочества человек постигал истину: в наше время особый, ни с чем не сравнимый, нелегкий, тонкий труд — это идти и прийти к человеку, к людям, принести им свои духовные силы. Есть, конечно, в нашем обществе люди, которым надо помочь принести ведро воды, нарубить дров, принести хлеба. Но неизмеримо больше людей, нуждающихся в человеке — в теплоте его души, сердечности, участливости, добром слове Умение увидеть человека, нуждающегося в человеке, — это большое богатство души, в творении которого я вижу ничем не заменимые уроки долга. Отсюда начинается мир душевных переживаний, где счастье становится тревожным и беспокойным, а потому безгранично дорогим.

Я вижу важную воспитательную задачу в том, чтобы с первых шагов сознательной жизни перед человеком был открыт *большой мир общественной жизни, мир Родины, мир борьбы за ее независимость, честь, могущество.* Ввести человека в этот мир не бесстрастным знатоком и наблюдателем, а активно действующей личностью, имеющей свою позицию, свою точку зрения, свою заинтересованность в том, что происходит в мире, — это, по существу, стержневая проблема нравственного воспитания подрастающего поколения.

Детство и отрочество, по моему твердому убеждению, должны быть тем периодом духовной жизни человека, когда он с особенной остротой переживает первое гражданское желание — проявить свои личные силы, выразить себя в большом мире общественной жизни, пережить, прочувствовать свое приобщение к великому и возвышенному. Это значит, что важные политические и нравственные идеи — судьба Родины, ее могущество, слава, борьба за торжество коммунизма — все это должно стать глубоко личным делом нашего питомца.

Ничем не заменимым, могучим средством воздействия на юную душу является *слово* воспитателя, но при очень важном условии — если вам удалось достигнуть того, что, выражая себя в выполнении долга перед людьми, постигая счастье в творении счастья и радости для людей, молодой человек благодаря всему этому стал *воспитуемым,* способным поддаваться воспитательному влиянию, прежде всего способным воспитываться сло-

вом. Тот, кто не постиг в детстве и отрочестве подлинного человеческого счастья и выкормлен в атмосфере счастья потребительского, — тот становится совершенно невосприимчивым к слову, призыву, внушению, поучению, напутствию.

Как я, как педагог, стремлюсь вводить воспитанника в большой мир общественной жизни, благодаря чему он должен становиться гражданином? Перевернув в душе ребенка пласт для посева плодородного, потрясающего душу слова, я иду к открытым детским и юношеским сердцам. Слова — это огоньки, помогающие детям увидеть нечто несравненно выше и значительнее, чем повседневный мир личной жизни, — Отечество, народ, его исторические судьбы, его чаяния и надежды. И слова не для того только, чтобы о чем-то сообщить. Главное — чтобы сердце юного гражданина затрепетало от гордости за свое великое Отечество, от сочувствия борцам за свободу и независимость своего народа и от ненависти к врагу. Тогда и рождается желание приобщиться к великому и возвышенному.

О чем бы я ни говорил своим питомцам — о подвиге героя, павшего в бою, о горе и гордости матери, отдавшей Отечеству самое дорогое, об убийцах вьетнамских детей — цивилизованных дикарях XX века, о страшном уделе молодого человека нынешнего капиталистического мира, — я ни на мгновение не забываю о том, что мои слова всегда должны быть призывом, утверждающим достоинство и честь социалистической Родины. Долг живет в юном сердце лишь тогда, когда слово воспитателя создает в нем духовную энергию, необходимую для одухотворенного труда — для выражения себя на поприще гражданского служения народу. И не следует забывать, что духовная энергия, необходимая для выполнения высшего долга, не утвердится в юном сердце и не увлечет молодого человека, если слова воспитателя будут бесстрастны, душа спокойна, если целью его слова будет только информация. Воспитательная сила слова — в позиции, в точке зрения воспитателя, в его отношении к миру.

В современном мире любовь к социалистическому Отечеству невозможна без ненависти, без кипения юного сердца, без его готовности отдать свои силы во имя утверждения высоких коммунистических идеалов. Воспитание ненависти к империализму, антикоммунизму, к

врагу, для которого мир — поле будущей войны, а народы — пушечное мясо, — это самая благородная, самая человечная цель нашей педагогики, нашей школьной практики. Ненависть к врагу — страж патриотической любви. Ненависть к врагу, непримиримость к идейному противнику делают юное сердце тонким и нежным, чутким и жизнеутверждающим сердцем гражданина. Человек, для которого ненависть к врагу, непримиримость к идейному противнику стали собственным богатством души, этот человек способен к самоотверженности — к такому труду, в котором главное — идея, побуждение к идеалу. Только человек, умеющий ненавидеть, способен иметь свою собственную позицию, свой взгляд на мир.

В тот день, когда наши дети надевают красный пионерский галстук, я рассказываю им героическую быль времен Великой Отечественной войны. После того как наши войска форсировали Днепр, шел упорный бой за небольшой приднепровский городок. Наши воины заняли подвал одного дома. В подвале прятались от бомб и снарядов женщины и дети. Одна маленькая девочка горько плакала. фашист отобрал у нее нарядную куклу и, убегая от наших, бросил вон там, среди улицы. Молодой советский солдат под пулями фашистов пробрался к кукле, принес ее в подвал и возвратил девочке. В тот же день, когда наши пошли на врага, в штыковую атаку, воин с нежным и благородным сердцем заколол штыком фашистского офицера. Я рассказываю эту быль для того, чтобы чуткая, нежная, утонченная душа юного гражданина была в то же время беспощадной в своей ненависти к врагу.

Чем ближе к сердцу принимает юный гражданин то, что, казалось бы, не касается его личности, тем богаче личная жизнь юного гражданина, тем глубже его желание, стремление сделать что-то для утверждения себя как гражданина.

Очень важно то, чтобы юные граждане были духовно подготовлены к одухотворенному труду, чтобы он стал гражданским самовыражением. Я убедился, что, если в годы детства и отрочества труд много раз одухотворяется политической идеей, вытекая из непримиримости и ненависти к врагу, в юном сердце утверждается гражданская зрелость — зрелое, самоотверженное отношение к любому общественно полезному труду для людей, общества, Отечества.

Воспитание долга — центральная проблема не только теории педагогики и школьной жизни. Это важнейшая общественно-политическая проблема.

Я получил письмо от уважаемой всеми односельчанами колхозницы.

«Мне стыдно рассказывать о своем горе, — писала она. — Один сын у меня — шестнадцатилетний парень. Души в нем не чаяла... А теперь — что делать с Анатолием? Не хочет учиться. Не хочет работать Недавно бросил мне такие слова: «Если не купишь к празднику костюм новый, в школу не пойду...» Я ответила: «Не могу сейчас купить, и так все отдаю тебе, себе во многом отказываю». — «На то ты и мать, чтобы отказывать себе», — сказал он и ушел, хлопнув дверью».

Это письмо взволновало меня. Мать и сын живут недалеко, несколько часов езды автобусом. И вот я беседую с Анатолием, с матерью, с учителями. Учителя с болью говорят: «Мать — прекрасная труженица, награжденная орденом, а он — лодырь невероятный...»

Так в чем же дело? Почему у хорошей, трудолюбивой матери, всю жизнь отдавшей людям, растет такой сын? Почему у сердечной, заботливой, душевно чуткой женщины бессердечный, жестокий сын? Я стремился заглянуть в детство и отрочество 16-летнего юноши — заглянуть для того, чтобы еще раз проверить истинность мысли, которая не дает мне покоя уже 30 лет.

...Едва лишь человек криком извещает мир о своем рождении, начинаются его поступки, начинается его поведение. Человек постепенно открывает мир, познает его разумом и сердцем. Он видит мать, улыбается ей, и его первая смутная мысль, если только можно ее назвать мыслью, — это чувствование того, что мать (а потом и отец) существуют для его радости, для его счастья. Человек поднимается на ноги, видит цветок и порхающую над ним бабочку, видит яркую игрушку — и мама, и папа радуются, когда он, сын, радуется... Чем дальше, тем больше вступает в действие закономерность: если поведение, поступки, интересы маленького человека продолжают диктоваться только его потребностями — человек уродуется. У него развиваются ненормальные, повышенные требования к жизни и почти всякое отсутствие требований к себе.

Вот они где начинаются, тонкие, нежные корешки, несущие питательные соки лени, безделью, тунеядству, бессердечности, равнодушию к тому, что для меня трудятся другие люди. С годами развивается духовная пус-

тота, а потом зарождается и разочарование, которое испытывают с первых же шагов самостоятельной трудовой жизни те молодые люди, детство и отрочество которых было бездумным удовлетворением их потребностей.

Нормальное, гармоническое воспитание личности возможно только при том условии, когда к потребностям — первому, элементарному и даже в какой-то мере примитивному побудителю человеческих поступков, человеческого поведения — присоединяется более сильный, более тонкий, более мудрый побудитель — долг. Собственно, человеческая жизнь начинается с того времени, когда человек делает не то, что хочется, а то, что надо во имя общего блага.

Чем раньше входит в человеческую жизнь понятие долга, формируя другие, более высокие потребности, вытекающие из него, тем благороднее, духовно богаче, морально чище, честнее будет расти ваш ребенок. В этом, на мой взгляд, святая святых коммунистического воспитания.

Как же воспитать в ребенке это самое чувство долга?

Несколько десятилетий собирал я хрестоматию, которую назвал «Книга о красоте долга». Это рассказы о людях, величие и благородство которых — в выполнении долга перед Родиной, перед обществом, перед близким, родным человеком.

Рассказами о красоте долга ребята как бы подготавливаются к жизни во имя долга, к труду осознанному, возвышенному.

Школьники-малыши закладывают сад, который мы образно назвали Садом для матерей, виноградник. У каждого ребенка свое дерево, свой куст, за которые он отвечает. Они требуют от него повседневных забот, усилий, тревог. Ребенок теперь в первую очередь уже не объект заботы матери и отца, а труженик. Он познает труд и радость детства во всей их полноте.

Чтобы воспитать зрелость, взрослость мысли, чтобы чувствование долга стало духовной основой жизни коллектива, мы заботимся о развитии у ребят ответственности за материальные ценности. Много лет у нас действует пионерская бригада малой механизации.

У комсомольцев — бригада юных механизаторов. В их распоряжении более значительные материальные ценности.

Идет 15-летний юноша полем, видит пшеницу, выра-

щенную собственными руками на земле, обработанной, унавоженной, выхоженной, спасенной от эрозии тоже им самим, — и переживает гордость: это сделал я. Чем ярче это вйдение самого себя в результатах труда, тем глубже входит чувствование долга в сердце и сознание, тем больше хочется быть человеку достойным высоких идеалов, тем пристальнее всматривается он в себя, тем требовательнее говорит в нем голос совести: я должен.

Создавая в труде материальные и духовные ценности, человек создает и сам себя. Если мы хотим, чтобы наши дети вырастали настоящими людьми, мы должны забыть о легком, беззаботном детстве для них. Жизнь в годы отрочества и ранней юности немыслима без труда, без физического и духовного напряжения.

Труд требует напряжения физических и духовных сил. Без этого немыслим коммунистический человек, влюбленный в свободный труд. Глубоко ошибочным, наивным и очень вредным для воспитания является представление о коммунизме как о легкой, беззаботной жизни. Человек освободился от рабства подневольного труда вовсе не для того, чтобы стать рабом безделья.

В нашей стране осуществляется небывалое в истории человечества дело: почти вся молодежь до 17-летнего возраста сидит за партой. При малейшем ослаблении идейного и трудового воспитания — во всей его сложности и многогранности — возникает угроза превращения школьника в потребителя материальных и духовных благ — и только. Видеть в 9-летнем мальчике, с волнением повязывающем пионерский галстук, завтрашнего гражданина — это большая педагогическая мудрость, красной нитью которой является слияние труда и долга.

ПИСЬМО К МОЛОДОМУ ОТЦУ

В очередной моей почте письмо от молодого отца.

«Прошу ответить на вопрос, который не дает мне покоя, — пишет рабочий совхоза, назвавшийся Андреем Алексáндровичем. — У меня двое детей, сыновья шести и пяти лет. Я с женой работаю на животноводческой ферме. Трудимся как окаянные, чтобы дети были счастливыми Но счастливы ли они — вот вопрос, который сейчас мучает меня. Каждое утро отвожу я детей в садик... хотя не знаю, для чего их вести — сами они могли бы туда пойти. Детский сад у нас прекрасный. Однажды утром старший, Олег, раскапризничался: не нравится ему курточка, сшитая матерью. Идем

по улице, он ее незаметно снял и выбросил в кусты. Вечером принесли люди. А второй раз меньший, Владимир, не захотел почему-то снять ботинки в коридоре, пошел в грязных ботинках в комнату. Там ему тетя Вера замечание сделала, а он ей в ответ: «Уберите грязь... За это вы деньги получаете...» Поражает меня равнодушие, какая-то бессердечность, безразличное отношение моих детей к труду».

Да, уважаемый отец, ваш вопрос заставляет задуматься над самым сложным и самым трудным, самым неотложным и самым неумолимым, что есть в нашей жизни, — над нашим будущим, над воспитанием подрастающих поколений.

В Павлыше есть родительская школа. Организовали ее учителя. Приходят на занятия отцы и матери, и мы делаем то, что я назвал бы глубоким изучением детства. Да, если сравнить нашу жизнь с цветущим деревом, то мы, отцы и матери, изучаем цветы: что они обещают дать? Какие плоды завяжутся от цветочков? И на первом месте у нас на всех двадцати занятиях разговор о счастье.

И мы отмечаем, что желание ребенка стало во многих семьях движущей силой. От бурь и невзгод, сильных чувств и переживаний родители прикрывают детей своими сердцами — и в этом большое горе. Меня поражает, что многие 7-летние дети не знают, что в жизни у человека бывает и горе.

Одна шестилетняя девочка дружила с бабушкой — матерью моего соседа-колхозника. Часто навещала ее, носила яблоки и орехи, а бабушка рассказывала ей сказки (к сожалению, во многих семьях исчезает эта прелесть и очарование детства — бабушкины сказки). Но вот бабушка почувствовала, что приблизился ее час. Мать отправила девочку на месяц в соседнее село к родственникам. Для чего? Чтобы прикрыть детское сердце от тревог о смерти дорогого человека. Возвратилась девочка, сразу же к соседям: «Где бабушка? Мама, да скажите же, где бабушка Дарья?» — «Исчезла бабушка... Подрастешь — узнаешь...» Вот до чего доходит стремление некоторых родителей уберечь детей от сильных переживаний.

Скажу вместе с тем прямо: в тех семьях, где единственный двигатель познания и освоения мира — детское желание, постепенно превращающееся в каприз, дети лишены настоящего счастья. Несчастны они потому, что сыты по горло потребительским счастьем. Кормление благами, взятыми в готовом виде, лишает их возможности правильно видеть мир, а значит, и подлинно человеческого счастья. Счастье человека невозможно передать

в наследство и невозможно получить как наследство. Там же, где пытаются передать детям вместе с фамилией в наследство и свое счастье, вырастают подлецы, негодяи, лодыри, как пиявки, сосущие кровь и труд родителей.

Настоящая мудрость воспитателя — отца, матери, педагога — в умении дать ребенку счастье. Счастье детства — это и спокойный огонь очага, дающий тепло и пищу; но огонь этот может превратиться и в катастрофический пожар. Все зависит от того, как вы управляете огнем, дорогие родители. В мудрости быть кочегаром у этого очага — по существу вся мудрость воспитания. Со всей ответственностью утверждаю, что из маленьких, казалось бы безобидных, корешков безделья берут начало такие общественные беды, как пьянство, хулиганство, преступность.

Как только ребенок открыл глаза на мир, как только осознал себя — ему что-то хочется. Потребности — двигатель человеческой жизни. Из потребностей вытекают желания. Но вся сущность человеческого воспитания заключается в том, чтобы желания личности гармонировали с интересами коллектива, общества, народа, Отечества. Желания надо с первых же дней сознательной жизни ребенка окультуривать. Культура человеческих желаний — это столбовая дорога семейно-школьного воспитания. Мы убеждаем матерей и отцов в родительской школе, что дать детям счастье — это прежде всего сделать их желания нравственно оправданными, нравственно обоснованными, заслуженными, а с точки зрения общества — скромными, доступными, выполнимыми. Где же сила, способная внести в жизнь семьи культуру желания? Как не допустить, чтобы молодой отпрыск жил по принципу: что хочу, то и делаю?

Этой могучей воспитательной силой является труд. К сожалению, безделье и праздность проникают даже в сельскую жизнь, где, казалось бы, сама обстановка делает праздность невозможной. У матери и отца — прекрасных тружеников совхоза — двое детей, мальчик в пятом классе и девочка в шестом. «Вы когда-нибудь с братом мыли дома пол?» — спрашивает учитель у девочки. «Нет... но у нас ведь пол не моется. Он у нас покрыт ковриками...» Девочка и мальчик не знали, что, когда они спят или отправляются в школу, мать снимает коврики, вытряхивает их и моет пол.

Подумаем, уважаемый Андрей Александрович, допустимо ли это в нашем обществе, на знамени которого на-

писано: «Кто не работает, тот не ест»? Наше общество ставит перед каждым своим гражданином строгие требования, касающиеся труда, дисциплины, долга, поведения. И выполнение этих требований — залог развития и свободы личности. Тот, кто в детстве, образно говоря, не сел за ту парту, за которой происходит длящееся всю жизнь воспитание культуры желаний, у кого над диким кустом желаний не работают мудрые ножницы садовника — труда, то того в зрелом возрасте ой как трудно посадить за эту парту. Человек, не научившийся в детстве управлять своими желаниями, не переживающий их нравственной оправданности и обоснованности, становится социально ненадежным, он вступает в конфликт с общественными требованиями. Нежелание учиться приходит к тем, кого в детстве бездумно кормили потребительским счастьем. А потом приходит еще более страшное бедствие — нежелание трудиться производительно. Это звенья одной и той же цепи.

Счастье — это не чудесная жар-птица, которую можно поймать. Это реальная постройка, которую надо воздвигнуть. Я представляю себе детский труд как широкое, многогранное понятие, это — напряжение физических, духовных, волевых, нравственных сил, напряжение, в котором человек выражает и утверждает себя, определяет свою позицию в борьбе добра против зла.

Исключительно важно, чтобы труд с малых лет был, во-первых, максимально очеловечен, т. е. одухотворялся стремлением принести добро людям, обществу, народу, Отечеству; во-вторых, чтобы он стал естественным состоянием человека, привычкой.

Жизнь тысячу раз убеждала меня в том, что настоящее счастье достается тому, кто начинает свою трудовую жизнь одновременно с началом учения в школе. Не игра в труд, а именно настоящая трудовая жизнь — с по́том, усталостью, мозолями, отдыхом и радостью достигнутой цели — это как раз и есть тот страж человеческой совести, без которого уютный и ласковый огонек счастья превращается в пожар.

Вот почему уже много лет предметом большой заботы нашего педагогического коллектива является гармония труда и познания. На моих глазах сложилась судьба тысяч людей, и самыми счастливыми из них (не только в глазах общества, но и для себя, в своем личном

духовном мире) являются те, кто начал трудовую жизнь в детстве.

Живет у нас в селе одна хорошая, счастливая семья. Отец — Петр Григорьевич — работает овчаром, а мать — Анна Петровна — агрономом. Трое их детей учатся: 14-летняя Анна окончила седьмой класс, 12-летний Павло — пятиклассник, 9-летняя Ольга — второклассница. Дети прекрасно учатся и трудятся. Был такой случай: учительница поставила Анне в журнале четверку. На перемене девочка обратилась к учительнице: «Прошу вас, не ставьте мне в дневник четверку. Я выучу лучше и заработаю пятерку. У нас горе большое. Свеклу в колхозе занесло илом — что теперь маме делать? Разве можно теперь ей приносить четверки?»

Однажды на занятии родительской школы матери и отцы попросили. «Расскажите, Петр Григорьевич, как вы воспитываете своих детей. Как вы добиваетесь, что они боятся, как бы на вас с матерью пылинка не села?..» Смутился Петр Григорьевич и ответил: «Трудимся мы вместе с ними, с детьми, — вот, наверное, и все воспитание. Сами они воспитываются, потому что трудятся. Мы с женой так думаем: труд — самая заботливая и самая верная нянька. Она же самая осторожная и самая требовательная».

В этих словах выражена мудрая система педагогических взглядов трудового народа. Не бойтесь детского труда, дорогие родители, не оберегайте от него своих малышей! Пусть не тревожит вас то, что ребенок отнес для поливки цветов и винограда одно маленькое ведерко воды, другое, третье, четвертое, что он вспотел и устал, — этот труд для него истинная радость, не сравнимая ни с какими другими радостями мира. В этом труде постигается не только окружающий мир. Человек постигает самого себя. А самовоспитание в детстве и начинается с узнавания самого себя, при этом узнавание это должно быть радостным: 5-летний мальчик, вырастивший куст роз, с изумлением глядит не только на творение своих рук — дивный цветок, но и на самого себя: «Неужели это сделал я?» Ребенок, постигая ни с чем не сравнимое счастье труда, познает самого себя, становится другом, единомышленником, помощником матери и отца в воспитании. Вот как надо понимать слова отца: они сами себя воспитывают. Вот в чем заключается смысл истины воспитания в труде.

Когда детям было по 6—8 лет, то мать летом брала их с собой в поле. У ребенка росло желание делать то же, что делает мама. А сколько нового познает ребенок в эти дни! Утренняя заря и покрытый туманом луг, пробуждение птиц в лесу, серый зайчишка и хитрая лиса, встретившиеся в поле, песня жаворонка в голубом небе,

далекие поля в сиянии летнего солнца, холодный родник в овраге — все это на всю жизнь остается как дорогое и незабываемое. Загоревший, уставший, полный впечатлений, приезжает вечером ребенок домой, бережно переносит с повозки в хату сумки и папки с колосьями и стеблями растений, с образцами почв и удобрений, с цветами, положенными между страницами книг. Все это не игра, а настоящий труд. Да, это и есть радость детства.

С 8 до 10, а иногда и до 11 лет в дни летних каникул ребенок отправляется на весь день с отцом на работу

Дети Петра Григорьевича и Анны Петровны — хозяева сада и виноградника. Родители приходят на помощь детям лишь в том случае, когда тем что-нибудь непонятно. В саду есть участок, где они выращивают саженцы винограда и раздают их товарищам по школе. Сад этот так и называется — Сад для Людей. Весь урожай яблок, груш, винограда — все принадлежит двум десяткам ребятишек — друзьям и одноклассникам. В вечерние часы и в праздники здесь ребятишки читают книги, инсценируют сказки и, конечно, лакомятся плодами.

Несколько летних недель дети Петра Григорьевича и Анны Петровны выкармливают шелкопрядов. Так дети зарабатывают себе какую-то сумму денег на одежду, обувь, на учебники и учебные пособия. А сейчас, когда они стали постарше, их заработка хватает и на экскурсионные поездки в большие города.

Бывали дети Петра Григорьевича и в Москве, и в Ленинграде, и в Киеве, но далекие и увлекательные поездки не затушевали у них бурной радости и активности, вызываемых праздником труда в поле. Дорогие родители, учителя, начинайте духовную жизнь ребенка в мире труда в те счастливые годы, когда он впервые видит поле, впервые встречает утреннюю зарю, впервые вслушивается в звонкую песню жаворонка.

Во многих письмах, которые я получаю от родителей, — тревога: почему ребенок не уважает меня — отца, мать?

Уважение рождается из общности духовной жизни отца, матери, детей. Уважение — это не простое знание занятий родителей. Нередко бывает, что сын слишком уж хорошо отдает себе отчет в том, сколько здоровья, энергии вкладывает в него мать, но бессердечно, равнодушно относится к ней. Уважать родителей — это значит выражать в чем-то самого себя, видеть себя в чем-то, созданном своими руками — созданном для людей, для их счастья. Любовь детей к матерям и отцам — это

...Нельзя сводить духовный мир маленького человека к учению. Если мы будем стремиться к тому, чтобы все силы души ребенка были поглощены уроками, жизнь его станет невыносимой. Он должен быть не только школьником, но прежде всего человеком с многогранными интересами, запросами, стремлениями.

У человека тысячи граней, каждая из которых вспыхнет, загорится дивной красотой, если только прикоснуться к этой грани умело и тонко шлифовщику, воспитателю. Мучительная сложность, вся трудность и радость воспитания, помоему, и заключается в том, чтобы каждому найти именно его грань.

радость затраты духовных сил во имя того, чтобы принести счастье любимому человеку.

Я знаю, что получу не одно письмо примерно вот такого содержания: живу я в большом городе, работаю в лаборатории (или в конструкторском бюро) — что же, для настоящего воспитания надо брать с собой детей, пусть они трудятся вместе со мной? Да нет же, это не обязательно делать, но обязательно, чтобы ребенок ваш видел и чувствовал сердцем людей, отдавая им свои душевные силы.

Для труда не обязательно поле и пастбище. Недавно в областном городе я столкнулся с таким случаем: мать шестиклассника Алеши никак не могла придумать, чем бы загрузить мальчишку. От безделья изнывали и еще несколько ребятишек. А здесь же, в том же доме, на их глазах жил полуслепой инвалид, которому некому было книгу почитать. Если ребенок не чувствует сердцем, что рядом с ним живет человек, нуждающийся в человеке, — какой уж тут может быть разговор об уважении к матери, отцу.

Труд становится зорким стражем и животворным источником счастья лишь тогда, когда он, труд — отношение. Отношение к человеку, выраженное через труд в детстве, в зрелые годы становится основой гражданского долга.

Только благодаря труду в детские годы познается очень важная жизненная истина: труд — это дело трудное, и ни при каких условиях он не может быть легкой забавой. Важнейшая наша общая задача — и школы, и семьи, и общественности — заключается в том, чтобы дети вошли в жизнь людьми стойких коммунистических убеждений, людьми возвышенных идеалов, горячего сердца, ясного ума, умеющими жить большой гражданской жизнью.

Вот мы и заканчиваем наш разговор. Вопрос был о счастье, а разговор свели по существу к труду. Иначе и нельзя представить логику воспитания, логику преемственности поколений. Если и вы дадите своим детям это счастье, они станут настоящими людьми.

ПИСЬМА К СЫНУ

Добрый день, дорогой сын!

Вот ты и ушел из родительского гнезда — живешь в большом городе, учишься в вузе, хочешь чувствовать себя самостоятельным человеком. Знаю по собственному опыту, что, захваченный бурным вихрем новой для тебя жизни, ты мало вспоминаешь о родительском доме, о нас с матерью и почти не скучаешь о нас. Это придет позже, когда ты узнаешь жизнь.

...Первое письмо сыну, улетевшему из родительского гнезда. Хочется, чтобы это письмо осталось у тебя на всю жизнь, чтобы ты хранил его, перечитывал, думал над ним. Мы с матерью знаем, что каждое молодое поколение немного снисходительно относится к поучениям родителей: вы, мол, не можете видеть и понимать все, то, что видим и понимаем мы. Может быть, это и так... Может быть, прочитав это письмо, ты захочешь положить его куда-нибудь подальше, чтобы оно меньше напоминало о бесконечных поучениях отца и матери. Ну что ж, положи, но только хорошо запомни, куда, в какую книжку ты его положил, потому что придет такой день, когда ты вспомнишь эти поучения, скажешь сам себе: а все-таки прав был отец... И тебе надо будет перечитать это старое полузабытое письмо. Ты найдешь и прочитаешь его. Сохрани же его на всю жизнь.

Я тоже сохранил первое письмо от отца. Мне было 15 лет, когда я улетел из родительского гнезда — поступил учиться в педагогический институт. Был трудный голодный 1933 год. Помню, как провожала меня мать на вступительные экзамены. В старенький чистый платок завязала новое, хранившееся на дне сундука рядно и узелок с продовольствием: лепешки, испеченные из картофельной кожуры и отрубей, два стакана жареной сои — вот и все, что могла мне дать мама в тот день...

Началось мое учение. Трудно, очень трудно было овладевать знаниями, когда в желудке пусто. Но вот появился хлеб нового урожая. Никогда не забуду того дня, когда мать передала мне первую хлебину, испеченную из новой ржи. Привез передачу дедушка Матвей, извозчик сельского потребительского общества, еженe-

дельно приезжавший в город за товаром. Хлебина была в чистой полотняной торбе — мягкая, душистая, с хрустящей корочкой. И рядом с хлебиной — отцовское письмо, то первое письмо, о котором я говорю: оно хранится у меня как первая заповедь... «Не забывай, сыну, о хлебе насущном. Я не верю в бога, но хлеб называю святым. Пусть и для тебя он на всю жизнь останется святым. Помни, кто ты и откуда ты вышел. Помни, как трудно добывается этот хлеб. Помни, как дед твой, мой отец Омелько, был крепостным и умер за плугом на ниве. Никогда не забывай о народном корне. Не забывай о том, что, пока ты учишься, кто-то трудится, добывая тебе хлеб насущный. И выучишься, станешь учителем — тоже не забывай о хлебе. Хлеб — это труд человеческий, это и надежда на будущее, и мерка, которой всегда будет измеряться совесть твоя и твоих детей».

...Для чего я пишу тебе об этом, сын? В суете будничного труда не рассказывал я обо всем этом подробно — это плохо. А запомнить все это тебе надо. То же самое повторяю я тебе, что мне наказывал мой отец: не забывай, кто ты и откуда ты. Не забывай, что корень наш — трудовой народ, земля, хлеб святой...

Сотни тысяч слов в нашем языке, но на первое место я бы поставил три слова: хлеб, труд, народ. Это три корня, на которых держится наше государство. Это самая сущность нашего строя. И эти корни так прочно переплелись, что ни разорвать их, ни разделить никогда. Кто не знает, что такое хлеб и труд, перестает быть сыном своего народа. Теряет лучшие духовные качества народные, становится отщепенцем, безликим существом, недостойным уважения. Кто забывает, что такое труд, пот и усталость, тот перестает дорожить хлебом...

Я горжусь тем, что ты знаешь труд на хлеборобной ниве, знаешь, как нелегко добывается хлеб. Помнишь, как накануне праздника Первого мая я пришел к вам в класс (кажется, учились вы тогда в девятом) и передал просьбу колхозных механизаторов: замените нас, пожалуйста, в поле в праздничные дни, мы хотим отдохнуть. Помнишь, как не хотелось вам всем, юношам, вместо праздничного костюма надевать комбинезон, садиться за руль трактора, быть прицепщиком? Но зато какая гордость светилась у вас в глазах, когда эти два дня прошли, когда вы вернулись домой, чувствуя себя тружениками.

Я не верю в такое, я бы сказал, шоколадное представление о коммунизме: всех материальных благ будет предостаточно, всем человек будет обеспечен, все будет у него как будто бы по мановению руки, и все так легко ему будет доставаться... Если бы все это было так, то человек превратился бы, наверное, в пресыщенное животное. К счастью, этого не будет. Ничто не будет доставаться человеку без напряжения, без усилий, без пота и усталости, без тревог и волнений. Будут и при коммунизме мозоли, будут и бессонные ночи. И самое главное, на чем всегда будет держаться человек,— его ум, совесть, человеческая гордость — это то, что он всегда будет добывать хлеб в поте лица своего. Будет неудержимое стремление к тому, чтобы земля давала все больше и больше — на этом всегда будет держаться хлебный корень человека.

И этот корень надо беречь в каждом человеке. Ты пишешь, что скоро вас посылают на работу в колхоз. И очень хорошо. Я этому очень, очень рад. Работай хорошо, не подводи ни себя, ни отца, ни товарищей. Не выбирай чего-нибудь почище да полегче. Выбирай труд непосредственно в поле, на земле. Лопата тоже инструмент, которым можно показать свое мастерство.

А в летние каникулы будешь работать в тракторной бригаде у себя в колхозе.

«По колосу пшеницы узнают человека, вырастившего ее» — ты, наверное, хорошо знаешь эту нашу украинскую пословицу. Каждый человек гордится тем, что он делает для людей. Каждому честному человеку хочется оставить частицу себя в своем пшеничном колосе. Я живу на свете уже почти пятьдесят лет и убедился, что ярче всего это желание выражается в том, кто трудится на земле. Дождемся твоих первых студенческих каникул — я познакомлю тебя с одним стариком из соседнего колхоза, он уже больше тридцати лет выращивает саженцы яблонь. Вот это настоящий художник в своем труде. В каждой веточке, в каждом листике выращенного деревца он видит сам себя. Если бы сегодня все люди были такими, можно было бы сказать, что мы достигли коммунистического труда...

Желаю тебе здоровья, добра, счастья. Целую тебя.

Твой отец

Добрый день, дорогой сын!

Письмо твое из колхоза получил. Оно очень взволновало меня. Не спал всю ночь. Думал о том, что ты пишешь, и о тебе.

С одной стороны, хорошо, что тебя тревожат факты бесхозяйственности, о которых ты пишешь: в колхозе прекрасный сад, но уже тонн десять яблок скормили свиньям; гектара три помидоров остались неубранными, и председатель колхоза приказал трактористам перепахать участок, чтобы и следов не осталось...

Но, с другой стороны, меня удивляет, что в твоем письме — только недоумение и больше ничего, растерянность перед этими возмутительными фактами.

Что же это получается? Ты пишешь: «Когда я увидел утром этот участок вспаханным, у меня чуть сердце не вырвалось из груди...» А потом что? Все-таки что же произошло с твоим сердцем? Успокоилось оно, по-видимому, и бьется ровненько? И сердце твоих товарищей — тоже ни у кого не вырвалось из груди? Плохо, очень плохо... Ты помнишь, наверное, мои рассказы о Талейране, этом сверхцинике и архипрожженном политике. Он поучал молодежь: «Бойтесь первого движения души, потому что оно обыкновенно самое благородное...» А мы, коммунисты, учим по-другому: не давай погаснуть в себе первым движениям души, потому что они самые благородные. Делай так, как подсказывает первое движение души. Подавлять в себе голос совести — очень опасное дело. Если ты привыкнешь не обращать внимания на что-нибудь одно, ты вскоре не будешь обращать внимания ни на что. Не иди на компромисс со своей совестью — только так можно выковать характер.

Запиши в свою записную книжку вот эти слова из «Мертвых душ»: «Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымете потом!» Самое страшное для человека — это превратиться в спящего с открытыми глазами: смотреть и не видеть, видеть и не думать о том, что видишь, добру и злу внимать равнодушно, проходить спокойно мимо зла и неправды. Опасайся этого, сын, больше смерти, больше любой самой страшной опасности.

Человек без убеждений — тряпка, ничтожество. Раз ты убежден, что на твоих глазах творится зло, пусть сердце твое кричит об этом, борись против зла, добивайся торжества правды. Помнишь мои рассказы о Сергее Лазо? Он писал в своем дневнике: «Убеждения нужно выстрадать, нужно проверить их жизнеспособность, нужно обтереть их о чужие убеждения... Человек должен скорее пойти на гибель, нежели отказаться от своих убеждений...» Вот как поступают настоящие люди: лучше умереть, чем отказаться от убеждений. Ты спросишь у меня: а что же я конкретно мог сделать, чтобы воспрепятствовать злу? Как бороться против зла? Не знаю и не буду прописывать рецептов. Если бы я был там, где ты работаешь, если бы увидел то, что увидел ты с товарищем, — я бы нашел, что мне делать.

Ты с удивлением пишешь, что к таким фактам в колхозе все привыкли и не обращают на них внимания. Тем хуже для тебя с товарищем. «Никогда не бойтесь выразить то, что вы чувствуете, даже если ваши мысли противоречат общепринятым» — эти слова Родена тоже не мешало бы тебе зарубить на носу. Я на твоем месте сразу же пошел бы с товарищем в партийную организацию, сказал бы: что это делается? Если сами не можете убрать помидоры — мы, студенты, уберем, но нельзя допускать, чтобы погибал человеческий труд. Не получилось бы ничего в парторганизации — дошел бы до райкома, поднял бы на ноги группу народного контроля — не верю я в то, что все равнодушны к злу, все притерпелись к неполадкам... Не может быть этого.

Сейчас ты поднимаешься на ту ступеньку духовного развития, когда человек уже не должен оглядываться на других: что они делают? Как поступают? Надо думать самому, решать самому.

Твой отец

Добрый день, дорогой сын!

Я очень рад, что ты пишешь обо всем откровенно, делишься своими думами, сомнениями и тревогами. И еще одно мне доставляет радость: то, что и в дни этого нелегкого, напряженного труда тебя волнуют именно эти мысли. Ты пишешь, что, если бы стал бороться за правду, на тебя смотрели бы с удивлением...

В этих строчках твоего письма я прочитал между строчками чувство уныния, какой-то растерянности. «Я чувствую, что идейность расценивается здесь как стремление накопить определенный нравственный капитал, — пишешь ты.— Я уже не раз слышал, как слово «идейный» произносят с иронией: какой-то ты уж очень идейный... Что же это такое? Неужели ценности, о которых я думал раньше с благоговением, при мысли о которых сердце мое учащенно билось, теряют смысл? Как же понимать жизнь во имя идеи?»

Хорошо, мой сын, очень хорошо, что эти вопросы волнуют тебя. Я очень рад за тебя и за себя. Значит, тебе не безразлично, что говорят и что думают люди, окружающие тебя.

Идейность, идея — великие, святые слова. И тот, кто вольно или невольно пытается опошлить красоту человеческой идейности, загрязнить чистое и величественное паутиной мещанского самодовольства и равнодушия, обывательского зубоскальства, — тот поднимает руку, замахивается на человека. Идейность — это подлинная человечность. Ты помнишь слова Гёте: «Всякий, кто удаляется от идей, в конце концов остается при одних ощущениях»? Я помню, как в годы отрочества тебя поразили, изумили эти слова, и ты спросил у меня: «Значит, другими словами, превращается в животное?» Да, мой сын, тот, в чьем сердце нет идеи, начинает приближаться к животному существованию.

Помни, еще раз говорю тебе, помни, что во имя идеи люди шли в огонь, на эшафот, под пули. Джордано Бруно мог спасти свою жизнь, сказав всего несколько слов: я отказываюсь от своих взглядов. Но он не сказал этих слов, потому что благородная идея одухотворяла его сердце. Под крики и смех многотысячной толпы невежественных обывателей, в шутовском колпаке и халате, на котором были нарисованы черти, он шел к костру инквизиции — гордый, твердый в своих убеждениях, одухотворенный идеей, и в туманной дали веков перед взором, наверное, поднимались в звездное небо ракеты, направляясь в далекие миры. Александру Ульянову достаточно было написать верноподданническое письмо на высочайшее имя, и царь даровал бы ему жизнь, но он не сделал, не мог сделать этого. Софье Перовской достаточно было сказать, что она не принимала участия в подготовке убийства царя, и ее

освободили бы, прямых доказательств ее вины не было, но она не могла сделать этого, потому что дороже собственной жизни была для нее идея свободы, идея уничтожения тирана. Идея делает человека мужественным и бесстрашным.

Если бы каждый молодой человек, каждая девушка в нашей стране жили благородной, возвышенной идеей, если бы идея была у каждого стражем совести, — наше общество стало бы миром идеальной нравственной, духовной красоты. Люди сияли бы, как мечтал Горький, как звезда друг другу. Но это время не приблизится само собой. За него надо бороться. Самое трудное, что предстоит нам сделать — и мне, и тебе, и твоим детям, — это одухотворить человека возвышенной коммунистической идеей.

Она, эта идея, прекраснее всего на свете, мой сын. Я прочитал и посылаю тебе маленькую книжечку — «Сердце, врученное бурям» — это речи, произнесенные на суде коммунистом Хосровом Рузбехом, руководителем Компартии Ирана. Его жизнь очень поучительна, а для молодежи, стремящейся познать смысл и красоту коммунистической идеи, — эта жизнь является, образно говоря, букварем идейности. Хосров Рузбех — талантливый ученый-математик, он написал много научных трудов, перед ним открывалось блестящее будущее. Но его воодушевила борьба за освобождение родины от тирании, угнетения. Он стал коммунистом. Несколько лет был в подполье. Предатель выдал его, Хосрова Рузбеха арестовали и судили. Ему угрожала смертная казнь. Но суд даровал бы ему жизнь, если бы Хосров Рузбех попросил пощады. Но коммунист знал: в жестокой обстановке террора, царящей в стране, его спасение от смерти товарищи воспримут как предательство и заклеймят его позором. И он просил судей приговорить его к смертной казни. Вот его последнее слово:

«Смерть при всех случаях неприятна, особенно для людей, сердца которых полны надеждой на будущее, будущее светлое и прекрасное. Но оставаться в живых всеми правдами и неправдами — недостойно для настоящих людей. На жизненном пути никогда не следует терять свою основную цель. Если жизнь покупается ценой позора и посрамления, потерей чести, отказа от своих идей, своих заветных мечтаний и политических и социальных взглядов, — смерть во сто крат честнее и

почетнее. Я сам выбрал себе путь и иду им до конца... Я не считаю себя преступником, подлежащим наказанию и заслуживающим смертной казни, но, принимая во внимание, что моя честь в опасности, я официально требую от уважаемых судей вынести мне смертный приговор. Я требую это ради того, чтобы разделить славу моих погибших друзей и чтобы уничтожить обвинение, которое угрожает моей чести. Ни я, ни мои товарищи, которые были осуждены за политическую деятельность, не являемся преступниками, наоборот, мы являемся слугами нашей дорогой родины, и справедливый и честный иранский народ рассматривает эти приговоры как деспотические и оправдает своих самоотверженных сынов. Осуждайте Хосрова Рузбеха, но вам не осудить человечность, честность, патриотизм, гуманность и самоотверженность».

Запомни эти слова, мой сын. Пусть они будут для тебя огоньком, озаряющим твою жизнь.

Мне понятны душевные движения тех, кто в слова «идея», «идейность» вкладывает иронический смысл, а идейное мужество считает чуть ли не карьеризмом. Эти люди жалки своей убогостью, пустотой духовной жизни. Они не знают полноты высокоидейной духовной жизни, а значит, не знают подлинного счастья вообще. Они думают, что быть одухотворенным идеей — это значит быть рабом идеи. По их мнению (мнение это не сегодня возникло, оно давно перекочевывает из одного исторического периода в другой), человек растворяется в идее, перестает существовать как личность, превращается в ходячую идею. Какое жалкое недомыслие! Только благодаря идее человек обретает свою личность, проявляет себя в творчестве, становится подлинным борцом. Человек не растворяется в идее, а становится могучей силой благодаря одухотворенности идеей.

Есть у нас в области хороший учитель, мой друг Иван Гурьевич Ткаченко, директор Богдановской средней школы (может быть, ты помнишь его, он несколько раз приезжал к нам). Во время Великой Отечественной войны он сражался против фашистов в партизанском отряде — в Черном лесу, недалеко от Знаменки. Недавно он рассказал мне потрясающую историю, о которой надо знать тебе в связи с сомнениями об идее и идеале.

Это было в трудные месяцы войны — поздней осенью

1941 года. Фашистская пропаганда кричала о том, что с Красной Армией покончено, скоро падет Москва. Но фашисты уже были напуганы первыми известиями о партизанах. Не давали покоя немцам партизаны и в нашей области. В одном из сел, расположенных недалеко от Черного леса, народные мстители сожгли штабную машину, радиостанцию и убили десять гитлеровцев. Фашисты решили пока не предпринимать карательных мер против жителей этого села. Они решили пойти по другому, более тонкому пути — «психологического ошеломления», как говорили их пропагандисты. В центре села они соорудили большую виселицу, прибили к ней табличку с надписью на немецком и украинском языках: «Если в селе появится хоть один партизан, если прольется хоть капля крови немецкого солдата от руки партизана, если будет произнесено хоть одно слово в оправдание или поддержку бандитских действий партизан, — на этой виселице будут повешены десять первых попавшихся жителей». Согнали к виселице все село, чтобы «объяснить» этот приказ, приехал фашистский майор, говорит крестьянам: «Вашей Красной Армии нет, Советского Союза нет, все советские земли отныне принадлежат немецкому рейху». Приуныли крестьяне.

И вот из толпы вышел парень лет двадцати.

«Не верьте фашистам, — крикнул он. — Жива Красная Армия, жива Советская власть, стоит и вечно стоять будет Москва. Я партизанский разведчик». Фашисты до того были изумлены дерзостью героя, что в первые мгновения растерялись, парень успел сказать свои гневные слова, успел вынуть из рукава пистолет и в упор застрелить майора. Спохватились фашисты тогда, когда майор лежал мертвый. Схватили парня в фуфайке, связали. Приговор у фашистов один — расстрел. Перед казнью парень сидел в тюремной камере с одним партизаном, которому удалось бежать благодаря ему, и стало кое-что известно о герое. «Я не партизан, — сказал парень, — я попавший в плен к гитлеровцам советский воин. В плен меня взяли контуженым, потом удалось бежать. В селе, где гитлеровцы собрали крестьян на сходку, я оказался случайно. Я видел, как приуныли крестьяне, когда майор сказал о гибели нашей армии, о падении Москвы. Душа моя не выдержала. Я знал, что иду на смерть, но не мог по-

ступить иначе. Мои слова зажгли в сердцах у людей огонек веры в победу Родины. Меня будут вешать там же, в селе, на той же виселице. Соберут опять всех крестьян. Смерть будет для меня самым трудным испытанием. Все-таки страшно умирать. Страшно представить, что через минуту уйдешь в небытие. Хочется выдержать это испытание перед людьми. Меня поддерживает вера в победу. Этим я живу».

Он выдержал испытание с честью. Перед тем как палач накинул ему петлю на шею, он воскликнул: «Не склоняйте головы перед палачами, люди! Свободу не повесить на виселице! Умираю за Родину!»

«То, что мы любим, мы любим и тогда, когда умираем», — писал Горький. Тот, кто дорожит идеей, дорожит собственным достоинством. Коммунистическая идея, говоря словами Маркса, превращается в «узы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца...». Я верю, что ты станешь настоящим человеком, что великая правда наших идей и твое сердце сольются воедино. Помни, что не все в жизни будет гладким и красивым. Встретятся тебе и уродливые, безобразные вещи. Надо уметь противопоставить им великую правду коммунизма. Это не правда-жертвенница, а правда-победительница. Но ты, наверное, не забыл прекрасных слов Юлиуса Фучика, которые мы прочитали года три назад: правда победит, но ей надо решительно помогать. Есть у нас в обществе много «борцов за правду», «искателей истины», которые не прочь «разоблачить» зло, а борется с ним пусть милиция. Эти демагоги, пустозвоны приносят много вреда. Задача заключается не в том, чтобы увидеть зло и во всеуслышание сказать о нем, а в том, чтобы преодолеть зло. Иногда надо не говорить, а действовать без разговоров. Илья Ильф и Евгений Петров очень хорошо сказали: надо не бороться за чистоту, а подметать. Подметать же у нас еще есть что. Верю, что мусор, который время от времени может встречаться тебе на жизненном пути, не вызовет у тебя ни уныния, ни растерянности, ни неверия в добро. Добро восторжествует, но истоки торжества добра — в человеке, в нас самих.

Доброго тебе здоровья, бодрости духа и радости. Обнимаю и целую тебя.

Твой отец

Добрый день, дорогой сын!

Как я рад, что тебя волнует все это: идеал, цель жизни, истина, красота. Давно я не помню у тебя такой «вспышки» интереса к этим проблемам. Рад, что мое письмо пробудило у тебя целый поток мыслей. Наверное, причиной такого яркого взлета является то, что перед тобой сейчас новые люди, ты каждый день познаешь самое чудесное, самое удивительное, что есть в мире, — человека. А познание человека — это повторное познание самого себя...

Я помню наш неоконченный спор накануне твоего отъезда на вступительные экзамены (помнишь, мы сидели в саду под грушей), и в самом напряженном месте нашего спора мама сказала: пора, через час поезд... Ты горячо отстаивал свое мнение: почва для рождения идеальных людей была в то время, когда все общественные силы распределялись по ярко противоположным полюсам: с одной стороны добро, с другой — зло. Было видно, за что и против чего надо бороться, где зло и где добро. А теперь не то: борьба за идеал сливается с повседневным трудом. Ты приводил пример: доярка надоила на тысячу литров больше, чем по плану, и о ней уже говорят, как о героине. Разве может так легко достигаться героическое? Не слишком ли часто награждается обычный труд — труд как обязанность, как условие существования — великим словом «подвиг»?

Твое письмо развивает эти твои мысли. Это очень сложные, тонкие вопросы. Особенно вопрос об идеальном. Прежде всего надо помнить, что идеальный — вовсе не значит без сучка, без задоринки. Человек всегда из плоти и крови, а не из железобетона. Я думаю, ты не откажешь Павке Корчагину в праве называться идеальным, а помнишь, что он сам говорил о себе? Вот его слова: «Но было немало и ошибок, сделанных по дури, по молодости, а больше всего по незнанию». Сам герой видел в себе недостатки, но не недостатки определяют главное в этом замечательном человеке. Самое главное в том, что на багряном знамени революции есть и его несколько капель крови.

Вот оно — идеальное. Оно измеряется человеческой страстью, накалом его борьбы за торжество правды, за победу революции. Мне навсегда запомнились слова

Эрнеста Хемингуэя: «Человек не для того создан, чтобы терпеть поражения... Человека можно уничтожить, но его нельзя победить». Но задолго до того, как сказал эти слова Эрнест Хемингуэй, мир услышал их из уст Павла Корчагина. И не только услышал слова. Увидел подвиг и изумился.

Представь себе, что на нашу жизнь, на наш будничный труд посмотрели бы люди, давно ушедшие из жизни, для которых справедливый социальный строй был далеким будущим, прекрасной, пленительной мечтой... такие, как Александр Ульянов, Степан Халтурин, Софья Перовская... Представь себе, что они увидели бы и подумали? Их сердца затрепетали бы от изумления. Само время наше, всю жизнь нашу они увидели бы как идеальное. Любой из этих героев сказал бы: вот жизнь, за которую я пошел на смерть.

Беда в том, что мы не чувствуем этого, забываем о том, в какое время мы живем. Героическое — в самих нас, в миллионах простых тружеников, которые и не помышляют быть героями и очень удивились бы, если бы им сказали, что они — герои. «Изменяются сами понятия: мне кажется, что в словах «простой человек», «рядовой труженик» есть какой-то оттенок пренебрежительного отношения к человеку. Нет простого человека! Наш современник — труженик, работающий в поле, на ферме, у станка — ой, далеко не прост он.

Багряное знамя революции... Его гордо несет над миром наш народ. Революция продолжается, революция приближается ныне к вершине преобразования мира — вот в чем смысл нашего времени, дорогой мой сын, и ты должен понять и почувствовать это. То, о чем мечтали лучшие люди прошлого, за что пошли на муки и на смерть, — мы осуществляем ныне своими руками. Мы строим коммунизм — понять и почувствовать это можно лишь тогда, когда каждый из нас увидит наши будни глазами тех, для кого коммунистический идеал, идеал добра и правды, был пленительной мечтой о счастье — мечтой осуществимой, но далекой... И вот та доярка, о которой ты говорил, — это действительно идеальный человек, герой. Она не совершает никакого подвига, но вся ее жизнь — подвиг. Ее капля крови — на багряном знамени революции.

Почему она героиня, почему ее жизнь — подвиг? Да

потому, что она своим трудом возвышает человека. Вдумайся, сын, в цель коммунистического строительства: во имя чего мы трудимся, намечаем и выполняем наши планы? Все во имя счастья человека. Коммунизм — это не что-то божественно-непостижимое, возвышающееся над безликой массой людей. Коммунизм — в самом человеке, в его счастье. Строить коммунизм — это значит создавать счастье каждому человеку, каждой семье, а это невозможно без счастливого общества. Счастье невозможно, просто немыслимо без материальных и духовных благ, богатств, ценностей. Доярка, создающая материальные ценности, заботится не только о материальном благополучии. Где есть материальное благополучие, там есть и богатая духовная жизнь: люди пишут поэмы и творят музыку, строят высочайшую в мире телевизионную башню и направляют объектив телескопа к далеким звездам. Если бы не труд простой, рядовой доярки, не было бы ни прекрасных песен Пахмутовой, ни симфонии Шостаковича, ни дерзкой мечты академика Амбарцумяна о рождении сверхновых звезд... Не было бы ни вуза, в котором ты учишься, ни того тихого вечернего часа, когда тысячи жителей столицы склоняются над интересной книгой, идут в концертный зал и в театр.

Она, доярка, понимает, что она — творец жизни. Вот в чем сущность идеального в простом, так называемом рядовом человеке. Вот в чем корень трудового творчества. Не было бы над миром нашего багряного знамени революции, если бы не тысячи и тысячи доярок и пахарей, шахтеров и металлургов. Идеальный человек — это не икона, не безгрешное существо, покрытое хрестоматийным глянцем...

Идеальное — в самой нашей жизни. Оглянись внимательнее вокруг, присмотрись к людям, постарайся увидеть не то, что на поверхности, а глубинное, внутреннее — и ты увидишь идеальное. Жалок тот, кто живет без идеала, писал И. С. Тургенев. Действительно, жизнь была бы беспросветным прозябанием, если бы перед человеком не сияла его путеводная звезда — идеал.

Желаю тебе, мой сын, доброго здоровья и бодрого духа. Крепко целую тебя.

Твой отец

Добрый день, дорогой сын!

Получил твое письмо. Наконец, начались твои занятия. Ты с восторгом пишешь о богатых кабинетах по радиофизике и электронике. Меня радует, что ты утверждаешься в своем призвании. Если ты уверен и жизнь подтвердит это, что радиофизика — твое любимое дело, значит, ты будешь счастливым человеком. Но призвание — это не что-то приходящее к человеку извне. Если бы в средней школе, начиная, наверное, со второго класса, ты не сидел над схемами радиоприемников, если бы не трудился — вряд ли появилось бы это призвание. Призвание — это маленький росточек таланта, превратившийся в крепкое, могучее дерево на благодатной почве трудолюбия. Без трудолюбия, без самовоспитания этот маленький росток может засохнуть на корню.

Найти свое призвание, утвердиться в нем — это источник счастья. Есть у Марка Твена интересный рассказ. В нем говорится: на том свете нет ни ангелов, ни святых, ни божественного ничегонеделания, а живут люди в раю такой же трудовой жизнью, как и на грешной земле. Отличается рай от земли только одним: там каждый занимается делом по своему призванию. Безвестный на земле сапожник становится после смерти знаменитым полководцем, а бездарный при жизни, но обладающий каллиграфическим почерком генерал довольствуется в штабе скромной ролью писаря. Писатель, надоевший читателям нудными, никому не нужными романами, находит свое истинное призвание в профессии токаря по металлу. Человек, случайно попавший в педагоги, всю жизнь мучивший и себя и учеников, оказывается прекрасным бухгалтером.

Я не один раз перечитывал этот замечательный рассказ. Хорошо было бы добиться такого положения уже на этом свете. Но, к сожалению, очень часто бывает совершенно по-другому.

В чем высшее наслаждение жизни? По-моему, в творческом труде, чем-то приближающемся к искусству. Это приближение — в мастерстве. Если человек влюблен в свой труд, он стремится, чтобы и в самом процессе труда, и в его результатах было что-то красивое. Я уже писал тебе о нашем садоводе и лесоводе Ефиме Филипповиче. За всю свою жизнь я встретил не больше

двадцати таких людей, как он. Изумительный это человек; в мастерстве труда, своего дела я без какого бы то ни было преувеличения сравниваю его со Станиславским и Пластовым, с Шостаковичем и Алексеем Улесовым (я расскажу тебе об этом человеке). Он лепит, творит, создает дерево, как Станиславский создавал образ, как Пластов творит жизнь на куске холста. Я видел, как он несколько раз осматривает со всех сторон маленький дичок, приглядываясь, находя ту, как он говорит, единственную точку, где надо произвести прививку. Находит эту точку, появляется маленький росток, и с этого времени начинается то великое колдовство труда, благодаря которому человек становится гордым творцом, художником, поэтом в своем деле. Ефим Филиппович творит древесную крону удивительной красоты. Чтобы научиться этому, познать это — надо поработать рядом с ним не один год. И это будет познание человека, постигновение красоты, искусства. В этом труде — великое счастье бытия. Станиславский так говорил об этом: «В чем счастье на земле? В познании. В искусстве и работе, в постигновении его. Познавая искусство в себе, познаешь природу, жизнь мира, смысл жизни, познаешь душу — талант. Выше этого счастья нет».

Познавая искусство (красоту) в себе — заметь это, сын. Трудясь, работая, познавать красоту в самом себе — вот настоящий труд. Я среди тысячи трехлетних саженцев всегда найду один-единственный, выращенный руками Ефима Филипповича. Все его деревья устремлены к солнцу. Ветви расположены в кроне его дерева так, что солнце играет на каждом листочке, листья не затеняют друг друга.

— Как вы это делаете? — спросил я однажды у Ефима Филипповича.

— Мудрость человеческая — на кончиках пальцев, — ответил он. — Я начал трудиться с трех лет. И вам советую так воспитывать школьников. Каждый должен быть господином в своем деле — вот чего еще нельзя забывать. Если бы я стал учиться на инженера, или на врача, или на учителя — ничего не вышло бы из меня. Получился бы человек, зарабатывающий на хлеб насущный... Надо, чтобы в каждом человеке разгорелась его искра божья, — вот тогда и получится настоящий человек.

Призвание творит тот, кто творит человека, — люди, воспитывающие его. Но и сам хозяин задатков творит свое призвание. Ты любишь музыку Баха. Так вот, в роду Иоганна Себастьяна Баха было 58 музыкантов. Прадед музыкант, дед музыкант, отец музыкант... Даже браки заключались внутри этого рода. Что же, получается так, как будто бы уже при рождении было предопределено: человек этот будет композитором или выдающимся исполнителем? Да, но природа разрешает стать композитором примерно 80 процентам всех родившихся. Становятся же ими единицы. Почему это так? Почему все-таки в роду Баха было 58 выдающихся музыкантов? Потому, что эти люди сами творили свое призвание. Потому, что первым впечатлением жизни каждого ребенка в этом роду была музыка; первой красотой, признанной в окружающем мире, — музыкальная мелодия; первым удивлением, изумлением было удивление, изумление перед музыкой; первой гордостью, пережитой человеком, — гордость наслаждения красотой музыки, гордость творения, создания музыки.

Человек — господин своего призвания. Я без особого энтузиазма отношусь к твоим восторгам; ах, какое счастье стать радиофизиком: ах, как я люблю радиофизику. Любить можно то, чему уже отдал частицу своей души. Это очень хорошо, что ты относишься с интересом к радиофизике, но помни, что это еще только интерес. Призванием же становится интерес, помноженный на труд. И множимое всегда бывает во много раз меньше, чем множитель, лишь тогда производное — солидная величина. Я хочу тебе кое-что посоветовать. Наука развивается ныне стремительными темпами. Если хочешь быть хорошим специалистом в своем деле, внимательно следи за новинками в области радиофизики. То, что дают на лекциях, — лишь незначительная часть знаний, нужных тебе как воздух. Установи сам себе вот какое правило: ежедневно, буквально ежедневно — и в праздник, и в выходной — прочитывать и штудировать хотя бы пять страниц из научных журналов по радиофизике и смежным наукам — электронике, астрофизике, космической биологии и др. Я еще раз повторяю: делать это надо ежедневно.

Я не случайно употребляю слово «штудировать». Студент должен штудировать (по-украински более удачное слово: студиювати). Это значит глубоко осмыс-

ливать, трансформировать факты и выводы в своем сознании, только после осмысления записывать в рабочую тетрадь. Не переписывать из научной статьи или учебника, а записывать то, что у тебя уже отложилось в сознании. Чем больше ты будешь углубляться мысленно в предмет, который ты считаешь своим призванием, тем в большей мере он будет твоим призванием.

И еще один совет. В любой специальности есть теоретическое штудирование и практическая работа, творчество. А по радиофизике практическая работа может быть особенно интересной. Пользуйся малейшей возможностью потрудиться в лаборатории, в мастерской. Монтируй радиоприемники и действующие модели, управляемые по радио, продолжай делать то, что делал в школе, но в более сложном виде. И никогда не удовлетворяйся посредственным результатом. Стремись к совершенству — в этом путь к воспитанию призвания. Не получилось первый раз — делай заново, не гнушайся самой простой, черновой работы. Тренируй, упражняй руку. Добивайся, чтобы рука твоя была важнейшим инструментом, орудием мастерства. У меня есть интересная статья о руке, о ручном труде — высылаю тебе эту статью одновременно с письмом. Хочется, чтобы у тебя эта статья пробудила такое же чувство изумления, как у меня. Наукой доказано, что человеческая рука может находиться в тысяче миллиардов «рабочих положений», связанных с творческим трудом, и каждому из этих положений соответствует своя мысль. Вот в чем секрет красоты труда, творчества, подлинного призвания — в мастерстве руки. Если хочешь быть настоящим инженером — сделай руку творцом, поэтом.

Прошу тебя, посмотри, нет ли в книжных магазинах чего-нибудь нового по психологии труда, творчества. Если есть — купи и пришли.

Желаю тебе крепкого здоровья и бодрого духа. Обнимаю и целую тебя.

Твой отец

Добрый день, дорогой сын!

Я очень рад, что ты в своем последнем письме споришь со мной. Хорошо, просто замечательно. По-видимому, проблема призвания — одна из самых волнующих проблем. Ты обвиняешь меня в переоценке роли

воспитания и самовоспитания и в недооценке того, что дано человеку природой. Да, Бетховен уже в пятилетнем возрасте писал свои музыкальные произведения. Но это объясняется в первую очередь исключительно благоприятными условиями, в которых проходило детство Бетховена. Попади он в обстановку, где нет никаких музыкальных инструментов, где люди не знают, что такое мелодия, — никогда бы в нем не родился музыкант. Я уверен, что в тысячах людей пока еще глохнут задатки, данные природой; тысячи людей могли бы стать выдающимися учеными, поэтами, композиторами, если бы их детство проходило в условиях, благоприятствующих рождению таланта. В том и заключается высокий гуманизм коммунистического идеала, что ни один задаток при коммунизме не останется неразвившимся, все задатки будут расцветать, развиваться в таланты. Именно коммунизм ставит своим идеалом то, чтобы каждый человек стал талантливым тружеником, талантливым творцом. Талантливый слесарь, талантливый электросварщик, талантливый агротехник, талантливый свиновод — вот идеал коммунистического воспитания, и я глубоко верю в этот идеал. Я знаю людей, ставших талантливыми тружениками как раз потому, что воспитание раскрыло в них живинку, заложенную природой. Коммунизм — изумительная гармония природного и общественного в человеке. Воспитание может быть разумным только тогда, когда оно основывается на задатках, данных природой. Я люблю свой педагогический труд как раз за то, что главное в нем — познание человека. Воспитывая, я прежде всего познаю человека, рассматриваю те многочисленные грани его души, в которых где-то таится то, что из человека выйдет, если к этим граням умело прикоснуться и отшлифовать их. Видение граней неисчерпаемой человеческой души — это и есть мастерство воспитания. Вот передо мной ребенок, которому с трудом дается математика, нелегко ему изучить и грамматику, нет у него ярко выраженных ни математического, ни художественного мышления. Но что же у него есть? Есть, как и у каждого человека, неисчерпаемая душа с той не замеченной, не увиденной мною гранью задатка, в которой таится его счастье, его будущее, — если воспитатель откроет и отшлифует эту грань. Он может стать талантливым механизатором, талантливым хлеборобом, талантливым столяром —

сумей только открыть его единственную грань. Я твердо верю: наступит время, когда не будет в нашем обществе ни одного бесталанного, недоучившегося, разочаровавшегося в жизни человека. В каждом будет открываться его светлая грань. Это пока еще мечта, но это будет, я твердо верю в могучую силу воспитания.

Я знаю людей, влюбленных в самый, казалось бы, простой, ничем не примечательный труд, они стали в этом труде поэтами, художниками, достигли вершины творчества — и все это именно благодаря тому, что их жизнь озарена счастливой гармонией того, что дала природа, и того, что дало воспитание. Я лично знаком с выдающимся человеком нашей страны, дважды Героем Социалистического Труда Алексеем Улесовым — строителем, электросварщиком.

— Потянуло меня на стройку мальчишкой, — рассказывает он. — Хотелось стать слесарем. И все-таки не стало слесарное мастерство моим, кровным. Увидел, как варит товарищ огненной сваркой шов, — и, как завороженный, ходил за ним следом: «Научи». Научился. Строил я и города на Севере, и гидроэлектростанции. Стоит только раз в жизни ощутить счастье того, что ты творец на земле. Стоит разок увидеть, как вырастают и заселяются твои дома, как твоя электростанция, твой первый агрегат дадут ток. Для меня это — великое счастье жизни...

Или другой мой товарищ — знаменитый животновод нашей страны Станислав Иванович Штейман. Вот что рассказывает он о своем труде.

— Мне никогда не приходилось летать, лазить по горам, плавать по морю. Большую часть своей жизни провел я на скотных дворах и в телятниках. Но когда вспоминаю прожитую жизнь и работу, мне кажется, что подобно путешественнику, я не раз пробирался неведомыми тропами, не зная, что ждет меня за поворотом, не раз я чувствовал себя альпинистом, который взбирается на могучие вершины...

Вдумайся в эти слова. Это говорит бывший батрак — пастух, жизнь у него сложилась так, что за школьной партой он ни одного дня не учился, и только благодаря настойчивому труду стал выдающимся ученым, доктором наук, человеком, которому удалось вывести новую, так называемую костромскую породу ко-

ров. Всю свою жизнь он безвыездно проработал в совхозе «Караваево».

Вот тебе еще одно подтверждение того, что человек — творец своего призвания. Только через труд лежит путь к мудрости, творчеству, науке.

Утверждать в себе призвание — это значит что-то делать, что-то создавать, а не заучивать готовые истины, не копаться в своих чувствах, пытаясь найти ответ на вопрос: нравится ли мне эта работа или не нравится? Нравится человеку то, во что он вложил частицу своей души, — это самое главное. Еще раз советую тебе: никогда не пренебрегай самым простым, самым черным, грязным трудом — с него начинается творчество.

До свидания, дорогой сын. Желаю тебе доброго здоровья и бодрого духа.

Твой отец

Добрый день, дорогой сын!

Получил от тебя маленькое письмецо, отвечаю таким же маленьким. Ты просишь денег на транзисторный радиоприемник, сорок пять рублей. Пишешь, почти у всех студентов есть транзисторы.

Денег на нужную вещь никогда не жалко, но транзистор покупать я тебе просто запрещаю. Вот почему. Транзисторы становятся всенародным бедствием. Помнишь, я приезжал к тебе, мы были в сквере. Прекрасный парк, море зелени, но птиц нет. Их изгнали транзисторы. И днем и ночью под каждым кустом раздаются воющие, стонущие, завывающие звуки. Каждый стремится перекричать других, блеснуть своим транзистором. Нет ни тишины, ни музыки природы. (Ты знаешь, что это такое? Это шепот листвы; в ясный солнечный день деревья поют одну мелодию, в ветреную погоду — другую, перед грозой тишина тоже поет...) Скоро и в селе маленькие леса будут завоеваны транзисторами. Однажды я пошел в лес в воскресенье послушать музыку природы. Только лег на траву — слышу завывание джаза...

Ты хорошо играешь на баяне — неужели тебе теперь не хочется в свободную минуту поиграть? Или учись на скрипке играть — ведь у тебя прекрасный слух. Покупай скрипку, учись. А о транзисторе забудь. Для го-

родских жителей среднего и пожилого возраста эти маленькие ящички стали проклятием: нельзя окно открыть — сразу же врываются стонущие, хрипящие звуки. Отказаться от транзистора надо хотя бы во имя уважения к людям. Представь себе, в воскресенье тысячи людей направляются на прогулку в лес, в парки. Что было бы, если бы у всех были транзисторы? Отдых превратился бы в ад. Не надо вносить свою лепту в это превращение.

Меня очень беспокоит потребительское отношение некоторой части нынешней молодежи к духовным ценностям, особенно к музыке. Не хотят учиться играть на скрипке или на кобзе, не хотят петь. Довольствуются музыкой, записанной на пленку. Нажал кнопку — и музыка есть, не надо учиться, не надо думать. Так легко дойти до полного отупения.

Летом, как приедешь, пойдем слушать музыку природы: музыку солнечного летнего дня, музыку вечерней зари, музыку звездной июльской ночи, музыку грустного листопада. Неужели ты забыл песню жаворонка, которую мы ходили слушать в поле всем классом?

Посылаю 45 рублей. Купи скрипку, самоучитель. Не будешь жалеть. Если не хочешь учиться играть на скрипке, купи на эти деньги книги по искусству. Не прозевай первого тома «Истории украинского искусства», скоро должен выйти из печати.

Желаю доброго здоровья и бодрого духа. Обнимаю и целую тебя.

Твой отец

Добрый день, дорогой сын!

Меня очень встревожило твое последнее письмо. Слишком уж оптимистично ты смотришь на свое учение. Оно почти еще и не началось, а ты уже делаешь выводы: в вузе учиться значительно легче, чем в средней школе; есть возможность самостоятельно сосредоточиться над материалом, нет того повседневного опроса, который взрослых людей превращает в мальчишек...

Не спеши с выводами, сдай первые зачеты и экзамены. Пойми простую истину: если ты хочешь стать настоящим — творческим, думающим специалистом, то

учение в вузе — адски трудное дело. Здесь нет абсолютно ничего легкого. Если школьное учение — это лишь азбука науки, то в вузе ты открываешь одну за одной страницы великой книги науки и постигаешь их. Я еще раз напоминаю тебе, что студент должен штудировать. Не учить уроки, а овладевать наукой.

Прежде всего ты должен понять, что слушание лекции не такое легкое дело, как кажется с первого взгляда. Перед тобой — ученый, излагающий систематический курс науки или ее отрасли. Надо постигнуть не только научные истины, но и взгляды ученого, его убеждения, почувствовать школу, к которой он сам себя относит. Из множества лекций надо осмыслить ведущие, главные идеи, красную нить его убеждений.

Очень большое умение — умение слушать ученого. Мы стремимся дать первые навыки слушания уже в средней школе, но мы связаны строгой системой уроков, системой постоянного учета знаний. Другое дело в вузе. Там у студента есть возможность слушать и одновременно думать, размышлять, рассуждать. Вот этому умению и надо учиться. Одновременно слушай лекцию, записывай и в то же время рассуждай, думай, размышляй. Я советую в конце тетради (для конспекта) отвести несколько страниц специально для вопросов, для собственных рассуждений, размышлений. Можно свое записывать и в тексте конспекта, как-то выделяя собственные мысли (можно краткими строчками, в половину страницы).

Без рассуждений, размышлений слушание лекций превращается в механический процесс, а студент — в «живое устройство» для запоминания. Бойся как огня этой опасности. Бездумное заучивание лекций отупляет, но опасность не только в этом. Если студент только записывает, потом заучивает и воспроизводит, то есть сдает предмет, отвечает на вопросы, если в его умственном труде больше ничего нет — для него становится непосильным умственный труд в вузе, память его становится «дырявой». Где зубрежка — там и шпаргалка. Это самое страшное, это гибель для творческого разума. Прибегающий к шпаргалкам обрекает себя на ограниченное скольжение по поверхности фактов и явлений, превращает сам себя в ленивое, малоразвитое существо. Шпаргалки в вузах — это дитя лени мысли. Они как раз и появляются в результате того, что человек не рас-

суждает, не размышляет; у него нет ничего непонятного, он стремится запомнить, запомнить, запомнить...

В наши дни трудно работать, не соприкасаясь повседневно с наукой. Где бы тебе ни пришлось трудиться — на заводе или в лаборатории, в научно-исследовательском институте или в средней школе, — никогда не забывай, что наука входит в наши дни в быт, в повседневную жизнь общества. Если же ты поставишь перед собой цель стать ученым, знай, что ты возлагаешь на свои плечи труд во сто крат тяжелее любого другого труда. Каждый день, буквально каждый день, от юности до последнего дыхания, в течение нескольких часов твоим собеседником и наставником должна быть книга. Ученым готовятся стать уже со школьной скамьи, студенческая скамья — это уже время первых опытов научного исследования. Книга, книга и еще раз книга — вот что навсегда должно войти в твою духовную жизнь. От многого надо отказаться, многому надо себя заставлять. Я работаю четырнадцать, а то и шестнадцать часов ежедневно — ты это прекрасно знаешь. Если хочешь стать ученым, готовь себя к этому. И готовить надо не когда-то, а сегодня. Наука требует не только ума, но и большого мужества, трудолюбия, терпеливости. Будь же мужествен, трудолюбив и терпелив.

Желаю тебе крепкого здоровья и бодрого духа.

Твой отец

Добрый день, дорогой сын!

Мне пришлось быть невольным свидетелем того, как один твой товарищ, читая конспект по диалектическому материализму, спросил у другого: как это понять — познаваемость мира? Меня поразил скучный, какой-то вымученный ответ. Чувствовалось, что ни у кого нет интереса к философии. Тут же мне вспомнился вечер тридцать лет назад, когда мы, четыре студента факультета языка и литературы, четыре первокурсника, горячо спорили как раз по этому вопросу — о познаваемости мира...

Откуда эта инертность, это безразличие к интереснейшим проблемам? Почему научные истины не тревожат душу, не волнуют сердце? Эти вопросы не дают мне покоя. Я хочу рассказать тебе одну очень поучи-

тельную жизненную историю. Это повесть о судьбе молодой женщины, лет десять назад окончившей один из институтов нашей республики. Эта повесть поучительна в том смысле, что она показывает, до какой степени духовной опустошенности может дойти человек, если знания не затрагивают его душу, не волнуют его сердца, не становятся для него священными, дорогими, родными.

...Я беседую с тридцатилетней женщиной. У нее красивое, умное, одухотворенное лицо. Она рассказывает о своей нелегкой жизни, которая с первого взгляда может показаться странной, уму непостижимой в наши дни, в нашей стране.

— Выросла я в честной, трудолюбивой, строгой семье. Мать и отец — глубоко верующие люди. Мой духовный мир в годы ранней юности был очень похож на духовный мир Екатерины — героини «Грозы» Островского. Та же восторженность, но восторженность замкнутая, нелюдимая... та же чуткость, тонкость, впечатлительность... Мы проходили в школе «Грозу»... Да, проходили, — глубоко вздохнув, повторяет она. — Я прочитала драму, как говорится, в один присест. Прочитала, затаив дыхание. Это было для меня настоящее откровение. Я как будто встретилась с живым человеком. Захотелось поделиться с ним своими думами и тревогами. Катерина пробудила во мне целый вихрь мыслей и чувств. Ведь я так же чистосердечно верила в бога, как она. Верила в то, что бог все видит и все знает. И вот трагическая гибель Катерины заронила в мою душу искру сомнения: почему человек должен был погибнуть, чтобы доказать свою правоту? Почему это так получается, что с именем бога на устах творят зло страшные люди?

Да, я верила в бога. И мать и отец — верующие и честные люди. А с точки зрения иных человековедов — и лекторов, и педагогов, и писателей, — такое сочетание немыслимо. Уж если человек верующий, полагают они, то в нем есть хотя бы маленький кусочек подлеца, ханжи или изувера. Об этом не говорят откровенно, но это чувствуется между строк. И я чувствовала это в словах учителя — такое вот снисхождение к Катерине: что же, заблуждалась она, но что с нее спросишь, в такое время жила... Возмутило меня это снисхождение. Чувствовала, что это и ко мне снисхождение. И к матери мо-

ей, и к отцу. Между строк рассказа учителя чувствовалось во всех, кто верит в бога, есть микроскопический кусочек дурака. Честного, может быть,— в смысле честно заблуждающегося, но все же дурака. А я не чувствовала себя дурой. Не хотелось быть дурой, вот что...

Вы знаете о моей судьбе то, что в глазах многих людей выглядит странным, чуть ли не диким. Окончила среднюю школу, поступила на естественный факультет, блестяще окончила вуз (так считали, исходя из оценок в дипломе) и... пошла в монастырь. Да, монахиней стала. Монашкой.

Многие считали меня ханжой, не верили в искренность моих религиозных чувств. В самом деле, рассуждали многие, знавшие меня по вузу, разве могут быть совместимы эти вещи — естественный факультет и религия, отличные оценки по дарвинизму и вера в бога; научно-материалистическое воспитание, которое, все так считают, заключено уже в самом факте окончания вуза, и монастырь... Да, многие считали меня лицемером. Диким считали вообще тот факт, что в век космоса человек с высшим образованием верит в бога... Кое-кто считал, что у меня была какая-то личная трагедия, неудачная любовь... и в этом причина...

Но все это не так. Может быть, это кому-то покажется непостижимым, чудовищным, но на уроках по дарвинизму в школе, на лекциях по естественному циклу дисциплин в вузе как раз и крепла *моя* вера в бога.

Как же это понимать, спросите вы. А вот в чем дело. Теперь, после двухлетнего пребывания в монастыре, после того, как за монастырскими стенами я поняла сущность религиозного мировоззрения и религиозной морали и стала атеистом, я могу говорить об этом как исследователь. Дело в том, что в средней школе, и в вузе я была каким-то живым механизмом для запоминания и воспроизведения знаний. Из урока в урок, из лекции в лекцию — научные истины о веществе, о сложных биохимических процессах, о возможности жизни на далеких звездных мирах, о происхождении Вселенной. Но все это — для чего? Для того, чтобы запомнить, сохранить в памяти и — ответить, ответить, выложить знания, получить оценку. Выработался какой-то стиль мышления, стиль всей духовной жизни — стиль очень страшный; накоплять знания для того, чтобы, удержав их в голове до нужного момента, *освободиться от*

знаний. И я, отвечая учителю в школе и профессору в вузе, освобождалась от знаний, чувствовала облегчение, готовилась усваивать новые и новые порции знаний.

Все, что усваивалось, как-то скользило по поверхности сознания. Не затрагивало личности. Не было в словах учителя и профессора обращения ко мне лично: подумайте, взвесьте, убедитесь, переживите, прочувствуйте, присмотритесь к окружающему миру и к человеку.

Теперь я могу судить о той роли, которую могла сыграть в моей духовной жизни литература — единственный в средней школе предмет по человековедению. Ведь это должен быть, по-моему, совершенно не такой предмет, как другие. Должен быть на уроках литературы разговор с человеком о человеке, а не та же порция знаний, которую надо давать, чтобы через какое-то время освободиться от них, получив отметку... Я сейчас твердо убеждена, что, если бы, истолковывая Катерину в «Грозе», учитель обратился ко мне, если бы он сумел понять, в чем я нуждаюсь, что творится в моей душе, если бы одухотворил меня мыслью, что высшее человеческое счастье — в борьбе за счастье на земле, что эта борьба посильна и доступна каждому человеку, — моя жизнь пошла бы по совершенно другому пути, не были бы безвозвратно потеряны годы юности. Я не специалист, не могу судить, как надо преподавать литературу, но понимаю, что эти уроки должны быть познанием человека. Познанием самого себя.

В школе по существу не было человековедения, я изголодалась по человековедению. Теперь я с удивлением спрашиваю знакомых мне преподавателей литературы: почему в программах средней школы нет ни одного произведения Достоевского? Почему нет Короленко, нет таких тонких знатоков души, как Гаршин, Глеб Успенский, Куприн, Салтыков-Щедрин, Паустовский, Пришвин? Почему не изучаются даже не рекомендуются для внеклассного чтения те произведения Толстого и Чехова, в которых, можно сказать, обнажаются человеческие горести и страдания — ведь это помогает познать мир человека? Почему не изучаются «Дон Кихот» и «Фауст»? Как можно представить воспитание человека без «Дон Кихота» — этой энциклопедии добра, глубокого мира страстей, дум, порывов?..

Атеисткой меня сделало там, в монастыре, чтение религиозных книг и — думание. Я стремилась найти в «божественных» книгах возвышение человека. Но с ужасом все больше убеждалась, что религия унижает человека, низводит его к пылинке, к праху, к ничтожеству. Тогда я стала по-настоящему **вдумываться** в то, что изучалось в средней школе и в вузе; я мысленно страницу за страницей повторяла биологию, физику, химию, историю, литературу, диалектический и исторический материализм. Все было для меня откровением, ко всему я как будто впервые прикасалась, все стало входить в душу. Вспомнился рассказ о Джордано Бруно. Был серый дождливый день, я сидела в монастырской беседке, «повторяла» мысленно уроки истории. И вдруг мир озарился передо мной ярким сиянием солнца. Я как бы увидела многотысячную толпу римлян, с праздным любопытством глазеющих, как ведут на казнь человека, осмелившегося утвердить, что мир не такой, как учит слово божие. До того четкой, зримой, ощутимой представилась эта картина, что я встала, вышла на аллею, поднялась на холм, с которого открывался чудесный вид на реку, на город, — захотелось видеть мир, жизнь, любоваться жизнью. Я гордилась подвигом Джордано Бруно. Вот он, настоящий бог. Если и молиться, то перед ним. Я засмеялась. Засмеялась вот почему: сравнила два образа — вечный страдалец боженька, повелевающий терпеть и надеяться на воздаяние в мире ином, и гордый борец Джордано Бруно. Каким жалким, ничтожным показался мне бог! Стало жалко бога, и я засмеялась.

Я почувствовала в себе человеческую гордость. Все, что я читала в школе, в монастыре было переосмыслено. К сожалению, дорого мне стоило это слишком позднее самостоятельное переосмысливание. Годами юности пришлось заплатить за то, что я вынуждена была открывать в двадцать пять лет то, что должна была открыть в шестнадцать, в восемнадцать лет. Самое главное, что я должна была открыть в художественных произведениях в годы ранней юности, и не открыла, — это величие человека.

Разрыв с религией у меня не был таким мучительным и болезненным, как это обычно изображают. У меня он был радостным. Я как бы второй раз родилась... Сказала игуменье, почему ухожу. Она поняла, насколь-

ко опасны мои взгляды для ее «стада», и торопливо выпроводила меня. В тот же день я написала письмо любимому человеку... Он глубоко страдал, переживал как несчастье мой уход в монастырь. Получив мое письмо, примчался как на крыльях. Мы поженились. Я счастлива. У нас сын...

Вот исповедь молодой женщины. Я не один день думал над этой изумительной судьбой, подумай и ты. Подумай, что надо делать, чтобы научные истины волновали, тревожили юные сердца. Напиши, что ты думаешь и об удивительной судьбе этой молодой женщины, и о том, что некоторая часть молодежи равнодушна к книге, к науке, к коммунистическим идеям — почему это?

До свидания, дорогой сын. Мы уже ждем тебя на зимние каникулы. Обнимаю и целую тебя. Желаю доброго здоровья и бодрого духа.

Твой отец

Добрый день, дорогой сын!

Ты прав: пустота души начинается с того, что в годы ранней юности человек больше учит, заучивает, чем думает. «Бывает так, что некогда даже задуматься над сущностью научной истины, — пишешь ты, — надо учить, учить, учить...»

Да, это, к сожалению, так... Но почему ученик и студент не задумываются над сущностью идей уже в те мгновения, когда учитель излагает знания? Почему могучая духовная сила — правда наших идей, величие научных истин — почему все это зачастую не доходит до человеческого сердца? Девушка ушла в монастырь, ее поступок кажется нам странным, удивительным. Но почему нас не удивляет, не тревожит то, что многие уходят от великой правды и красоты наших идей, от эстетических ценностей, от человеческой красоты в пивную, на сомнительные увеселительные вечера — почему?

Очеловечивание знаний, одухотворенность преподавания благородными, возвышенными чувствами — это, на мой взгляд, проблема номер один и в школьном, и в вузовском воспитании. Век математики, слышишь на каждом шагу, век электроники, век космоса. Все это неплохие крылатые выражения, но они не отражают всей

сущности того, что происходит в наши дни. Мир вступает в век Человека — вот что главное. Совершенно недопустимой, просто глупой является тенденция, почему-то усиленно культивируемая в последнее время: тот, кто не имеет больших математических способностей, считается вроде бы неполноценным — несчастным, обездоленным существом. Если бы я назвал процент членов общин секты христианских евангелистов-баптистов, имеющих среднее и высшее образование, окончивших естественные факультеты и техникумы, кое-кто серьезно задумался бы, как назвать наш век — век математики или век Человека?

Ты стремишься стать хорошим инженером — это очень важно. Но надо стремиться прежде всего стать человеком — это еще важнее. Больше, чем когда бы то ни было, мы обязаны сейчас думать о том, что мы вкладываем в душу человека. Меня очень тревожит, что с окончанием средней школы для большинства студентов прекращается гуманитарное образование... Я имею в виду широкое гуманитарное воспитание молодежи — воспитание эмоционально-эстетическое, воспитание тонкости и красоты чувств, воспитание впечатлительной натуры, отзывчивого, тонкого сердца. Почему товарищи, с которыми ты живешь, так равнодушны друг к другу, почему им безразлично, что делает и что думает человек, живущий рядом с тобой? Почему человек вообще не стал для каждого молодого человека важнейшим объектом познания, почему именно познание человека не стало для вас, мои юные друзья, самым интересным познанием? Все это кроется в примитивности эмоционально-эстетического воспитания.

Предотвращать пустоту души, убогость духовных интересов должен не только кто-то, но и сам молодой человек, каждый из вас. Я уже писал тебе о том, что, слушая лектора, читая книгу или научный журнал, нужно осмысливать, вдумываться в идеи, нужно строить в своем сознании каркас знаний. Коммунистические идеи станут для тебя святыми, священными при том условии, когда, познавая мир, ты соотносишь научные истины с самим собой, со своей судьбой, со своей личностью. Вот по диалектическому материализму вы изучаете сейчас познаваемость мира. Казалось бы, это чисто теоретический вопрос, не очень близкий к практике. Но на самом деле — это самая сущность нашего материального

благополучия и полноты духовной жизни. Познание окружающего мира — во имя счастья человека. Слушая лекции о познаваемости мира, ты думай о своей практической работе, о том, какой вклад своими знаниями, своим трудом ты внесешь в материальное и духовное богатство нашего народа. Думай и о том, какую радость принесет тебе проникновение в тайны природы, познание мира, объяснение непознанного. Намечай себе план самообразования на всю жизнь: ведь через 10—15 лет после окончания вуза добрую половину научных знаний будет составлять совершенно новое, то, что ты не изучал.

И гуманитарное, человеческое образование — это тоже процесс самовоспитания. Воспитывай в себе Человека — вот что самое главное. Инженером можно стать за 5 лет, учиться же на человека надо всю жизнь. Воспитывай в себе человеческую душу. Самое главное средство самовоспитания души — красота. Красота в широком смысле — и искусство, и музыка, и сердечные отношения с людьми. Об этом нам надо будет еще много, очень много говорить.

Я спешу сейчас — заканчиваю подготовку к печати рукописи о системе учебно-воспитательной работы в школе.

Обнимаю и целую тебя. Желаю крепкого здоровья и бодрого духа.

Твой отец

Добрый день, дорогой сын!

Твое письмо очень встревожило меня. Сейчас я только и думаю об ужасном преступлении молодых людей, о которых ты пишешь. Два молодых рабочих и студент убили человека... Убили просто так, как будто бы от нечего делать, затеяв ссору из-за пустяка.

Факт, о котором ты пишешь, заставляет еще и еще раз вдуматься в воспитание молодежи и школьников, вдуматься в духовную жизнь молодых людей. Половину населения нашей страны составляют люди до 26-летнего возраста — вот о чем надо помнить и говорить, но говорить не с умилением, а с тревогой. Мне не дает покоя то, что люди, окончившие среднюю школу (или ушедшие из школы раньше — из 8-го класса), совершенно выпадают из-под воспитательного влияния умных, настоящих воспитателей. В институтах и техникумах, за

немногим исключением, воспитательная работа, по существу, не ведется. А необходимость в этой работе очень велика. Я располагаю совершенно точными данными, кричащими о том, что число тягчайших преступлений среди молодежи (убийства, разбой, ограбления, насилия) во многих местах угрожающе растет. Мы не имеем права молчать об этом. Если не будет улучшено воспитание, мы наплачемся с математикой, электроникой и космосом. Мы не имеем права умалчивать о том, что вырастают тысячи и тысячи молодых людей, для которых убить человека — все равно что задавить муху...

Что это такое? Разве можно об этом молчать или говорить спокойно? Как же можно говорить о строительстве коммунизма, если есть у нас такие люди? Когда видишь, что суд приговаривает к расстрелу 20-летнего юношу, убившего человека, у которого убийца нашел в кармане три рубля и в тот же вечер выпил на эти деньги бутылку водки (такой случай был в Кременчуге), — нисколько не становится легче от того, что наша молодежь в общем и целом прекрасна, что среди нашей молодежи тысячи и тысячи героев...

Никакая математика, никакие счетные машины не могут измерить наши потери, понесенные из-за равнодушного отношения к моральному воспитанию молодого поколения. Если бы товарищи, ратующие за еще больший крен общеобразовательной школы в сторону математики и физики, прочитали письма матерей, чьи 18—20-летние сыновья осуждены как преступники, они бы поняли, какая грозная опасность во всех этих вещах для нашего общества, для нашего строя. Не меньше, чем и от того факта, что девушка, окончившая естественный факультет, получив диплом, ушла в монастырь...

Нельзя молчать и о том, что среди молодежи вырабатывается позорная привычка: прежде чем идти в клуб, на танцы или на стадион, надо выпить. Пьянство становится бедствием — это не красное словцо, а горькая и обидная истина, горечь которой нисколько не облегчается, а, наоборот, усугубляется тем, что советский человек побывал в космосе и собирается лететь к Луне...

Месяца два назад мне пришлось побывать в зале заседания народного суда. Слушалось дело девятнадцатилетнего парня, учинившего дебош на танцевальной площадке. Когда судья спросил у подсудимого: «Ваша специальность?», он ответил: «Хулиган». Ответил с вы-

зовом, надеясь показаться храбрым, но получилось не так. В этом слове, произнесенном нарочито громким тоном, чувствовалась горечь... Преступники у меня вызывают прежде всего чувство жалости. Жалко гибнущего человека. Закипает возмущение против тех, кто погубил человека. А повинны прежде всего воспитатели — я в этом твердо убежден,— воспитатели в широком смысле: отец, мать, учитель, пионерская и комсомольская организации. Повинны за те годы, когда человек был ребенком и подростком, когда из него можно было лепить что угодно. Я тысячу раз убедился, что корни преступности уходят в детство и отрочество. Главный столбовой корень — эмоциональная и эстетическая толстокожесть, бессердечное, равнодушное отношение ко всему живому и прекрасному. Мальчик, безжалостно уничтожающий цветочную клумбу, ломающий деревце, тиранящий котенка или щенка, — это потенциальный преступник. Бессердечное отношение к живому и прекрасному уже заложило в его душе корень преступности. От безжалостного отношения к живому и прекрасному вообще до бессердечности к человеку — один шаг. В человеческой душе заложен самой природой огромный диапазон добрых человеческих чувств. Я бы сравнил этот диапазон с чудесным инструментом на тысячу струн — от тончайшей нежности и ласки до готовности бороться не на жизнь, а на смерть за достоинство человека. Но этот инструмент навсегда останется спящим великаном, если человеческую душу не воспитывать, если эти тысячи струн не настроить каждую в отдельности. Одной из самых тонких струн в этом чудесном инструменте является человечность. У тебя будут дети, ты будешь озабочен тем, чтобы они стали настоящими людьми; так знай же, что самое главное в творении человека — это воспитание способности дорожить человеческой жизнью как самым дорогим, бесценным богатством. Никогда не поднимает руку на другого человека тот, кто в детстве близко к сердцу принимает радости и горечи другого человека, кто готов отдать свою радость, свое благополучие во имя того, чтобы отец, мать, сестра, брат, дедушка, бабушка не знали горя, страданий. Настроить самую тонкую струну в человеческой душе — человечность — это значит прежде всего научить маленького человека творить радость для другого человека и испытывать в связи с этим высшую человеческую радость.

Я думаю, что тебе и каждому молодому человеку не лишне выслушать отцовские поучения, наставления о том, как воспитывать своих детей, как предотвратить возникновение, зарождение этого самого опасного, самого страшного зла — бесчеловечности, тупой жестокости. Вот совсем недавно в Кировограде восемнадцатилетний юноша убил ножом в спину шестнадцатилетнего, чтобы отобрать у него часы (а часы оказались совершенно испорчены). Откуда эта жестокость, бесчеловечность, зверская способность всадить нож в спину другому человеку так себе, мимоходом? Я глубоко изучил детство и отрочество убийцы. Оказалось, что он никогда ничего не сделал для человека, для радости ближних. Не посадил ни одного деревца. Не вырастил ни одного цветка. Не принес матери яблоко, выращенное на посаженном и выращенном своими руками деревце. Не воздержался от выполнения своего желания (а у него желания превратились в прихоти) для того, чтобы сделать добро матери. Он рос бездушным, бессердечным, человек для него был чем-то безликим.

Но было бы неправильно считать, что за поведение преступников ответственны лишь семья, школа, пионерская и комсомольская организация. Вступив в возраст отрочества, по-моему с 12 лет, человек уже должен начинать воспитывать самого себя. А в годы ранней юности, начиная с 16 лет, самовоспитание становится важнейшим долгом каждого человека, каждого ученика, каждого студента. Мне бы хотелось узнать твои взгляды на самовоспитание. Что ты считаешь самым главным?

До свидания, дорогой сын. Желаю тебе крепкого здоровья и бодрого духа. Обнимаю и целую тебя.

Твой отец

Добрый, день дорогой сын!

Спасибо за сердечное, но немного сумбурное письмо. Я рад тому, что оно сердечное, и тому, что оно сумбурное. Иначе, наверное, и быть не может: ты стремишься сказать все, что волнует тебя.

Итак, в самовоспитании ты считаешь самым важным самодисциплину: умей заставить себя работать, ставить цель и достигать ее... Волевой аспект, конечно, главный

в самовоспитании. Но мне кажется, что воля — итог самовоспитания. А сущность его глубже.

Самовоспитание начинается с самопознания. Самое сложное и самое трудное в жизни молодого человека — увидеть себя как бы со стороны, увидеть в свете идеального, героического. Советую тебе: читай побольше о людях, достигших вершины человеческой красоты. Есть и в наши дни люди, жизнь которых — как подвиг Данко. Прочитай маленькую книжечку о Михаиле Паникако — двадцатилетнем комсомольце с Днепропетровщины, который в боях за Сталинград сжег фашистский танк и сам погиб в огне, — и ты увидишь мир вокруг себя и самого себя глазами гражданина. Когда он готовился бросить бутылку с зажигательной жидкостью на приближающийся фашистский танк, пуля разбила бутылку, одежда на нем вспыхнула, он, как горящий факел, бросился на танк и поджег его собой, своим горящим телом. Даже фашистские солдаты прекратили огонь, изумленные этим подвигом. Михаила Паникако назвали Данко Волжской твердыни. Что есть в мире, что может сравниться с этим подвигом? Он затмевает подвиг спартанских воинов, героев Фермопил. Если ты увидишь этот живой факел самопожертвования во имя Родины, а не увидеть его невозможно, он высветит все в твоей душе, поможет тебе увидеть в своей душе самые сокровенные уголки. В эти мгновения тебе хочется быть нравственно красивым, захочется что-то сделать для Родины, захочется приобщиться к великому, возвышенному.

Создавай такие мгновения — вот что очень важно. Береги в себе высокий нравственный накал этих мгновений. В свете возвышенного и героического ты в конце концов поставишь себе вопросы: кто я такой? Во имя чего я живу на свете? Способен ли я на подвиг?

Прочитай маленькую книжечку о сибирском комбайнере Прокофии Нектове. На войне он лишился обеих ног. До войны работал комбайнером в колхозе. Возвратился из госпиталя, затосковал. Чувствовал, что становится в тягость семье. И вот «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого научила его жить. Он нашел в себе силу воли и мужество научиться ходить на протезах, а потом и сесть за штурвал комбайна. За отличный труд правительство присвоило ему высокое звание Героя Социалистического Труда.

На Одесской сельскохозяйственной опытной станции

работает Иван Лукич Молдавский. На фронте он был тяжело ранен, и врачи ампутировали ему обе руки. Левая нога у него была сильно искалечена и не сгибалась. И вот этот человек окончил сельскохозяйственный институт, работает агрономом.

Таких людей, как Прокофий Нектов, я знаю восемнадцать человек. В селе Петропавловке Харьковской области (это совсем недалеко от нас) живет Григорий Никифорович Змиенко, тракторист. Уже через несколько лет после войны его трактор подорвался на мине, Григорий остался без ног. Так же как и Прокофий Нектов, он нашел в себе силу воли возвратиться в строй. Если описать жизнь всех этих изумительных людей, получится хрестоматия мужества, учебник жизни для юношества. Это было бы самое сильное, самое действенное пособие по самовоспитанию для молодых людей. А пока еще такой книги нет — читай маленькие книжечки, посвященные жизни настоящих людей.

Помнишь, я летом обещал рассказать о подвиге советского воина Алексея Бетюка. При выполнении боевого задания он был схвачен фашистами. Его привели к офицеру. На все вопросы Алексей отвечал «нет», «не знаю». Тогда один из гитлеровцев отрезал левое ухо Алексею. Бетюк вздрогнул, но не проронил ни слова. Палачи отрезали второе ухо. Ни обещания сохранить жизнь, ни угрозы расстрела не поколебали мужественного советского бойца. Фашисты придумали мучение. Ему разжали рот, вытянули язык и прибили его гвоздями к столу. Один из палачей медленно водил кинжалом по языку. Ничего не добившись, варвары отрезали Бетюку язык. А поздно вечером гитлеровцы вывели Бетюка к реке, приказали бежать и открыли огонь в спину. Алексей упал в воду, и это спасло его. Превозмогая адскую боль, он вышел к переднему краю, был подобран нашими бойцами и доставлен в госпиталь...

Я видел Алексея Бетюка в госпитале. Мы лежали с ним почти рядом. Вот тебе еще один яркий взлет человека к вершине нравственной красоты. Десятки советских воинов совершали такой же подвиг, но, к сожалению, о них нет книг. Верю, что эта книга будет. Она станет незаменимым пособием по самовоспитанию духа. Вдумайся в подвиг Алексея Бетюка, сын. В ярком свете этого героического подвига загляни себе в душу. К такому подвигу должен быть готов каждый советский

юноша. Ты будешь солдатом, защитником Родины, знай, что в любую минуту ты должен быть готовым сражаться за свободу и независимость Отечества. Если разгорится пожар войны, от тебя, как и от каждого советского воина, потребуется огромная стойкость, сила духа, мужество, самопожертвование. Знай, что в жизни нашей есть вещи ни с чем не сравнимые и не сопоставимые. Это Родина, родной народ, наше любимое Отечество. Без любого из нас Родина может обойтись, но любой из нас без Родины — ничто. Самовоспитание — это прежде всего воспитание в самом себе мужественного патриота.

Вот теперь надо возвратиться к письму, в котором ты писал о страшном преступлении, совершенном молодыми людьми. Их душа пусть и убога, примитивна и ограниченна прежде всего потому, что в ней нет важнейшего стержня человечности — любви к Родине. Это самое чистое и самое тонкое, самое возвышенное и самое сильное, самое нежное и самое беспощадное, самое ласковое и самое грозное чувство. Тот, кто по-настоящему любит Родину, во всех отношениях настоящий человек.

Воспитывай в себе это святое чувство, сын. Наша Родина — это могучее тысячелетнее дерево. Так пусть же каждый из нас будет не сухим, бесплодным сучком на этом дереве, а живой, плодоносящей ветвью. Помни, что наша Родина никогда не покорялась ни одному завоевателю. Знай, что настоящего патриота нашей Родины можно убить, сжечь, закопать живым в землю, как делали это изверги фашисты, но покорить нельзя.

Стремись быть настоящим человеком. Пусть будет чуждо твоему сердцу самоунижение, пусть не знает твое сознание мысли: выдающиеся люди — это люди исключительные, я же маленький, рядовой человек... Советский человек — не пылинка в безбрежном вихре судьбы. Ориентируйся на идеал, на самую высокую вершину нравственной красоты...

Оттачивай, отшлифовывай в себе человечность. Прежде всего доводи до большой тонкости *чуткость* злу, неправде, обману, унижению человеческого достоинства. Здесь важно не только осознание, но прежде всего чутье. Вот на твоих глазах человек оскорбляет человека. Если закрыть глаза на это, может быть, и маленькое событие, то вскоре ты будешь закрывать глаза на все. Надо оттачивать чуткость души, тонкость чувств. Пусть в со-

знании твоем еще не успеет «сработать» мысль: девушке, которую оскорбляет хулиган, надо помочь, — как душа твоя возмутится злом, как чувства твои заставят тебя действовать во имя добра.

Оттачивает человечность красота. «Имеющий в руках цветы плохое совершить не может» — я часто вспоминаю эти стихи Вл. Солоухина. Цветы я понимаю в широком смысле — как красоту вообще. Джеймс Олдридж как-то сказал, что нельзя быть циником и одновременно любить Диккенса. Это несовместимо. Если человек с детства воспитывается на красоте, прежде всего на хороших книгах, если у него развивается способность к переживаниям, чувство умиления, восторга перед красотой, то маловероятно, чтобы он стал бессердечным, пошляком, развратником. Красота, прежде всего художественные ценности, воспитывает тонкость натуры, а чем тоньше натура, тем острее человек воспринимает мир и тем больше может д а т ь м и р у... Я не могу забыть слова молодой женщины, сумевшей преодолеть в себе религиозное мировоззрение и религиозную мораль, о том, что цель учения своего в школьные годы и в вузе она видела в том, чтобы удержать знания в памяти и потом, ответив на вопросы при зачете или на экзамене, освободиться от знаний. Такой взгляд на учение таит в себе опасность для любого предмета. Для литературы же, для художественных ценностей он — убийство. Литература изучается в школе не для того, чтобы сдать ее. Она должна войти в духовный мир каждого человека на всю жизнь как повседневное общение с красотой. Она становится учебником жизни лишь тогда, когда, образно говоря, ее крылья парят на упругом воздухе красоты. Без красоты, без эстетических чувств эта птица камнем падает на землю.

Вот меня и тревожит: есть ли в твоей жизни это повседневное общение с красотой? В общежитии я почти не видел у вас художественной литературы. На твоей полке стояли две книги: «Дневные звезды» Ольги Берггольц и «Вир» Г. Тютюнника. Хорошие книги, мне стало очень радостно, когда я увидел их — время не будет потрачено впустую. Ведь человек за всю свою жизнь может прочитать не больше двух тысяч книг... А книг — океан, и среди этого океана хорошие книги — как маленькие, отдаленные друг от друга островки; сумей побывать на каждом из них... В этом океане легко заблу-

диться и попасть на мель... Как огня, опасайся низкопробного чтива — всевозможной приключенческой и «шпионской» макулатуры. Очень хорошие слова есть у Ф. Бэкона: «Есть книги, которые надо только отведать, есть такие, которые лучше всего проглотить, и лишь немногие стоит разжевать и переварить».

Не только читай, но и перечитывай. Есть книги, которые человеку надо перечитать за свою жизнь несколько раз, и каждое новое чтение будет открывать перед ним все новые и новые грани красоты и души человеческой. Несколько раз я прочитал «Воскресение» Л. Н. Толстого, «Идиота», «Преступление и наказание» Ф. Достоевского, «Божественную комедию» Данте, «Гамлета» Шекспира. Одно дело читать эти произведения в 16-летнем возрасте, другое дело — в 20-летнем, совсем по-другому воспринимаются эти произведения в 30-летнем возрасте... Ты убедишься в этом на собственном опыте; с каждым годом круг любимых книг у тебя будет все уже, но зато это будут действительно заслуживающие любви книги. Вот и тебе я советую начать сейчас перечитывание того, что ты прочитал еще в стенах школы. Это так же необходимо для оттачивания чувств, как повторное слушание прекрасной музыки. Ведь слушаем же мы десятки раз «Лебединое озеро», ведь не надоедает же нам никогда эта чудесная музыка. Повторное чтение бессмертных творений литературы — это прежде всего познание человеком самого себя. Читаешь пятый, шестой, седьмой раз «Степь» Чехова, его изумительные новеллы, и хочется стать лучше, чем ты есть. А произведения Горького, Короленко, Шолохова, Пришвина, Паустовского — я не могу прожить месяца, чтобы не прочитать что-нибудь их этих художников слова. Читай современных писателей. Советую тебе читать все, что выходит из-под пера таких романистов и поэтов, как Симонов, Солоухин, Твардовский, Берггольц, Щипачев, Сельвинский, Калинин, Нилин, Тендряков, Мартынов, Стельмах, Гончар. Если тебя не тянет перечитывать второй раз полюбившуюся книгу, значит, у тебя еще нет чувства прекрасного.

Помни, что книги — это тысячелетняя мудрость человека. «Читая в первый раз хорошую книгу, — писал Вольтер, — мы испытываем то же чувство, как при приобретении нового друга. Вновь прочитать уже читанную книгу — значит вновь увидеть старого друга».

Пусть побольше будет у тебя старых, добрых друзей. Чтение книги — это не механический процесс. Это творчество. Овладевай этим мастерством — умением, читая — воспитывать себя, читая — думать, читая — рассуждать.

Прости за то, что мое письмо получилось слишком пространным. Но и проблема эта неисчерпаема — самовоспитание.

Желаю тебе крепкого здоровья и доброго духа. Обнимаю и целую тебя.

Твой отец

Добрый день, дорогой сын!

Я очень рад, что письмо о самовоспитании вызвало у тебя такой большой интерес. Ты очень тонко подметил одну черту современного молодого человека (да и не только молодого) — большую, иногда болезненную нервную возбудимость. Я уверен, что многие конфликты, нередко ссоры между людьми бывают потому, что люди не умеют управлять своими чувствами или — что еще хуже — совершенно не занимаются самовоспитанием чувств.

А воспитывать самому в себе свою эмоциональную сферу — это в наши дни вопрос очень серьезный, особенно для молодежи. В течение тысячелетий жизнь человека в основном определялась мышечной силой и такими грубыми свойствами нервной системы, как упорство, жестокость. А в последние десятилетия жизнеспособность человека зависит почти исключительно от самых тонких и самых сложных механизмов нервной системы. И эти механизмы очень уязвимы. Года два назад, ты, наверное, помнишь, произошел у нас в селе такой случай. Встретились три друга: курсант военного училища, молодой рабочий и студент. Обрадовались встрече. И вот кто-то кому-то сказал не совсем приятное слово, страсти разыгрались, от слов парни перешли к драке... Подрались, их забрали в милицию, и здесь, успокоившись, молодые люди с удивлением стали вспоминать: что же привело к драке? Из-за чего все началось? И не могли вспомнить. Вот к чему приводит большая нервная возбудимость. Поведение человека в современном мире зависит в решающей мере от самых тонких,

самых чувствительных сфер, регулирующих мышление, чувства. Следовательно, сейчас исключительное внимание должно быть уделено воспитанию чувств. А для юношества большую роль играет самовоспитание. Что же делать, как практически управлять своими чувствами?

Самое главное, что надо помнить каждому молодому человеку, — не восполнять убогость мысли грубыми чувствами, выражающимися в крике, ожесточенности, свирепости. Где-то в глубине человеческой психики, в подсознании дремлют инстинкты — животный страх, свирепость, жестокость. Чем меньше у человека культуры, чем беднее его умственные, эстетические интересы, тем чаще просыпаются инстинкты и дают о себе знать грубостью. Когда человеку нечего больше говорить в доказательство своей правоты, то он или прямо говорит, что он не может больше ничего доказать (так делают люди высокой эмоциональной и интеллектуальной культуры), или же начинает кричать, то есть восполняет убогость мысли «бунтом инстинктов». Надо щадить нервную эмоциональную сферу — и у себя, и у других людей. Помни, что источник тонкости чувств, необходимый сейчас человеку, как воздух, — в тонкости мыслей, в богатстве интеллекта. Чувство облагораживает мысль, но подлинно человеческое чувство не может существовать без мысли — из мысли оно рождается, мысль его питает, мыслью оно живет. Благодаря богатству мысли оно, человеческое чувство, становится самостоятельной силой духовного мира человека, — оно способно побудить человека на благородные поступки.

Как воспитывать в себе тонкость чувств? Прежде всего — никогда не забывай, что ты живешь среди людей. Никогда не забывай, что рядом с тобой трудится человек, у которого свои заботы, тревоги, мысли, переживания. Уметь уважать человеческое в каждом, кто живет и трудится рядом с тобой, — это, пожалуй, самое большое человеческое мастерство. Тонкость чувств воспитывается только в коллективе, только благодаря постоянному д у х о в н о м у о б щ е н и ю с людьми, окружающими тебя. Вот здесь мы и подходим к очень важному вопросу духовного самовоспитания...

На чем же оттачивать, «шлифовать» чувства, как не в задушевной дружбе, богатой интеллектуальными, эстетическими интересами? Воспитывай свои чувства в

дружбе. Дружба поможет тебе выработать тонкую чуткость к человеческому в каждом, кто тебя окружает.

Но что необходимо для настоящей дружбы, духовно обогащающей человека, помогающей ему подавлять в себе инстинктивное и развивать человеческое? Необходимо духовное богатство, твое личное. Ты будешь обогащаться духовно лишь тогда, когда будешь что-то отдавать своему другу. Взаимный обмен духовными ценностями — вот что необходимо для воспитания тонкости чувств, для выработки в себе умения чувствовать человеческое. Конечно, через несколько месяцев после создания нового коллектива трудно требовать, чтобы у тебя уже был друг. Но все же должно наступить то время, когда у тебя появится друг. Друг, с которым ты будешь делиться своими мыслями, чувствами, радостями и огорчениями.

Если бы у меня была возможность сейчас приехать к тебе, я бы приехал, собрал твоих товарищей по комнате, пригласил бы и других студентов и сказал им: «Юные мои друзья, щадите сердце и воспитывайте чувства. Помните, что в наше время человек становится с каждым годом все более чувствительным к воздействиям окружающего мира. В идее — человек человеку друг, товарищ и брат — заключен глубокий смысл. Но эта глубина далеко не всегда понимается. Быть другом — это значит прежде всего воспитывать человека, утверждать в нем человеческое».

Воспитание, в сущности, в том и заключается, чтобы подавлять в себе животные инстинкты и развивать все человеческое. Вершиной человечности является коммунистическое воспитание.

Мне вспоминается рассказ одного немецкого коммуниста о том, как фашисты стремились с малых лет убить в человеке все человеческое. В гитлеровской Германии каждому подростку, прибывшему летом в лагерь «Гитлерюгенд», давали кролика — маленького, теплого, с шелковистой шерсткой. Дети кормили крольчат, ухаживали за ними, привязывались к животному. К концу лета кролики подрастали, становились ручными. Перед возвращением домой югендлейтер (воспитатель) спрашивает детей, готовы ли они выполнить любой приказ фюрера. Да, конечно, каждый из нас готов отдать жизнь за фашистский райх, отвечали дети. Воспитатель отдавал

приказ: каждому убить своего кролика. Он говорил: «Умейте подавлять в себе жалость».

Вот как были воспитаны фашистские убийцы и насильники. Примерно те же зверские инстинкты — отсутствие жалости ко всему живому и красивому, абсолютное равнодушие к духовному миру другого человека — лежат в основе психики любого убийцы, насильника. Надо воспитывать, культивировать в себе жалость ко всему живому и прекрасному. У тебя будут дети, помни: от того, как маленький ребенок относится к птицам, цветам, деревьям, зависит его нравственность, его отношение к людям.

Посылаю тебе книгу — «Избранное» А. Сент-Экзюпери. Хотелось бы, чтобы ты внимательно прочитал сказку «Маленький принц» и подумал над нею.

Желаю тебе крепкого здоровья и бодрого духа. Обнимаю и целую тебя.

Твой отец

Добрый день, дорогой сын!

Я чувствую в твоем письме смятение. Для тебя были совершенно неожиданными слова девушки-однокурсницы. Тебя изумило, страшно удивило то, что она почти такая же верующая, как и та девушка, которая после института пошла в монастырь. Для меня в этом нет ничего удивительного. Значит, глубоко укоренились недостатки воспитания... Я много раз задумывался над словами девушки, твоей однокурсницы: «Наука объяснила очень хорошо, что у человека нет бессмертной души, и что он умирает так же навсегда, как животное. Но, объяснив это, наука опустошила человеческую душу. Верующего человека религия утешала, а наука, отобрав это утешение, ничего не дала взамен».

Очень серьезные слова. Мне вспомнилось одно письмо, полученное после того, как в журнале «Наука и религия» была опубликована моя статья. Письмо от шестнадцатилетней девушки, студентки педагогического училища. Вот передо мной ее письмо, девушка пишет:

«Я пока еще не верующая, но, кажется, скоро стану верующей. И верующей меня делают не какие-то фанатики, как это обычно изображают, не религиозные родители, а что-то такое в душе делается, что — не пойму. На лекциях по естественнонаучному циклу без конца

вдалбливают совершенно понятную истину; человек так же смертен, как, скажем, корова или лошадь. Как у коровы и лошади нет бессмертней души, так ее нет и у человека. Уйдет человек в землю и сгниет — ожидает его та же участь, что кошку и собаку. А выдумки о бессмертной душе — все это церковные сказки, унижающие человека. Не смейте и думать о бессмертии — этим вы заявите о своем невежестве.

Конечно, все это не всегда преподносится в таком виде, в такой форме, но я воспринимаю все это именно так. И глубоко переживаю. Обнаженность этих истин потрясает меня. Неужели в человеке ничего все-таки и нет такого, ну... человеческого, хотя бы отдаленно похожего на бессмертную душу? Не хочется уподобляться животному. Поверьте, после одной лекции, где профессор с беспощадной объективностью доказывал, что в биохимическом отношении человек такое же существо, как любое животное, я не могла уснуть. Не спала всю ночь. Хочется иметь в себе что-то глубоко духовное, исключительно человеческое. Хочется все-таки, чтобы у человека было что-то хотя бы близкое к бессмертию... Я начинаю уходить в религиозный мир. Ищу в нем, если хотите, спасения от беспощадного материализма. Материализм кажется мне бездушной, слепой силой. Что же мне делать дальше? Найдите для меня точку опоры: в чем радость жизни, как освободиться от неотступной мысли о смерти, о том, что уйдешь в землю и вместе с угасанием моего сознания угаснет мир, солнце, звезды — для меня, конечно... Подскажите, что делать».

Это письмо очень умной, тонко чувствующей окружающий мир девушки. Она просит сохранить ее фамилию в тайне. Ее письмо почти дословно повторяет мысли девушки — твоей однокурсницы. Вопрос, который волнует обеих девушек, очень серьезный. Меня поражает примитивизм, дремучее бескультурье того малограмотного атеизма, который усиленно проповедуют многие лекторы, педагоги и который скорее толкает людей в объятия религии, чем освобождает их от веры в бога. Самым убогим в этом безграмотном атеизме является то, что в качестве главного козыря, главного доказательства того, что бога нет, выставляется тезис: у человека нет никакой бессмертной души, он бесследно исчезает — так же, как любое животное. Трудно найти что-нибудь другое, в большей мере унижающее человека.

Да, трудно, очень трудно было мне отвечать на письмо 16-летней студентки. Трудно отвечать и на твое письмо, да еще так, чтобы ты передал мои слова своей однокурснице (или, может быть, даже прочитал ей это письмо).

Самое омерзительное, что есть в человеческой жизни, — это смерть. Отвращение к смерти — красная нить всей духовной жизни человека. Именно поэтому религии, обещавшие жизнь за гробом, приобрели такое огромное признание миллионов людей. Страх смерти гонит человека в темницу веры, писал Горький. Но материализм, наука развенчали сказки о боге, рае и аде. Показали человеку их наивность. Бороться с мерзостью смерти должен сам человек.

В чем сущность этой борьбы? А в том, что дни, недели, месяцы и годы человеческой жизни чем-то наполняются. Муса Джалиль хотел оставить после себя «след поглубже, позаметней. Чтобы твое осталось дело, словно дуб тысячелетний...». И он оставил этот след. Но, скажешь ты, не у всякого есть способность оставить после себя такой след, как оставил Муса Джалиль. Я твердо убежден в том, что человеческая личность неисчерпаема; каждый может стать творцом, оставляющим после себя след на земле. Для того ведь, собственно, мы и строим коммунизм. Не должно быть людей незаметных, людей — безвестных пылинок. Каждый должен сверкать, как сверкают на небе миллиарды миллиардов Вселенных. Быть неповторимой личностью — это зависит в большей мере от самой личности. Надо стремиться к тому, чтобы не быть серым, незаметным.

Творчество — вот путь к победе над омерзительным призраком смерти. Жажда творчества не покидает человека до последней минуты, и в этом его огромное счастье. До последней минуты работал Алексей Толстой, Сергей Прокофьев. Наука не может ничего дать взамен того, что давала религия, обманывая человека. Наука говорит человеку правду. Если религия давала надежду на загробную жизнь, по религиозному мировоззрению, можно завоевать молитвами, постами, безропотным подчинением судьбе, то наука говорит: «Нет. Человек — сам творец своего бессмертия».

Кто сказал, что у человека нет души? Душа у человека есть, и она несравненно богаче, чем та душа, о которой твердит религия. Душа человеческая — это его

могучий дух, его мысль, его дерзновенный порыв в познании, в подчинении сил природы. Вот эту душу человек и может сделать бессмертной.

Есть одна сфера творчества, в которой человек поистине добывает себе бессмертие. Это творчество — созидание Человека. Отец и мать создают новое существо — сына, дочь. Это самое высокое, бессмертное творчество. Путь к бессмертию заключается здесь в том, чтобы повторить в своих детях самого себя, но повторить на высшей основе — воспитать человека лучше, чем ты сам.

Что ты сейчас читаешь? Что из научной литературы и что из художественной? Следи, пожалуйста, не вышел ли из печати 1-й том «Истории украинского искусства». Как только появится, купи 2 экземпляра и пришли (один нужен для школьной библиотеки).

Желаю тебе крепкого здоровья и бодрого духа.

Твой отец

Добрый день, дорогой сын!

Итак, закончился первый семестр. Две пятерки и одна четверка — с первого взгляда как будто хорошо, но все-таки помни слова Л. Н. Толстого: брать нужно выше того места, куда плывешь, иначе снесет.

Твое письмо очень обрадовало меня (хотя ты долго не писал, почти две недели). Хорошо, что в вашем коллективе пробуждаются интеллектуальные интересы, что вы начинаете споры, да еще по такому вопросу: свобода и долг. Ты приглашаешь меня принять участие в вашем споре, что же, с радостью делаю это. Ты пишешь, что кое-кто из твоих товарищей придерживается такого мнения: в некоторых сферах деятельности (в вопросах личной жизни по твоим словам) человек абсолютно свободен (?), в других же сферах свобода ограничена требованиями общества. Ты не согласен с этой точкой зрения, и я поддерживаю тебя. Твоя точка зрения («быть свободным — значит всегда уметь поступать правильно — так, как требуют интересы народа») по существу повторяет известные слова Энгельса. «Свобода воли означает, следовательно, не что иное, как способность принимать решения со знанием дела». У молодых людей есть стремление самую сложную мысль выразить

своими словами, и это хорошо. Абсолютной свободы нет и не может быть. Ведь человек живет среди людей. В. И. Ленин учит, что жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. А кое-кто из твоих оппонентов разделяет жизнь перегородкой: по одну сторону — то, что человек может делать, оглядываясь на общество, по другую сторону — то, что он волен делать, абсолютно не думая о людях. Такое деление, по существу, лежит в основе философии мещанина: на службе он может выглядеть благопристойным, чистеньким, а дома — кулаком, мироедом, тираном, мучителем ближних. Сколько еще таких людей есть у нас в обществе! Особенно вредна мысль об абсолютной свободе в сфере интимных, нравственно-эстетических отношений — в любви, браке, семейной жизни. В этих сферах человеческой жизни свобода является прежде всего величайшей ответственностью. Хорошо сказал об этом Леонид Мартынов:

Я уясиил,
Что зиачит быть свободиым.
Я разобрался в этом чувстве трудиом,
Одном из самых личных чувств иа свете.
И зиаете, что зиачит быть свободным?
Ведь это зиачит быть за все в ответе!
За все я отвечаю в этом мире —
За вздохи, слезы и потерн.
За веру, суеверье и безверье.

Кстати, если ты не читал стихотворений этого хорошего поэта, я пришлю тебе его «Избранное».

Советский человек поистине свободен. Но мы, коммунисты, никогда не скрываем того, что свободу мы понимаем только как деятельность в интересах народа. Проповедь войны, насилия, разврата у нас карается законом, здесь нет и не может быть никакой свободы личности. Если бы каждый мог делать, что ему вздумается, общество превратилось бы в сумасшедший дом, и человеку страшно было бы выйти на улицу. Основа свободы советского человека — это гармония общественных и личных интересов. Общество заинтересовано в том, чтобы ты, студент, учился хорошо, стал хорошим специалистом. Это в интересах трудового народа. Значит, ты свободен выбирать сотни путей для того, чтобы учиться как можно лучше. Не волен выбирать только ни одного пути к тому, чтобы увиливать от учения, бездельничать.

Хорошо известно, к чему приводит буржуазная идея «абсолютной свободы» в интимных, нравственно-эстетических отношениях. Плоды «абсолютной свободы» в этой сфере — это горе и слезы детей, несчастье матерей, искалеченное детство, неверие в добро в искалеченной детской душе. Я знаю таких детей... Их отцов, исповедующих, по-видимому, идею «абсолютной свободы», следовало бы строго наказывать. К сожалению, не всегда еще у нас моральные нормы совпадают с законами...

Главное — это воля самого человека, самоограничение. Надо тонко чувствовать три вещи: можно, нельзя и надо. Тот, кто чувствует эти вещи, обладает важнейшей особенностью гражданина — чувством долга. Долг — это свобода в действии, это одухотворение человеческих поступков благородной идеей — во имя чего я делаю это, во имя чего так поступаю. Наше общество является самым справедливым в мире, и поэтому выполнение долга не связывает человека, не сковывает его свободы воли, а, наоборот, предоставляет ему подлинную свободу.

«Свобода заключается не в возможности начать, а в способности кончить», — писал Фейербах. В этой мудрой мысли заложено тонкое чувство единства свободы и долга. Мне вспоминаются слова Дарвина о том, что долг и совесть — эти нравственные чувства составляют важнейшую черту, отличающую человека от животного. Развивай в себе человеческое, дорогой сын. Следуй поучению Гёте: «Как познать себя? Не путем созерцания, но только путем деятельности. Попробуй выполнить свой долг, и ты узнаешь, что в тебе есть».

Желаю тебе крепкого здоровья и бодрого духа. Обнимаю и целую тебя.

Твой отец

Добрый день, дорогой сын!

Пишу из Берлина. Я говорил тебе перед отъездом, что буду здесь дней 15, но по приезде в Берлин постарался ускорить дела, не тратить времени и выехать раньше. Буду в ГДР дней десять.

Я не впервые за границей: приходилось побывать во многих странах. И каждый раз, когда судьба забрасы-

вает далеко от родной земли, с новой силой пробуждается чувство любви к Родине. Вдали от Родины с особенной глубиной чувствуешь свою ответственность за все, что есть у нас дома. Как только кто-нибудь из твоих зарубежных собеседников что-нибудь говорит: то ли о советской школе, то ли об экономике нашей страны, — сердце твое замирает, как будто говорят лично о тебе. Как радостно слышать все хорошее! Какое чувство гордости охватывает душу, когда слышишь о своей Родине как о путеводной заре человечества! И как неприятно слышать, когда наши друзья высказывают удивление по поводу какого-нибудь нашего недостатка, а иногда и нелепости какой-нибудь.

Тебе в будущем, возможно, тоже придется побывать за рубежом нашей страны. Помни, что Родина — это твоя колыбель, твой дом, очаг твоего счастья. Это земля твоих предков, на которой пролито много крови и пота. В родном доме бывает и хорошее и плохое. Если ты видишь плохое — не забывай, что это плохое в твоем доме, в твоей колыбели. Над злом в родном доме злорадствует только подлый человек. Не отворачивайся от зла, сделай так, чтобы вместо зла в твоем родном доме было добро. Ты имеешь право говорить о зле в родном доме только тогда, когда ты сделал что-то хорошее. Право сказать одно слово о плохом добывается десятью добрыми делами.

Родина — это ласковая и требовательная мать. Матери больно, если ее сын стал плохим человеком — ленивым, бессердечным, слабовольным, лицемерным, нечестным. Родине, как родной матери, больно, когда ты не станешь настоящим человеком. Живи и трудись так, чтобы Родина гордилась тобой. Умей увидеть самого себя с самой высокой вершины — с точки зрения высших интересов родного народа.

Гордись своими предками — борцами за свободу и независимость Родины, за освобождение трудящихся от эксплуатации, за победу социалистической революции, за спасение мира от фашизма. Имена великих сынов твоей Родины — это твоя святыня, твоя гордость. Помни, что наша Родина — первое в мире социалистическое государство. Она открыла человечеству путь к коммунизму. Это твоя национальная гордость. Помни, что наша Родина дала миру великого Ленина.

Я ехал через Польшу, Германию и видел множество

могил, где покоится прах советских воинов. Тысячи, тысячи, тысячи братских могил. Миллионы сыновей нашей Родины пали за то, чтобы мир не был ввергнут на тысячелетия в фашистское рабство. Я проезжал маленькую станцию, где мне пришлось сражаться с фашистами. Поезд не останавливается на этой станции, никто из пассажиров даже в окно не посмотрел... А за нее погибли свыше трехсот наших бойцов, погиб мой друг подполковник Лысенко...

Я был в Бухенвальде — теперь здесь музей — памятник жертвам фашизма, а в годы войны здесь был один из самых страшных лагерей смерти. Волосы шевелятся на голове, когда видишь, как с немецкой точностью и методичностью фашисты уничтожали здесь сотни тысяч (так говорят — сотни тысяч, а может быть, и миллионы — никто не знает, документы все уничтожены...) узников, среди которых больше всего было советских людей. Я видел засушенные человеческие головы и сумочки, сделанные из человеческой кожи, — вот чем забавлялись фашисты. Я видел сотни тысяч женских кос — из человеческого волоса фашисты делали мешки и матрацы. Я видел мыло, сваренное из жира человеческих костей. Я видел поля, которые немецкие крестьяне удобряли золой из человеческого пепла. Сейчас сыновья этих крестьян — комсомольцы, они приветствовали нас, посланцев Советской страны...

Страшная участь угрожала миру. В музее я видел фашистские планы: они намеревались полностью уничтожить славянские народы, сжечь в крематориях двести миллионов человек, а миллионов пятьдесят, стерилизовав, превратить в рабов. Помни, что от этой угрозы человечество спас рядовой советский воин, который лежит под березами...

Помни, что за твое счастье в адских печах лагерей смерти, в смертельных боях за каждый шаг земли — от Волги до Берлина умирали советские люди, умирали твои ровесники. Помни, что наша Родина пережила смертельную опасность; на полях битвы решалось — быть ей или не быть. Помни, что двадцать два миллиона лучших сыновей нашей Родины погибли, оберегая твою колыбель. Миллионы матерей не знают, где похоронены их дети. В счастливый день своей жизни приди на могилу героев. Склони перед ними свою голову, возложи цветы.

Помни, что у каждого народа есть своя святыня — герои, отдавшие жизнь на алтарь свободы и счастья человечества. Пусть для тебя будет дорога память об Иване Сусанине и Устиме Кармелюке, об Александре Ульянове и Шандоре Петефи, о Сергее Лазо и Эрнсте Тельмане, о Зое Космодемьянской и Юлиусе Фучике, об Александре Матросове и Никосе Белоянисе, о Мусе Джалиле и Хулиане Гримау. Помни, что на такую же вершину доблести и героизма народ вознес каждого из двадцати двух миллионов погибших. Пусть пепел героев всегда стучит в твое сердце.

Может быть, ты удивляешься: почему отец не рассказывает в своем письме ничего интересного о зарубежной жизни, о людях; почему он говорит о том, что давно известно... Потому что здесь — что бы я ни видел, о чем бы ни услышал — я думаю о Родине, вижу Родину. Думаю о поколении, которому сейчас двадцать лет. Прекрасное поколение, завидная судьба ваша, дорогой сын. Ты и твои ровесники доживете до начала XXI столетия, будете в расцвете творческих сил. Меня больше всего тревожит: сумеем ли мы, ваши отцы, передать вам все наши нравственные ценности, все наши богатства, которые так дорого достались нам. Поймете ли вы до конца, почувствуете ли всем сердцем, какие страшные трудности переживали мы в годы Великой Отечественной войны и в годы восстановления народного хозяйства нашей Родины?

Хочется, чтобы вы стали достойными нашими наследниками. Чтобы дорожили созданным старшими поколениями. И самое главное — чтобы у каждого из вас, нашей смены, главным в жизни было то, что ни с чем не сравнимо и не сопоставимо, — Советская Родина. Надо быть готовым к ее защите. Я видел фашистских молодчиков в Западном Берлине. Я видел полустертую надпись на стене: «Сегодня нам принадлежит Германия, а завтра — весь мир». Наши друзья из ГДР рассказывают, что такие надписи появляются там время от времени. Фашизм возрождается в Западной Германии. Мы должны быть готовы к защите Родины. Вы изучаете военное дело — надо со всей серьезностью относиться к этому предмету. Каждому из нас, мужчин, надо твердо помнить — у меня две специальности: первая — то ли учитель, то ли агроном, инженер... а вторая у всех одна и та же — защитник Родины.

Домой буду ехать через неделю. Обязательно заеду к тебе. Желаю тебе крепкого здоровья и бодрого духа.

Твой отец

Добрый день, дорогой сын!

Долго думал над твоим письмом, поэтому пишу с таким опозданием.

Нравственная чистота любви — это зеркало человеческой души. Если у человека есть что-то грязное в этой сфере духовно-психологических и нравственно-эстетических отношений, значит, вообще он грязное, мерзкое существо, он не может быть хорошим гражданином, честным тружеником, порядочным человеком.

Ум и воля должны в этой сфере духовной жизни быть особенно бдительными стражами чувства — полового влечения. Я отвергаю утверждения некоторых писателей и публицистов, считающих, что чувству приказать нельзя, человек-де не властен над своим влечением. Это мягкое покрывало, которым пытаются прикрывать половую распущенность и «свободу любви», против которой так резко выступал В. И. Ленин. Особенно вредна эта теория «первенства эмоций» для молодых людей, только вступающих в жизнь. Задолго до того, как человека взволнует чувство полового влечения, его должна пленить красота души, он должен глубоко пережить нравственную привязанность к другому человеку. Только при этом условии любовь может быть единственной, исключительной. В подлинной любви ум помогает чувству, вливает в него нравственную силу, морально облагораживает душевные движения, а не подвергает чувство расчету, логическому анализу, не заставляет человека взвешивать зависимость своего благополучия от того, кого он полюбил. Любовь благородна там, где в нравственной привязанности человека к человеку слиты воедино чувства и мысли. А там, где разум и чувства объединяются, в душе человека властвует голос совести.

Ты взрослый человек, ты сам завтрашний отец, и я говорю тебе обо всем этом со всей откровенностью. Я обязан это делать как отец. Если у отца сын оказывается подлецом, общество вправе спросить с него: почему вы не выполняете своего долга перед обществом? Ведь важнейший общественный долг каждого гражда-

нина — дать Отчизне настоящего человека. Отец — это высокое гражданское имя, помни это, сын.

Меня тревожит, я бы сказал, распущенность в легкой форме, которой «болеют» многие молодые люди. Среди бела дня, бывает, идут по улице парень и девушка, идут и обнимаются, а то и целуются. Я однажды спросил у одной очень молодой девушки: «Неужели тебя не смущает то, что люди кругом?» Она ответила: «А разве дружбу надо скрывать?»

Это по меньшей мере глупый ответ девушки, готовой физически к рождению человека, но не готовой морально. Глупо подчиняться первому чувству, первому порыву. Глупо и цинично выставлять напоказ то, что должно быть глубоко интимным, сокровенным, неприкосновенным. Парню восемнадцать лет, ему понравилась девушка — и он уже обнимает и целует ее. Это распущенность. Подлинная любовь — великий, священный долг, обязательство на всю жизнь. Если ты хочешь не растерять свои чувства по мелочам, не опустошиться духовно — не поддавайся первому влечению. Целовать и ласкать человек может того, кому он дает какое-то нравственное обязательство: стать мужем, стать отцом ее детей. Всякую другую любовь, любовь для острых чувств, любовь от скуки — я считаю распущенностью.

Помни, что любовь — это прежде всего ответственность за того человека, которого ты полюбил, за его судьбу, за его будущее. Развратник и негодяй тот, кто в любви ищет только источник наслаждений. Любовь — это значит прежде всего о т д а в а т ь, отдавать любимому существу силы своей души, творить для любимого существа счастье. Лермонтов в одном письме писал: «Я любил всеми силами своей души...» Задумайся над этими словами. Всеми силами своей души — значит, создавая счастье, добро для любимого существа.

Помни, что от характера отношений мужчины и женщины до брака, от того, насколько преобладает в этих отношениях духовно-психологический, нравственно-эстетический элемент, зависит моральная чистота всей твоей жизни, сын. Как огня, опасайся «опыта» и «многоопытности» в любви. Чем чище, благороднее духовно-психологические отношения любящих перед браком, тем выше нравственный долг юноши — будущего мужа. Нравственный долг перед женщиной, ответствен-

ность за ее будущее — вот что делает из юноши мужчину. Чистая любовь приносит юноше возмужание, легкомысленная любовь, любовь от скуки развращает его. Тот, кто до брака узнал, испытал физическую близость, вступает в жизнь духовно опустошенным человеком.

Высшая радость духовного общения влюбленных — в интеллектуальном и эстетическом взаимном обогащении, в постепенном узнавании и открытии все новых и новых нравственных и эстетических качеств, в том, что влюбленные жадно впитывают друг от друга все лучшее и потом как бы отдают друг другу? Верная любовь, любовь на всю жизнь... кто о ней не мечтает? Но от чего же зависит она? От неисчерпаемости человека — так можно сказать. Скоро 25 лет пройдет, как мы поженились с твоей матерью... и каждый раз, встречая ее после нескольких часов разлуки, я чувствую трепет сердца — вижу в ней — единственной в мире любимой женщине — что-то новое. Глаза любимого существа как бы открывают все новую и новую красоту, но только при том условии, когда они излучают все новую и новую мысль, выражают сложное переплетение интеллектуальных и эстетических чувств. Богатство внутреннего, духовного мира выражается в тысячах оттенков чувств, которые может передать человеческий взгляд. Если же круг этих чувств ограничен, то и внешняя красота, поразившая при первой встрече, со временем как бы тускнеет, теряет свою привлекательность. Там, где любовь выражается только в мимолетном очаровании внешними чертами, где человек ищет наслаждение только в красоте лица, фигуры, — неизбежны разочарования, «несходство характера».

Нет какой-то специальной «науки любви», — помни это, — есть наука человечности; кто овладел ее азбукой, тот готов к благородным духовно-психологическим и морально-эстетическим отношениям. Любовь — это самый строгий экзамен человечности. Но первые уроки человечности, а значит, и уроки любви человеку дает уже в детстве и отрочестве то, что он отдает частицу своих духовных сил другим людям. Без глубоко развитого чувства уважения человеческого достоинства не может быть настоящей человеческой привязанности. Особенно опасно это для мужчины. В беседе с Кларой Цеткин В. И. Ленин подчеркивал, что в любви необходимы самоограничение, самодисциплина. И ведущая

роль здесь принадлежит нам, мужчинам. Будь сдержанным в своих порывах. Знай, что физическая близость любящих друг друга существ морально оправдывается близостью духовной — взаимным уважением, готовностью вместе пройти жизнь, всегда поддерживать друг друга. Знай, что девушку духовно богатую, умную, честную глубоко унижает, возмущает то, что до вступления в брак юноша стремится к близости физической. Это представляется хорошей девушке как что-то далекое...

...Знай, что самые счастливые дни юности — это та чистая, идеальная любовь, с которой духовно богатым людям долго не хочется расставаться. Если встретились юноша и девушка, у которых одинаково развито чувство чести и достоинства, то они очень долго не переходят той черты, за которой начинается физическая близость. Это не значит, что у них нет стремления к этому. Это стремление горячо и страстно, но физическая близость без близости духовной кажется им морально неоправданной. Период духовной близости, идеальной любви у них очень долог, они намеренно стремятся продлить его, и это дает им большое счастье.

Ты слышал пословицу: «Жизнь прожить — не поле перейти»? В том, каков человек в семейной жизни, проявляется его подлинное моральное лицо. К сожалению, немало в нашем обществе людей, которые вне семьи производят впечатление борцов за высокие идеи, а в семье — мелкие эгоисты или деспоты. Есть люди, которые по уровню своего нравственного развития совсем не готовы к вступлению в брак, и их женитьба или замужество являются в высшей степени аморальными поступками, преступлением перед теми, чью жизнь они создают. Кое-кто смотрит на брак как на беспрепятственную возможность удовлетворять свои инстинкты. Отдельные развращенные молодые люди видят в браке право на то, чего им не удалось до брака, несмотря на все домогательства, обещания, клятвенные заверения. Никакие юридические узы не могут укрепить слабость уз духовных.

Помни, что, вступая в брак, люди берут на себя не только юридические, материальные, но и духовные обязанности. От характера отношений в семье зависит духовное богатство общества. Иногда молодые супруги уже в первые месяцы «разочаровываются», исчезает

«поэзия любви». Конкретное содержание и повод для размолвок в таких случаях могут быть самыми разнообразными, но причина всегда одна и та же: вступая в брак, молодые люди полагали, что уже сама по себе любовь как полное отсутствие препятствий к физической и духовной близости принесет счастье, которое будет неисчерпаемым. Их очень удивляет, что счастье оказалось не таким очаровательным и бесконечным, что в физической близости не ощущается такой необходимости, как до брака. Они забывают, что огонь любви, образно выражаясь, постоянно требует хорошего горючего — разносторонней духовной жизни, и, если этого горючего нет, любовь быстро угасает или же чадит, отравляя воздух себе и людям. Любовь лишь тогда укрепляет семью, когда есть еще что-то, кроме любви, — богатство духовной жизни. Если же любовь ограничивается половым влечением, духовный покров этого влечения настолько убог, что отношения вскоре оголяются, физическая сторона близости обнажается.

Помни, что после того как молодые люди вступили в брак, они в гораздо большей степени должны быть творцами своей любви, чем потребителями ее радостей. В браке должно больше создаваться, чем потребляться. Без постоянного создания запаса духовных богатств невозможно облагораживание физической близости... На каком-то этапе семейной жизни вдруг может оказаться, что муж и жена полностью исчерпали себя, они ничего больше не могут раскрыть перед любимым существом, что-нибудь дать для духовной жизни семьи. Иногда доходит до того, что люди, которые до брака страдали от непродолжительной разлуки, не могут переносить друг друга. Это превращает семейную жизнь в ад. А страдают от этого прежде всего дети, вот что надо помнить. Быть гражданином во всех отношениях — это значит прежде всего заботиться о будущем обществе, а будущее наше — дети. Помни, сын, что если у тебя возникнет желание создать семью, ты должен хорошо проверить себя — готов ли ты выполнить свой гражданский долг. Никогда не забывай, что любовь, романтика дружбы — это прежде всего дети.

Для человека, умеющего создавать свое духовное богатство, нет первой, второй любви, а есть любовь единственная. Будь идеалистом в лучшем смысле этого слова. «Люди, которые мечутся, разменивают свои чув-

ства направо и налево, по-моему, должны чувствовать себя в конце концов нищими», — говорит Брянский, один из героев романа О. Гончара «Знаменосцы». Глубокая правда заключена в этих словах морально чистого, преданного единственной любви человека. Если ты настоящий человек, если ты способен создавать духовное богатство в любимом тобой человеке, то перестать любить того, кого ты любил в течение нескольких лет, — невозможно. Настоящая любовь — еще раз говорю тебе — с годами не слабеет, а крепнет. В любимом человеке я оставляю частицу своей души, красоту и духовную обаятельность своей души он отдает мне, вместе мы создаем такое богатство, которое вторично создать невозможно. В этом богатстве сочетаются: и наш духовный рост, взаимное обогащение разума и чувств, и дети, и честь, достоинство семьи, и традиции, и воспоминания о прошлом, поэтический ореол молодости, чистота юношеских чувств. Все это оставляет настолько сильный след в душе, что начать новую жизнь без тяжелой душевной травмы невозможно. Не случайно муж или жена, потеряв любимого человека, долгие годы, а иногда и всю жизнь не могут забыть о нем, у них не может возникнуть новое чувство. Это не что-то исключительное, не «романтическая мечтательность», а глубокое проявление человечного. Человек не может забыть любимое существо потому, что оно вошло в его душу, соединилось с его судьбой...

Вот какое длиннющее письмо получилось. Я знаю, что ты без предубеждения относишься к поучениям отца. Вдумайся в каждое слово моих поучений. Будь настоящим человеком во всем.

До свидания, дорогой сын. Если сможешь приехать во время первомайских праздников, приезжай хоть на день. Желаю тебе крепкого здоровья и бодрого духа. Обнимаю и целую тебя.

Твой отец

Добрый день, дорогой сын!

Ты спрашиваешь: могут ли быть счастливыми молодые люди, имеющие разный уровень образования, разный круг интеллектуальных интересов и запросов; может ли таких людей объединять чувство любви?

С год тому назад ко мне пришла мать одной нашей

бывшей выпускницы, Веры Л., окончившей после средней школы институт и работающей на строительстве большого завода. Мать показала мне письмо Веры, в котором девушка пишет о своих тревогах и сомнениях. Я изменил имя девушки, поэтому можно раскрыть эту тайну, она очень поучительна. Девушка писала: «Он хороший рабочий, любит меня, но все-таки нет того счастливого духовного единства, которого я ожидала. Несколько раз начинала я с ним разговор о том, что надо учиться заочно, надо стремиться к знаниям, ведь в будущем без среднего образования не допустят ни к какой машине. А у него всего шесть классов... Говорила, что неплохо было бы поехать вдвоем в Москву, в Ленинград, — посмотреть свою Родину. Он с удивлением отвечал: «Как далеко ты заглядываешь вперед. Надо думать о сегодняшнем дне: есть хороший заработок — и хорошо. А что будет дальше — увидим, да и вообще не нашего это ума дело». И потом еще добавил: «Какой толк от этих поездок, не прибавят они ничего, только деньги впустую расходуешь. А нам надо дом строить. Да надо подумать и о хозяйстве — завести свиней, кур... А учиться, говорит, не хочу, получишь среднее или высшее образование, а заработок от этого не повысится. Вот ты, говорит мне, окончила институт, а получаешь меньше моего...»

Мама, дорогая, что же мне делать? Не могу я с ним теперь встречаться, не могу даже смотреть на него. Права ли я или нет? Или во мне в самом деле много чудачества, как он говорит? Или я идеалистка, как сказала мне подруга, когда я поделилась с ней своими сомнениями? Я чувствую, что жизнь с ним будет скучной, угрюмой, как засохшая ива у нашего пруда...»

Права была мать, написавшая дочке: «Зачем ограничивать свою жизнь домом, кухней, цыплятами и поросятами, когда перед каждым человеком открывается такой светлый, прекрасный мир? А из слов Виктора, из того, как он относится к тебе, видно, что как только ты станешь его женой, ему захочется, чтобы ты оставила работу, а потом станет укорять: я тебя кормлю... Горькая это участь, дочка...»

Как видишь, человеку далеко не безразлично, с кем он связывает свою судьбу. У него есть определенные требования к духовному миру того человека, с которым он собирается пройти жизнь рука об руку. Меня

удивляет, что в молодежных газетах и журналах появляются статьи, в которых изображаются как отсталые люди те юноши и девушки, которые свои нравственно-эстетические отношения ставят в зависимость от культуры того, с кем они имеют намерение вступить в брак. Но высокая культура далеко не всегда совпадает с высоким уровнем образованности. Дремучее невежество и бескультурье бывает у людей, имеющих высшее образование или даже ученую степень. И наоборот, простой рабочий или колхозник может быть в высшей мере интеллигентным человеком. В одном из сел нашего района работала звеньевой свекловодческого звена 18-летняя Полина М. С ней, окончившей восемь классов и оставившей школу после смерти отца, познакомился молодой врач, только что назначенный в село. Он влюбился в Полину. Но девушка глубоко скрывала свои чувства. Молодой человек ей нравился, в его добрых намерениях не было сомнения, но ее угнетала мысль: он стоит выше по образованию. Девушка с болью замечала, что там, где у любимого человека широкие, разносторонние знания, у нее только отрывочные сведения. Умный, чуткий молодой человек распознал в Полине М. большую, гордую душу. Встретив решительный отказ на предложение жениться, он понял, что девушка не согласится на это до тех пор, пока не сделает хотя бы одного шага, который приблизил бы ее к цели: девушка рассказала молодому врачу, что она поставила целью окончить десятилетку, а потом поступить в институт. Она уже учится в заочной средней школе. Ее мечта — стать учительницей.

Постепенно цель девушки увлекла и молодого человека. Он помогал Полине учиться, в то же время сам решил овладеть в совершенстве хирургией. Они мечтали о будущем, жили будущим, верили в осуществление мечты. Это была чистая, возвышенная любовь, продолжавшаяся несколько лет. Только через пять лет после знакомства, окончив среднюю школу и два курса института, девушка согласилась выйти замуж.

Их любовь была высоконравственной дружбой. Между ними еще не было и намека на физическую близость, не допускалась даже мысль об этом, но они уже принадлежали друг другу в том смысле, что были верны друг другу и своему идеалу. И если бы один из них нарушил этот долг, разорвал этот духовный союз, то

это рассматривалось бы как оскорбление, как измена.

Какой был бы замечательный роман, если бы кто-нибудь из писателей описал эту любовь, какое большое значение имел бы этот роман для воспитания молодежи! К сожалению, почти всегда, открыв художественное произведение о молодежи, сразу же встречаешься то с изменой, то с разочарованием — все это считается верным признаком объективного изображения действительности. И еще хуже то, что зачастую душевные надломы, — в них нет ничего сложного, по существу примитивная распущенность, — писатель оправдывает, между строк читаешь: что ж, жизнь сложна, без горя и страданий не бывает. Не верю я в это. Можно построить жизнь без горя и страданий, без душевных надломов. Можно создать изумительное человеческое счастье. Помни, что ты сам — творец своей судьбы, своего счастья.

Вдумайся во все это, сын. Желаю тебе крепкого здоровья и бодрого духа. Обнимаю и целую тебя.

Твой отец

Добрый день, дорогой сын!

Из твоего письма видно, что мои поучения стали как будто искрой для горячего костра дискуссии, разгоревшейся у вас в общежитии. Ну что ж, это неплохо. Хорошо, когда молодым людям все это небезразлично.

Ты пишешь, что кое-кто из твоих товарищей не верит в дружбу, просто дружбу юноши и девушки: раз уж юноша и девушка — должна быть обязательно любовь. Скажу, что думаю по поводу этого. Но все-таки прошу тебя: пусть письма мои будут только для тебя...

Дружба — это школа воспитания человеческих чувств. Дружба нужна нам не для того, чтобы чем-то заполнить время, а для того, чтобы утверждать в человеке и прежде всего в самом себе добро. Я считаю одним из самых главных правил морального воспитания то, чтобы в годы отрочества и ранней юности каждый человек пережил глубокое чувство восхищения духовным благородством хорошего человека, влюбился в него. От этого, по существу, зависит вера в человека, в красоту человечности. Если этого нет — душа человека пуста, малейшие неурядицы жизни могут вызывать у

него мелочное брюзжание, неверие в свои силы. Пустота души, то, что в человеке нет веры ни во что, — самый страшный порок — я уже когда-то писал тебе об этом, повторю еще раз. Пустая душа жадно впитывает плохое и трудно поддается влиянию хорошего, потому что пустота, духовная убогость уже сами по себе являются пороками. Тот, у кого пустая душа, не может быть настоящим другом, он не чувствует человечности в дружбе.

Жизнь убедила меня, что если в годы отрочества и ранней юности человека воодушевляет нравственный идеал, если человек понимает, что такое правильный человек, то дружба духовно обогащает его, в дружбе он ищет не провождения времени, а поле для самоутверждения, для самопознания и самовоспитания.

Особенно необходима эта благородная духовная потребность — потребность в человеке — для формирования мужчины. Чтобы стать настоящим мужчиной, ты в годы ранней юности должен раскрыть богатства своей души в дружбе. От этого зависит чистота твоего чувства любви, счастья твоей будущей семьи.

Любовь без дружбы мелка. Если юноша уважает в девушке прежде всего человека, если он любит в ней человека, то эта возвышенная, благородная дружба сама по себе так же прекрасна, как и любовь. Не дружбу строить на половом влечении, а любовь может быть морально оправданна лишь тогда, когда полюбивших связывает крепкая дружба. Не любовь сама по себе вдохновляет нравственную чистоту, а, наоборот, благодаря высокой нравственности человеку доступны благородство и красота чувства любви. Люди, надеющиеся построить духовную общность на любви как на половом влечении, как раз и не дорожат любовью, потому что стремятся втиснуть весь мир духовной жизни в поцелуи и ревность. Любовь без высшей духовной жизни — без стремления к единому идеалу, без дружбы во имя этого — может превратиться в чувственное наслаждение. Запиши себе в записную книжку слова В. Г. Белинского; прочитай их несколько раз наедине, вдумайся в них, проверь сам себя:

«Любовь — поэзия и солнце жизни. Но горе тому, кто в наше время здание счастья своего вздумает построить на одной только любви и в жизни сердца вознадеется найти полное удовлетворение всем своим

стремлениям... Если бы вся цель нашей жизни состояла только в нашем личном счастье, а наше личное счастье заключалось бы только в одной любви, тогда жизнь была бы действительно мрачной пустыней, заваленной гробами и разбитыми сердцами, была бы адом, перед страшною существенностью которого побледнели бы поэтические образы земного ада, начертанные гением сурового Данте».

Вдумайся в это: жизнь была бы адом, если бы счастье заключалось только в любви. Если уйти в личное счастье невозможно было во времена Белинского, то сделать это в наше время — равносильно обречь себя на одиночество и бездеятельность, сузить свой мир до субъективных чувств и переживаний. Если уже в свое время Белинский видел, что, «кроме внутреннего мира сердца», есть «великий мир жизни, тот великий мир, где мысль становится делом, а высокое чувствование — подвигом», то в наше время такой мир открылся не для отдельных борцов, а для всего народа. Половое влечение только тогда и стало приобретать характер нравственной связи между людьми, морального долга, когда, кроме внешней красоты, перед человеком открылось внутреннее богатство человека — достоинство личности, ее способность, творчество, общественная деятельность. Счастье, построенное на половом влечении, — это животная страсть, делающая человека слепым и безрассудным. Для того, чтобы любовь стала для человека подвигом, он должен достигнуть высокой ступени морального развития: прежде всего определить высокую цель своей жизни, воодушевиться мыслью о преодолении трудностей на пути к достижению цели. Когда борьба за достижение высокой цели становится подлинной страстью, то любовная, половая страсть теряет характер цели, любимый человек становится другом в этой борьбе, а не предметом, призванным вдохновлять. Именно то, что страсть любви перестает быть целью, облагораживает человека, возвышает его над чувственными страстями. Понимание истинных масштабов счастья личного и счастья общечеловеческого нисколько не унижает человека, не угнетает его, а, наоборот, возвышает, так как пробуждает у него стремление обогатить свою жизнь высокими духовными интересами.

Понимание соразмерности личных чувств и счастья человечества предотвращает от того, чтобы отдельные

неурядицы, мелкие споры превращались в трагедию и отравляли жизнь. Сколько таких «трагедий», достойных сожалений, унижающих человеческое достоинство, можно наблюдать в жизни! Сколько «безвыходных положений» и «неразрешимых противоречий» создается в молодых семьях лишь потому, что люди делают из своей любви маленькую вселенную, в которой, понятно, на каждом шагу тупики, нет простора для широких, благородных движений души! Помни это, пусть будет тебе это заповедью будущей семейной жизни: там, где духовная жизнь молодых мужа и жены начинается и кончается любовью, по малейшему поводу разыгрывается честолюбие; оскорбленные супруги из-за пустяков неделями не говорят друг с другом, бередят свои сердца мелкими царапинами и умышленно посыпают их солью мелкого гнева. При этом все эти «трагедии» возводятся в проблему; люди стремятся найти какие-то расхождения во взглядах, несходство в характере и т. д. Такие люди, по существу, не готовы к духовно-психологическому общению, им не следовало бы вступать в брак до тех пор, пока они не определят масштабов своего личного счастья.

Несколько недель назад прокурор нашего района рассказал мне об одном бракоразводном деле. Молодые люди пожили две недели, и вот счастье «медового месяца» омрачилось ссорой. Повод для ссоры был смехотворным: супруги не пришли к единому мнению по вопросу о том, где поставить телевизор, кстати, подаренный родителями невесты... Ссора разгорелась, оба пришли к выводу, что характеры у них настолько далеки, что семейная жизнь будет невозможной. В ссору вмешалась мать жены, отобрала свой подарок, а отец мужа тоже решил не уступать — перевез домой диван и шкаф, подаренный молодоженам. Уста, еще две недели назад произносившие горячие слова любви, извергали теперь грубые оскорбления... На суде мудрая женщина — народный заседатель — стала, как говорится, по ниточке добираться до клубочка; супруги с трудом вспомнили, с чего началась ссора, и им стало стыдно перед людьми и перед собой... Вот до чего может дойти человек, если мелочи гипертрофируются, превращаются в «мировые проблемы», если нет перед мысленным взором никакой высокой цели.

Самое важное и самое трудное для человека — все-

гда, во всех обстоятельствах оставаться человеком. Быть всегда человеком.

Желаю тебе крепкого здоровья и бодрого духа. Обнимаю и целую тебя.

Твой отец

Добрый день, дорогой сын!

Заболела мама. Третий день лежит в постели. С неделю жаловалась на боль в ногах, а потом слегла. Мы с Олей делаем все для того, чтобы облегчить ее болезнь. Врач говорит, что это последствия того, что перенесено в годы юности. А перенесла наша мама очень много. В годы нашей юности Родина наша была бедной, народ отдавал все во имя построения социализма. Нам, студентам, приходилось по три месяца ежегодно работать в поле, и работа была не такая, как нынче. Сейчас почти все делают машины, а тогда вся тяжесть труда падала на руки. Один год пришлось целый месяц убирать картофель уже зимой — выковыривать из-под мерзлой земли ломом. Вот тогда мама очень сильно простудилась...

Напиши ей, пожалуйста, письмо, сейчас же. Ей очень дорого сейчас каждое твое слово.

Мать... Больно мне становится сейчас, когда я вспоминаю, как в годы детства и отрочества чем-то — пусть незначительным — огорчил свою маму, принес ей бессонную ночь, добавил ей седины... Как сейчас, помню вечер ранней осени, на горизонте собираются тучи, гремит гром, я собирался ехать в Полтаву, в институт. Взял маленький чемоданчик и пошел на станцию. Мамы в это время не было в хате — что-то делала в огороде. Увидела, что я иду на станцию, стала, как изваяние, как живое воплощение материнской горечи. Слышу, говорит мама: «Оденься, ведь дождь собирается...» Я иду в одной сорочке, мне море по колено, а до станции километров семь... Не вернулся я, какое-то мелкое чувство себялюбия раздражало тогда мое сердце, какую-то мелкую обиду носил я в душе... Иду и все время как будто бы слышу голос матери: «Оденься, ведь дождь собирается...» Сколько горечи вложила она в эти слова... Как много хотела она сказать: почему же ты не попрощался, сын, почему не обнял, не поцеловал

меня: чем ты обижен; нельзя таить в сердце обиду на родную мать...

Прошло больше тридцати лет с той поры, маме больше семидесяти лет, живет она так счастливо, как может быть счастливым пожилой человек, — и до сих пор в ушах у меня звучат эти слова: «Оденься, ведь дождь собирается...» И чем дальше в глубину отрочества и ранней юности отодвигаются те мгновения, когда я чем-то огорчил мать, тем острее, ярче все это вспоминается, тем глубже переживаю угрызения совести. У меня уже седая голова, а перед матерью я чувствую себя ребенком, и, чем старше становлюсь, тем в большей мере чувствую себя ребенком.

Женщина-мать — первый творец жизни. Никогда не забывай, сын, что она дала тебе жизнь, вскормила тебя, открыла перед тобой красоту мира и родной речи, вложила в твое сердце первые понятия о добре и зле, чести и бесчестии. Женщина-мать — творец всего прекрасного на земле, потому что она — творец Человека. Тот, кто забывает мать, не может быть настоящим патриотом.

Помни, что у матери все помыслы, заботы и тревоги — о детях, о их судьбе. Добро в сердцах и в делах детей — это ее счастье, зло — ее горе.

Помни, что любая женщина — мать или будущая мать. Ей доступны чувства, которые не может переживать самый преданный своим детям отец. Она по-своему глубоко, по-своему красиво переживает свою ответственность за весь род человеческий. Материнство делает женщину красивой и мудрой. С того времени, как женщина становится матерью, ее чувства приобретают высокий, никому, кроме нее, недоступный, целомудренный смысл. Частица мужа — если только он достоин этого — для матери воплощается в детях. Расцветает самая возвышенная в мире красота — женственность. Если бы вы, юноши, понимали и чувствовали всю глубину, все величие, всю покоряющую силу женственности — вы были бы во сто крат благороднее, чище в своих помыслах и поступках.

Для женщины-матери все люди, в том числе и муж, становятся в какой-то мере ее собственными детьми. Это самое высокое проявление женственности — чувствование в каждом человеке его внутреннего духовного мира, его радостей и горечей. Это качество переда-

ется, по-видимому, девочкам в наследство и проявляется в их поведении задолго до материнства. Умей ценить женственность в девушке, умей видеть в ней будущую мать. Природа и общество возложили на нее величайшее в мире творчество — повторить тебя таким, какой ты есть, и лучше, чем ты есть, понести в будущее биение твоего сердца и искру разума, слить в детях свою и твою красоту. Ее труд намного сложнее, чем твой. Оберегай ее здоровье, красоту, жизнь. В ее красоте — воплощение красоты всего рода человеческого. Девушку нельзя оскорбить, нельзя причинить ей зло уже потому, что она девушка. Оскорбляя девушку, ты оскорбляешь свою мать и всех матерей. Твое отношение к женщине — это зеркало твоей души.

Желаю тебе крепкого здоровья и бодрого духа. Крепко обнимаю и целую тебя.

Твой отец

Добрый день, дорогой сын!

Ты просишь научить уважать в девушке женственность, просишь разъяснить, что такое женственность. Я очень рад, что это тебя волнует. Помни, что отношение к женщине является мерой нравственности. «На основании этого отношения, — писал К. Маркс, — можно, следовательно, судить о ступени общей культуры человека». Хам в отношении к женщине — хам во всех отношениях. Женственность — это самое высокое выражение человеческой красоты, в этой красоте — рождение новой жизни, развитие, цветение. Носитель и творец жизни, женщина глубже всего воплощает высоконравственное отношение к будущему человечества. Уважать женщину — это значит уважать жизнь. Подлинная женственность как сочетание красоты духа и тела родилась в трудовом народе. Кроме красоты, в представление о женственности трудовой народ вложил также мысль о женской слабости — как о моральном праве на уважение и заботу со стороны мужчины.

Женская красота все больше становится повелительницей человеческой красоты вообще. Если женщина понимает и ценит в себе свою особую роль в становлении новой жизни, она не может быть некрасивой. Сколько есть девушек, не обладающих броской внешней красо-

той, но в то же время очаровывающих своей обаятельностью именно потому, что они женственны. Умей видеть и ценить прежде всего эту женскую красоту.

Женственность — это высшее воплощение нравственной чистоты и благородства, высокого человеческого достоинства. Эти черты проявляются в целомудренном отношении ко всему, что связано с ее нравственно-эстетическими отношениями с мужчинами. Неуважение мужчины ко всему, что составляет интимную сторону этих отношений, глубоко оскорбляет высоконравственную женщину.

С наступлением материнства женственность расцветает во всей своей силе и красоте. Помни, что, чем выше нравственность мужчины, тем больше в отношениях с ним задает тон женщина, разумно используя свою женственность для усиления своего нравственного авторитета в семье. В хорошей семье женщина-мать вообще является нравственным руководителем и повелителем, и, чем больше покоряется ее воле муж-отец, тем лучше для воспитания детей. Это ты должен, как говорится, зарубить себе на носу.

Женственность — это духовная сила женщины, сила, воспитывающая не только детей, но и нас, мужчин — мужа, сына. Ты хорошо видишь и понимаешь это на примере нашей семьи. Если бы не мать, вы, дети, не были бы чуткими к добру и злу, человечными, отзывчивыми.

Природа и исторический процесс развития человечества возложили на женщину более тонкую, более изящную работу, чем на мужчину. И нет ничего удивительного, что в женщине нам нравится физическая слабость. Но эта черта приобретает положительный оттенок лишь тогда, когда физическая слабость сочетается с большой духовной силой. В этом сочетании — обаяние женственности. Волевая стойкость, последовательность, единство слова и дела в управлении семьей, в воспитании и детей, и мужа — все это обеспечивает ведущую роль женщины-матери в становлении доброго имени семьи.

У многих мужчин где-то в глубине души таятся остатки феодала, это есть и у юношей, с этим надо бороться. Женится молодой человек, получает хорошую зарплату — и сразу же требует, чтобы жена оставила работу. И считает, что он делает для жены большое благо. Женщину поглощает мелочный, отупляющий

труд на кухне, делающий ее, по словам В. И. Ленина, домашней рабыней. Сильные духом, волевые женщины не допускают этого. Слабоволие, отсутствие духовной стойкости отдельных жен проявляется нередко в том, что жена добровольно соглашается на интеллектуальное первенство мужа: он повышает свои знания, учится, а жена обслуживает его потребности. В этом опасность не только для женщины, но и для мужчины. Как огня, бойся того, чтобы твоя будущая жена чувствовала твое превосходство, одобряла его... Утверждение, расцвет женственности в огромной мере зависит от того, как развивается разум жены, насколько далеко выходит она за пределы быта семьи. Умный муж стремится как раз к тому, чтобы его жена жила богатой интеллектуальной жизнью, к ее равенству и даже первенству в интеллектуальной жизни семьи.

Если жена умеет пользоваться своим превосходством для утверждения своего нравственного авторитета в семье, ее женственность возрастает, в глазах мужа она приобретает особенно сильное обаяние, никогда не теряет своей прелести и внутренней одухотворенности красота ее глаз, лица... Свой ум, свой интеллектуальный рост она использует как одно из важнейших средств нравственного воздействия на мужа и на детей.

Я знаю умную, волевую женщину, которая, имея начальное образование, вышла замуж за агронома — человека с высшим образованием. Она не только не отстала от мужа, но, наоборот, благодаря своей настойчивости завоевала прочное интеллектуальное первенство в семье. С первых дней семейной жизни она начала читать научно-популярную литературу по агротехнике, почвоведению, химии, а также художественную литературу. Она понимала, что духовное общение с мужем будет зависеть от того, насколько она сможет помогать ему, жить его интересами, больше того — оказывать влияние на его интеллектуальную жизнь. Природный ум помогал ей не только разбираться в прочитанном, понимать мысли и затруднения мужа, но и проявлять творческое отношение к земледелию. Некоторые ее советы изумляли мужа проницательностью, знанием дела, этому во многом и способствовало то, что она была умным, думающим тружеником.

Работая в звене свекловодов, она свободное время отдавала книге. Круг ее интеллектуальных интересов

все больше расширялся. Один за другим пошли в школу двое детей. В начальных классах матери легко было помогать им учиться. Когда дети стали изучать алгебру, химию, геометрию, мать почувствовала, что неумение оказать помощь может ослабить ее нравственное влияние на детей, — они ведь привыкли, что мать все знает, все умеет. Она решила ни на шаг не отставать от детей. Это делалось так умело, что дети были убеждены: не она учится у них, а они у нее.

Она изучила все предметы средней школы. Стало прочным ее положение интеллектуальной главы семьи. Все это стоило женщине огромных усилий. Особенно нелегко было изучать иностранный язык. Она не могла научиться правильному произношению, а к помощи учителя не хотелось обращаться. Она купила электропроигрыватель и набор пластинок с записанными уроками. Дети и здесь не заметили, что мама учится так же, как и они, только с гораздо большими трудностями.

Кое-кто из женщин истолковывал ее стремление к знаниям по-своему: Мария Д. старается не отстать от мужа, чтобы не потерять его. В этом обывательском истолковании очень сложного явления есть доля истины, но только истины не с той стороны. Благодаря высокоразвитому чувству человеческого достоинства Мария Д. понимала, что для духовного богатства, красоты, полноценности семейной жизни ей надо быть женщиной, обладающей обаянием, вызывающей уважение, а не превратиться в супругу — в мещанском смысле этого понятия, — обслуживающую потребности мужа и детей. Она понимала, что красота, не одухотворенная внутренним богатством, вскоре поблекнет в глазах мужа. Женщина правильно определила эту сферу, рост в которой может поставить ее в центр духовной жизни семьи, — сферу интеллектуальных интересов. Благодаря этому в ней на всю жизнь сохранилась обаятельность женщины.

Если ты хочешь, чтобы твоя будущая жена на всю жизнь осталась для тебя единственным любимым существом, — построй жизнь так, чтобы духовное богатство твоей жены постоянно обогащалось.

Желаю тебе крепкого здоровья и бодрого духа. Обнимаю и целую тебя.

Твой отец

Добрый день, дорогой сын!

Ты побуждаешь меня писать целые трактаты. Сперва о дружбе и любви, потом — о женственности, теперь же ты просишь сказать отцовское слово о красоте. Ну, что же, я скажу, только пусть мои слова останутся в твоем сознании на всю жизнь.

С того времени, как человек стал человеком, с того мгновения, когда он засмотрелся на красоту вечерней зари, он стал всматриваться в самого себя. Красота — это глубоко человеческое. Это радость нашей жизни. Человек стал Человеком потому, что увидел глубину лазурного неба, мерцание звезд, розовый разлив вечерней зари, багровый закат перед ветреным днем, трепетание марева над горизонтом, бесконечную даль степей, синие тени в сугробах мартовского снега, журавлиную стаю в голубом небе, отражение солнца в мириадах капель утренней росы, серые нити дождя в пасмурный осенний день, фиолетовое облачко на сиреневом кусте, нежный стебелек и голубой колокольчик подснежника — увидел и, изумленный, пошел по земле, создавая новую красоту. Остановись и ты в изумлении перед красотой — и в твоем сердце расцветет благородство. Перед человеком открылась радость жизни потому, что он услышал шепот листьев и песню кузнечика, журчание весеннего ручейка и переливы серебряных колокольчиков, жаворонка в горячем летнем небе, шуршание снежинок и стон метели за окном, ласковое плескание волны и торжественную тишину ночи — услышал и, затаив дыхание, слушает сотни и тысячи лет чудесную музыку жизни. Умей и ты слушать эту музыку. Дорожи красотой, береги ее.

Высшая красота — в человеке, вершина человеческой красоты — это красота женщины. Восторженное отношение к женской красоте воплотили в бессмертных художественных образах великие поэты — Гомер, Данте, Шекспир, Гёте, Пушкин, Шевченко, Мицкевич. Целомудренно воспетая ими красота живых женщин, — тех, в которых они сами были влюблены, — стала мерилом нравственности чувства любви для многих поколений. Красота женщины не порождена половым инстинктом и не представляет собой чего-то нераздельного с половыми потребностями. Запиши себе в записную книжку и запомни слова Белинского: «Вот прекрасная,

молодая женщина: в чертах лица ее вы не находите никакого определенного выражения — это не олицетворение чувства, души, доброты, любви, самоотвержения, возвышенности мыслей и стремлений... Оно только прекрасно, мило, одушевлено жизнью — и больше ничего; вы не влюблены в эту женщину и чужды желания быть любимым ею, вы спокойно любуетесь прелестью ее движений, грацией ее манер, — и в то же время, в ее присутствии, сердце ваше бьется как-то живее, и кроткая гармония счастия мгновенно разливается в душе вашей».

Во внешней человеческой красоте воплощены наши представления об идеале прекрасного. Внешняя красота — это не только антропологическое совершенство всех элементов тела, не только здоровье. Это внутренняя одухотворенность — богатый мир мыслей и чувств, нравственного достоинства, уважения к людям и к себе. Средоточие духовной жизни, зеркало мысли, выразитель чувств — человеческие глаза. Чем выше нравственное развитие и общий уровень духовной культуры человека, тем ярче отражается внутренний духовный мир во внешних чертах. Это свечение души, по выражению Гегеля, все больше проявляется, понимается и чувствуется современным человеком. Внутренняя красота отражается на внешнем облике. О внутренней пустоте свидетельствует даже то, что человек стремится прибавить к своей внешности черты, или вообще не свойственные нормальным человеческим представлениям о красоте, или же унижающие человеческое достоинство.

Единство внутренней и внешней красоты — это эстетическое выражение нравственного достоинства человека. Нет ничего зазорного в том, что человек стремится быть красивым, хочет выглядеть красивым. Но, мне кажется (как думаешь ты?), надо иметь моральное право на это желание. Нравственность этого стремления определяется тем, в какой мере эта красота выражает творческую, деятельную сущность человека. Ярче всего красота человека проявляется тогда, когда он занят любимой деятельностью, которая по своему характеру подчеркивает в нем что-то хорошее, свойственное его личности. При этом его внешний облик как бы озарен внутренним вдохновением. Не случайно красоту дискобола Мирон воплотил в момент, когда напряжение внутренних духовных сил сочетается с напряжением сил

физических, в этом сочетании — апофеоз красоты. В девушке, помыслы которой — о творчестве, красота ярче и глубже, чем в такой же девушке, изнывающей от безделья. Безделье — враг красоты, помни это, сын. Красив человек труда — комбайнер, тракторист, летчик за штурвалом своей машины, садовод у любимого дерева. Внутренняя духовная красота озаряет лицо ученого, мыслителя, поэта, изобретателя в момент, когда разум воодушевлен, озарен светом творчества. Если хочешь быть красивым — трудись до самозабвения, трудись так, чтобы ты почувствовал себя творцом, мастером, господином в любимом деле. Трудись так, чтобы глаза твои выражали одухотворенность великим человеческим счастьем — счастьем творчества.

Красота — спутник вдохновения. У О. Гончара есть прекрасная новелла — «Подсолнечники». В ней рассказывается о скульпторе, которому поручили изваять бюст девушки — мастера высоких урожаев подсолнечника. Лицо девушки поразило мастера некрасивостью. Оно не вдохновляло, и скульптор отказался от работы. По дороге на станцию ему пришлось ехать мимо поля цветущих подсолнечников. Здесь он увидел и свою героиню — она работала. Но теперь ее лицо выглядело другим. Оно было воодушевлено чувством красоты труда, во внешних чертах светилась красота внутренняя. «Она красива!» — воскликнул художник, в своем воображении он уже лепил черты лица девушки.

Внешняя красота имеет свои внутренние, нравственные истоки. Любимое творчество делает человека красивым, преобразует черты лица — делает их тонкими, выразительными.

Красоту создают тревога, забота — то, что обычно называют «муками творчества». Как горе откладывает на лице неизгладимые морщины, так и творческие заботы являются самым тонким, самым искусным скульптором, делающим лицо красивым. И наоборот, внутренняя пустота придает внешним чертам лица выражение тупого равнодушия, невыразительности.

Если внутреннее духовное богатство создает человеческую красоту, то бездеятельность и тем более безнравственная деятельность эту красоту губят. Когда соприкасаешься со многими молодыми людьми в большом коллективе, то среди ярких, запоминающихся лиц видишь лица, которые ничем не обращают на себя вни-

мание — они мелькают, но не запоминаются. Духовная пустота делает безликой внешность человека.

Безнравственная деятельность уродует. Привычка лгать, лицемерить, пустословить постепенно создает блуждающий взгляд: человек избегает смотреть в глаза другим людям; в его глазах трудно увидеть мысль, он прячет ее. Подхалимство, угодничество не только придают выражение подобострастия глазам, лицу, но накладывают отпечаток на все тело. При встрече с подхалимом и угодником мне кажется, что он, дабы угадать мысли начальника, слушает не только ушами, но прислушивается всем телом — руками, ногами, даже спиной, готовой в любую минуту изогнуться то ли в подобострастной покорности, то ли в извинении. Ничто так не обезображивает, как угодничество: человек становится не самим собой, он как бы стремится вылезть из собственной шкуры. Зависть, эгоизм, подозрительность, боязнь того, что «меня не оценят», — все эти чувства постепенно огрубляют черты лица, придают ему угрюмость, нелюдимость. Быть самим собой, дорожить своим достоинством — это живая кровь подлинной человеческой красоты.

Идеал человеческой красоты — это вместе с тем и идеал нравственности. Единство физического, нравственного, эстетического совершенства — это и есть та гармония, о которой так много говорится. Нельзя сделать прекрасной нашу жизнь, не сделав прекрасным человека и одно из самых благородных человеческих чувств — любовь. Вершина общечеловеческой красоты будет достигнута тогда, когда каждый из миллионов членов нашего общества, говоря образно, засверкает своей внутренней красотой. Каждый будет, по словам М. Горького, как звезда друг перед другом. Я твердо убежден, что при коммунизме все люди будут красивыми. Иначе и быть не может, потому что внутренняя и внешняя красота будут расцветать одновременно.

Ты — творец собственной духовной красоты. От тебя же зависит красота людей, живущих с тобой рядом.

Посылаю тебе «Избранное» Грина. Эту книгу надо читать не только умом, но и сердцем. Читать не только строчки, но и между строчек.

Желаю тебе доброго здоровья и бодрого духа. Обнимаю и целую тебя.

Твой отец

Добрый день, дорогой сын!

Получил твое письмо из колхоза. За пять лет ты хорошо узнаешь сельскую Украину — побываешь по крайней мере в пяти областях. Ты пишешь, что в селе, где вы работаете, судили бывшего полицейского — преступника, который двадцать лет назад истязал советских людей, убивал и мучил партизан, стариков, женщин и детей. Ты удивлен: как это может быть — человек родился в Советской стране, вырос при социализме, и вдруг он становится изменником Родины. Ведь сама жизнь воспитывает, восклицаешь ты.

В том-то и дело, что — в этом я твердо уверен — воспитывает не жизнь сама по себе, а человек. Жизнь только помогает человеку. Расскажу тебе одну историю, из которой ты поймешь, как рождаются перевертни...

В одном из сел нашего района до недавнего времени жил человек, судьба которого страшна и в то же время поучительна.

Это было в начале войны. Кровавый смерч горячим дыханием опалил Украину, с Запада ползла фашистская орда, наши войска отступали за Днепр. В тихое августовское утро на главную улицу села, где жил этот человек, приехала колонна вражеских мотоциклистов. Люди попрятались в хаты. Притихшие дети боязливо выглядывали в окна.

И вдруг люди увидели невероятное: из хаты вышел этот человек — в вышитой сорочке, в начищенных до блеска сапогах, с хлебом-солью на вышитом рушнике. Заискивающе улыбаясь фашистам, поднес им хлеб-соль, поклонился. Маленький рыжий ефрейтор милостиво принял хлеб-соль, похлопал изменника по плечу, угостил сигаретой, а потом вынул из кармана пачку сигарет, подержал ее в руке, подумал, раскрыл пачку, отсчитал половину сигарет и отдал...

Все это видели в окна дети, обо всем этом они рассказали матерям. Через несколько минут о позорном гостеприимстве своего земляка узнало все село. Закипела в сердцах лютая ненависть, сжались кулаки. Потом стали думать люди: кто он, этот человек, что привело его на страшный путь предательства? Вспоминали родословную от деда-прадеда, мысленно оглядывали его детство. Как же так, ведь он — двадцатилетний юноша, кажется, и в комсомоле состоит. Но постойте, как же

его зовут? Фамилию знали, фамилию-то человек имеет родительскую, а имени никто не знал. Хорошо знали его мать — колхозницу Ярину. И человека этого с детства так и называли: Яринин сын. Стали думать: что же привело парня к предательству? Но о Ярининином сыне никто ничего определенного сказать не мог. Соседи называли его маменькиным сынком. Один сын у отца и матери, он спал до обеда, а возле кровати на столе стояла уже заботливо приготовленная матерью крынка с молоком, белый калач, сметана... Люди с малых лет приучали детей к труду, будили их на рассвете, посылали в поле на работу, а Ярина оберегала свое золотко (так она называла его: мое золотко, мой единственный-ненаглядный) от труда и забот.

Вот тебе и жизнь воспитывает... Ведь любила Ярина сыночка до самозабвения, а чем он ей отплатил? Если бы жизнь воспитывала, то любовь матери воспитала бы и у сына чувство любви. Но в жизни не так все просто получается. Бывает, что любовь оборачивается тяжелой бедой.

Как и когда появился в селе Яринин сын в ту тяжелую годину — никто не мог сказать. Сидели в сумерках старики и женщины под ветвистыми вишнями, говорили обо всем этом, и не давала покоя мысль: в кого он уродился? Прошло три дня после того, как село заняли фашисты, а Яринин сын уже ходил по улице с полицейской повязкой на руке.

— Думаем-гадаем, а легче от этого не станет, — сказал 70-летний дед Юхим. — Откуда падлюка такая взялась? От пустой души. Нет у этого человека ничего святого за душой. Не истекла душа болью ни за мать, ни за землю родную. Не содрогнулось сердце от тревоги за землю дедов и прадедов своих. Не оставили руки корня в родной земле, ничего не создали для людей, не оросил пот ниву, нет мозолей от труда нелегкого и сладкого, и вырос чертополох.

Страшные дни наступили для матери. Видела она, что люди презирают ее выродка, презирают и ее. Пыталась увещевать сына, напоминала о возвращении Советской власти и о расплате, но сын стал угрожать: ты знаешь, что бывает с теми, кто не согласен с новым порядком. «Не сын ты мне больше», — сказала мать, оставила хату, ушла к сестре.

Окончились страшные дни оккупации, на рассвете

ноябрьского дня принесли на острых штыках зарю свободы советские солдаты. Жаркие бои обошли село стороной, не успел Яринин сын убежать со своими хозяевами. А народная месть в радостные дни освобождения почему-то не коснулась фашистского холуя и преступника — не успели расправиться с ним односельчане, а дотошные юристы стали проверять каждый факт, не доверяя слухам. Кто видел, как Яринин сын участвовал в казни партизана? Кто видел, как он расстреливал советских людей? Кто может доказать, что именно он отправлял на каторгу черноглазую красавицу? Все это нелегко было доказать, хотя все знали, все были убеждены, что эти преступления совершил он. Долго шло следствие, взвесили, наконец, что было доказанным, судили Ярининого сына, приговорили к семи годам тюрьмы.

Слова деда Юхима оказались пророческими: и раньше редко кто знал имя предателя, все звали его Яринин сын, а теперь и вовсе забыли его имя. Стали называть этого тридцатилетнего человека по-разному. Одни говорили просто: тот, подлец; другие — человек без души, третьи — человек, у которого за душой нет ничего святого. Он жил в родительской хате, никто к нему никогда не ходил, соседи запрещали своим детям подходить близко к хате «человека без имени» — такое имя, наконец, дали ему все крестьяне.

Мне бы хотелось, чтобы страшная судьба человека без имени заставила молодых людей посмотреть на себя как бы со стороны, заставила заглянуть в свою душу и спросить самого себя: а что для меня дорого в нашей советской жизни? Где нити, которыми я связан с народом? Чем я уже заслужил и чем заслужу в будущем уважение народа?

Поставь и ты себе эти вопросы. Задумайся над тем, что человек сам толкает себя в пропасть одиночества, если в его душе нет того священного огонька, без которого невозможно счастье, — огонька любви к людям. Почему у честной, трудолюбивой женщины вырос сын предатель? Разве не радостным и беззаботным было его детство? Казалось, мать отмерила сыну счастье полной меркой. Но какое это было счастье и какой меркой оно измерялось? Счастьем для ребенка стала животная радость потребления, эгоистические удовольствия затмили окружающий мир. Отгороженное глухой стеной этих удовольствий от радостей и невзгод народа, юное серд-

це стало черствым, бездушным. Нельзя воспитать чуткую и честную душу гражданина, если единственной радостью для этой души является радость потребления, если человек приходит к человеку.

Я смотрю в твои глаза, мой сын, думаю: что ты сделал для людей? Где та нить, которая связывает тебя с трудовым народом? Где корень, который питает твое духовное благородство из источника вечной и непреходящей красоты — завоеваний революции? Что принесло тебе самую большую в жизни радость? Ты вместе с товарищем во время первомайских праздников сел за руль трактора, работал два дня в поле, чтобы ветераны труда отдохнули. Ты возвращался каждый день с работы уставший, лицо твое было покрыто пылью, но радостный, счастливый, потому что ты делал людям добро и в этом нашел свою радость. Ты вывез в поле тонн двадцать удобрений, и бесплодный пустырь, где даже сорняки не росли, превратился в тучную ниву. В твоих глазах загорелись огоньки человеческой гордости, когда ты смотрел на с в о е поле. Но сохранится ли этот огонек на всю жизнь — вот что меня беспокоит.

Чем ярче красота миллионов роз в нашем всенародном цветнике, тем больше бросается в глаза куст чертополоха или дурмана, неизвестно откуда взявшихся, отравляющих чистый воздух нашей жизни. Дурман и чертополох можно вырвать, удалить из цветника, человека же из общества не выкинешь. Надо заботиться о том, чтобы дурман не появлялся, чтобы каждое семя, положенное в плодородную почву, дало красивый цветок.

Есть пословица: «С кем поведешься, от того и наберешься», она справедлива, но бывает нередко и так, что человека как будто бы ничему плохому никто не учил, никакие предосудительные поступки на его глазах не происходят, а вырастает он подлецом. Все дело в том, что, как оказывается на поверку, этого человека никто не учил ни плохому, ни хорошему, и он растет, как бурьян на пустыре.

Вот так и рождается самое страшное, что можно представить в наши дни, — пустота души. Человека без имени не учили предавать Родину и быть мучителем, но таким он стал именно потому, что, как хорошо сказал дед Юхим, не истекла у него душа болью ни за мать, ни за землю родную, не оставили руки корня в родной

земле, не приросла к этому корню капля пота и крупица человеческой чести. Если человека не учить ни хорошему, ни плохому, он не станет Человеком; чтобы живое существо, родившееся от человека, стало Человеком, надо учить только хорошему.

Желаю тебе крепкого здоровья и бодрого духа. Крепко обнимаю и целую тебя.

Твой отец

Добрый день, дорогой сын!

Твое письмо озадачило меня, на иего ответить не так легко. Ты просишь посоветовать: что надо делать комсомольской организации группы, чтобы жизнь ее была «кипучей, живой, интересной», чтобы «на собрании не скучали, не ожидали: когда это скорее окончится»... Трудно ответить потому, что я не знаю хорошо, чем живет ваш коллектив, какие у ваших комсомольцев интересы и идеалы. Но порекомендовать коечто надо.

Мие хорошо известна эта болезнь комсомольских организаций: сойдутся на собрание и не знают, о чем говорить, какой вопрос поставить на обсуждение. В чем причина этой болезни? Мне кажется, в отрыве всей духовной жизни коллектива от собраний, от коллективных споров и дискуссий. Ваши собрания станут интересными тогда, когда они будут вызываться необходимостью, иными словами: вам должно захотеться сойтись, чтобы подумать коллективно, поспорить, посоветоваться.

Самое главное, чем, на мой взгляд, должна заниматься любая комсомольская организация — и в школе, и в колхозе, и на заводе, и в вузе, — это воспитаиие человека. Делайте так, чтобы комсомольское собрание было школой самовоспитания. Воспитание ума и жизиенной мудрости, воспитание чувств, воспитание гражданского долга, воспитание иравственной зрелости — все это надо выразить в таких формах работы, чтобы каждый юноша, каждая девушка видели себя, познавали себя, думали о своей судьбе, чтобы будущее волновало и тревожило, но в то же время чтобы самопознаиие сочеталось со стремлением к идеалу, чтобы каждый к чему-то стремился. Я твердо убежден в том, что важнейшей воспитательной задачей вуза и комсо-

мольской студенческой организации является воспитание мировоззрения, идейной устремленности человека, а это начинается с воспитания ума, мудрости. Идея — это корень, идеал — зеленый росток, из которого развивается могучее дерево человеческой мысли, деятельности, поступков, порывов, страстей, столкновений. Я считаю, что комсомольская организация должна каждого молодого человека научить, по словам К. С. Станиславского, постигновению важнейшей жизненной мудрости: научиться думать так, чтобы приблизиться к познанию идеи, чтобы стремиться к идеалу. Все жалуются на память, но почему никто не жалуется на свой ум? Потому что никто не стремится, вернее, не стремился до сих пор познать слабые стороны своего ума, воспитывать свой ум... Странное, очень странное дело наблюдается в комсомольских организациях: говорят обо всем, часто стремятся охватить мысленно сложнейшие вопросы воспитания мировоззрения, а вот о воспитании ума никто не говорит. А с этого все начинается, в этом все корни... Дураки опасны сейчас, при коммунизме же они будут еще опаснее, потому что, по-видимому, их будет меньше, и на фоне человеческой мудрости их глупость будет еще глупее.

Да, но как же воспитывать ум, мировоззрение, идейность, стремление к идеалу, как поставить все это в ряд?

Мудрость есть дочь опыта, писал Леонардо да Винчи. Железо ржавеет, не находя себе применения, стоячая вода гниет или на холоде замерзает, а ум человека, не находя себе применения, чахнет. Подумайте, поспорьте над проблемой: что представляет собой наш жизненный опыт? Уверяю тебя, это будет интереснейший разговор. Интересен он будет тем, что каждый из вас как бы со стороны посмотрит на собственный ум. Вы будете подвергать умственному анализу то, что вы делаете, то, как вы поступаете. Здесь будет разговор и об идеях, и об идеале, но все это через призму личного восприятия. В споре о жизненном опыте человек как бы подводит итоги того, что он сделал, но этот итог невозможен без самооценки, и в этом заключается большая воспитательная ценность диспута. Сильный ум, преследующий практические цели, — лучший ум на земле, писал Гёте. Свой опыт надо анализировать с точки зрения практических целей. Но все ваше учение, весь ваш умственный труд имеет практическую цель: стать хороши-

ми гражданами, хорошими творцами, честными людьми — людьми с ясной головой, чистым сердцем, золотыми руками. Вот и подумайте над тем, как вы стремитесь стать хорошими людьми. Какие книги вы читаете, что вас волнует, насколько глубоко пронизывает ваш умственный труд пытливая мысль? «Чтобы переварить знания, надо поглощать их с аппетитом» — эти слова А. Франса я советовал бы поставить эпиграфом к вашему спору.

Вам жить в коммунистическом обществе, у вас должен быть разум творца. Что значит творческий разум? Это мировоззрение в действии. Ваше учение в вузе вообще должно отличаться тем, что, думая, вы должны не только познавать, объяснять окружающий мир, но и что-то утверждать, за что-то бороться, что-то отстаивать. Один комсомольский работник вуза говорил мне:

— Трудно поставить работу вузовской организации так, чтобы каждый юноша, каждая девушка участвовали в чем-то конкретном. Мы — «чистые мыслители», какая у нас может быть прямая, непосредственная связь с жизнью?

Странное недомыслие... Ведь «чистые мыслители» шли на смерть за то, что не захотели отказаться от своих убеждений. Анализируя свой жизненный опыт, вы должны ответить на вопрос: «Что мы утверждаем, отстаиваем, за что мы боремся?» Я думаю, что в нашем обществе именно в сфере мышления будет еще долго происходить острая борьба между научно-материалистическим мировоззрением и суевериями, предрассудками, окостеневшими взглядами. Сколько есть еще людей, твердо убежденных в том, что во многих явлениях есть познаваемые и непознаваемые стороны: есть что-то таинственное, сверхъестественное, что никогда не может быть и не будет познано и объяснено. Как правило, люди, придерживающиеся таких взглядов, являются глубоко верующими, религиозными! В их душах надо утверждать другую веру и другую надежду: веру в то, что человек сегодня одну за другой объясняет непознанные вчера тайны природы, мышления, в процессе познания перед ним открываются новые загадки, новые тайны, которые будут объяснены. Верю в то, что, познав сложнейшие тайны тонкости жизни, человек овладеет самой большой, извечной тайной — тайной бессмертия. Это настоящая борьба за торжество разума и

вместе с тем борьба за человека. И всюду здесь — мысль, мысль, мысль. Всюду стремление к торжеству разума, ведь разум, писал В. Г. Белинский, дан человеку для того, чтобы он разумно жил, а не для того только, чтобы он видел, что он неразумно живет. Обогащайте свой опыт борьбой за человека — тогда вам будет о чем спорить, будет о чем говорить.

И вообще в своей повседневной жизни утверждайте одну из важнейших научно-материалистических истин: то, что сегодня еще не познано, завтра будет познано. Например, еще недостаточно раскрыта материальная природа радиоволн, а сущность гравитации вообще объяснена еще очень туманно, многое здесь совершенно неясно. Боритесь за научно-материалистическое познание именно здесь, в сфере этих тайн природы. Думайте, думайте и еще раз думайте. И чем больше будет пищи для ума, тем острее будет ваш спор, тем богаче самопознание жизненного опыта.

Если вы будете думать над тем, что еще не достигнуто, не познано, — вы будете по-настоящему мудрыми людьми. А мудрость, писал Л. Н. Толстой, необходима всем людям и поэтому свойственна всем людям. Мудрость в том, чтобы знать свое назначение и средства исполнять его. «Хорошо было бы, если бы мудрость была такого свойства, чтобы могла переливаться из того чевека, который полон ею, в того, в котором ее нет... Но горе в том, что для восприятия чужой мудрости нужна прежде всего самостоятельная работа».

Вот над этими словами мудрейшего из мудрых тоже надо глубоко задуматься. Какими бы мудрыми ни были люди, окружающие тебя, ты не поднимешься ни на одну ступеньку длинной лестницы человеческой мудрости, если будешь бездельничать. Какой бы умный спор не происходил рядом с тобой, надо самому «шевелить мозгами», чтобы стать умнее.

Я советовал бы поспорить на комсомольском диспуте о том, что Ромен Роллан называет мужеством ума и честностью ума: «Мужество ума состоит в том, чтобы не отступать перед тягостями умственного труда. Честность ума состоит в том, чтобы не отступать перед правдой, стремиться к ней, находить ее любой ценой, гнушаться легких и удобных половинчатых решений, унизительной лжи... Иметь смелость самостоятельно мыслить. Быть человеком». Подумайте, честно, как го-

ворится, признайтесь каждый самому себе, всегда ли вы преодолеваете тягости умственного труда. Помни, сын, что в умственном труде очень легко поддаться искушению избрать легкий путь и уклониться от самого трудного пути. Всегда ли вы преодолеваете трудности во имя торжества справедливой истины, во имя идеи, идеала?

Вот сколько можно спорить о разуме и мудрости. А об идеях, об идеале — тоже не меньше. Я советовал бы устроить диспуты на темы: «Кого я считаю образцом для подражания», «Человеческий идеал и идеальный человек», «Нравственность и красота». Помню, когда я учился в институте, у нас были диспуты как раз на эти темы. Попробуйте и вы — увидите, как скрестятся мечи взглядов. У Горького есть изумительная мысль: «Когда природа лишила человека его способности ходить на четвереньках, она дала ему, в виде посоха,— идеал! И с той поры он бессознательно, инстинктивно стремится к лучшему — все выше! Сделайте это стремление сознательным, учите людей понимать, что только в сознательном стремлении к лучшему — истинное счастье». Понятно тебе это — перейти от бессознательного, инстинктивного стремления к идеалу — к сознательному? Это и есть то, что мы называем самовоспитанием. Посох, добытый человеком неимоверными трудами его (не природа дала посох-идеал, нет), не должен быть пудовой дубинкой, приковывающей человека к одному месту. Пусть он будет гибкой тростью, помогающей нащупать дорогу даже в беспросветной темноте.

Без идеала не может быть никакого движения вперед. Без идеала немыслима юношеская мечта, а мечта является искрой, из которой разгорается комсомольская романтика. Поспорьте об идеале — и вы увидите, как взлет мечты поднимет вас над массой жизненных явлений, и среди них вы сумеете найти то, что для вас дорого.

Вот некоторые мои советы о том, каким может быть предмет спора на комсомольском собрании. Это, конечно, не будут обычные собрания, которые всем нам приелись, на которых никому не хочется выступать, потому что все уже говорено и переговорено... Это будет игра живой, творческой мысли, одухотворенной благородными побуждениями.

Желаю тебе крепкого здоровья и доброго духа. Обнимаю и целую тебя.

Твой отец

Добрый день, дорогой сын!

Молодцы, ребята, я очень рад, что вы поступили так, как велели ваши убеждения. Меня удивляет, как мог у молодого агронома повернуться язык, чтобы дать такое бессмысленное, просто глупое и бесхозяйственное распоряжение — прекрасные подсолнечники, случайно выросшие и созревшие в массиве кукурузы (из опавших зерен), свалить, затоптать в землю, чтобы они не мешали комбайну, убирающему кукурузу. Ваша совесть восстала против этой — не только бессмысленной, но и вредной — показухи. Это и есть комсомольская совесть, истинные убеждения. Просто замечательно вы поступили, отказавшись выполнить глупое распоряжение, поработав несколько часов сверх нормы, срезав все созревшие корзинки подсолнечника,— ведь вы спасли несколько десятков центнеров зерна. Его можно использовать на семена.

Вы приобрели нечто несравненно большее, чем эта материальная ценность для коллектива. Вы приобрели большое духовное богатство — то, что Ромен Роллан назвал честностью ума.

Духовная красота человека — прежде всего в верности благородным, истинным, правильным убеждениям. Я уже писал тебе об этом в прошлом году, но об убеждениях можно написать целую поэму. Чувство правды, помноженное на уважение к самому себе,— вот что такое горячая убежденность, заставляющая человека действовать только так, как подсказывает ему совесть. Недавно у нас произошел поучительный случай. В VII классе учится 13-летняя девочка (ты ее знаешь) Марина Д. Родители у нее — сектанты. Несколько месяцев назад они стали усиленно убеждать свою единственную дочь в том, что без веры в «истинного бога» нельзя прожить на свете. Они несколько раз водили Маринку на моленья. А в сознании девочки с малых лет были заронены зерна веры в подлинную правду — в величие человеческого разума. После одного из молений девочка спросила у проповедника:

— Вы говорите, что бог создал все живое на Земле... Утверждаете, что бог делает только благо для человека. Но почему тогда бог создал тысячи смертоносных микроорганизмов, которые принесли смерть миллионам людей? Какое же это благо?

Проповедник ответил:

— Истинный бог требует веры сердцем, чувством, а не разумом. Не надо мудрствовать, не надо доискиваться до всего. Надо верить, и бог воздаст тебе.

— Нет, не могу я верить неправде,— сказала Марина и оставила молитвенный дом. Отец и мать стали угрожать ей: проклянем тебя, не дочь ты нам и т. д. Девочка сказала:

— Если я не дочь вам — уйду от вас.

И ушла к подругам. Вот уже месяц живет у подруг, весь коллектив школы помогает ей. А родители скоро — я уверен в этом — придут к дочери, станут просить прощения. Стойкость Марины потрясла их, заставила над многим задуматься. Стали и они прислушиваться к тому, о чем говорит проповедник. Уже два раза поставил отец Марины «крамольные» вопросы...

Вот это настоящая идейная убежденность. Почему же это так — 13-летняя девочка проявляет подлинное идеологическое мужество, а 30-летний агроном поступает сам против своей совести? Ведь он-то — вне всякого сомнения — убежден, что лучше убрать, бережливо сохранить подсолнечник, чем погубить его. Почему же он так делает?

Опять же надо говорить о душе. Такие люди, как этот агроном, знают словесную оболочку идей, но идеи не слились со всем существом их души, не овладели их помыслами, не волнуют чувств. В. И. Ленин о таких людях говорил, что у них «убеждения сидят не глубже, чем на кончике языка». Таким людям нельзя поручать никакого серьезного дела. По деловым качествам они — болтуны, краснобаи. Я помню такой случай. Был у нас в колхозе молодой зоотехник. Приехал представитель из района и говорит: «Надо переходить на бесстойловое содержание коров», то есть не привязывать их к «рабочему месту», пусть себе ходят по загону. Зоотехник сразу же выполнил этот совет и стал расхваливать бесстойловое содержание скота. Но вот возвратился председатель из отпуска и сразу же прекратил этот эксперимент — коровы были опять пос-

тавлены к стойлам. А о зоотехнике тем временем написали в районной газете как о новаторе, стали расхваливать его на все лады. Молодой работник оказался в затруднительном положении. И вот какой выход он нашел: на одном небольшом участке фермы, куда часто наведывались приезжие из района, он продолжал бесстойловое содержание коров, а на остальных фермах выполнялось указание председателя колхоза. Вот до чего может дойти человек, не имеющий убеждений.

Помни, что от угодничества и беспринципности до предательства — один шаг. «Убеждение должно быть дорого потому только, что оно истинно, а совсем не потому, что оно наше». Умей утверждаться в убеждениях. Истина — далеко не всегда то, что бросается в глаза с первого взгляда. Истина часто лежит где-то в глубине вещей и явлений. Можно подыскать множество примеров, свидетельствующих о том, что культура труда в животноводстве в наших колхозах стоит на очень высоком уровне. Но можно подыскать такое же множество фактов, из которых вытекает вывод о том, что труд в животноводстве очень примитивен и находится на уровне феодального хозяйства... И то и другое можно доказать, но ни то ни другое не будет истиной, не будет правдой. Правда очень сложна и нередко противоречива; если ты не будешь понимать этого, то часто жизнь будет ставить перед тобой необъяснимые загадки и непреодолимые трудности. Анализируя факты, надо уметь видеть в них диалектику развития, тенденцию развития — и тогда все станет понятным. Если разобраться в культуре труда на животноводческих фермах, то станет ясно, что ферм, на которых господствует ручной труд, с каждым годом становится меньше, но процесс этот совершается не по мановению чьей-то руки, — вот в чем диалектика развития, вот в чем правда, истина.

Часто можно услышать утверждения: преступность у нас растет, что делать, хулиганов становится слишком много... Это неправда, как неправдой является и взгляд на мир через розовые очки: все у нас благополучно, количество преступлений неуклонно уменьшается. Правда, истина заключается в том, что народ наш не может больше мириться с нарушителями общественного порядка, преступниками, тунеядцами. Если уж слишком часто говорится о хулиганах, пьяницах, преступниках, то

это значит, что на фоне того прекрасного, что есть в нашем обществе, эта грязь становится нетерпимой.

Прошу тебя, как только возвратишься из колхоза, посмотри в книжных магазинах, нет ли 1-го тома «Избранных сочинений» Эйнштейна. Купи и пришли, если найдешь. Желаю тебе добра, здоровья, бодрого духа, успехов в учении. Обнимаю и целую тебя.

Твой отец

Добрый день, дорогой сын!

Твое письмо пробудило большую тревогу. Оно заставило задуматься над теми тайниками человеческой души, которые трудно поддаются воспитанию, о которых воспитатели нередко забывают... Ты пишешь с возмущением: к студенту приехала мать, колхозница из далекого села, и он, стыдясь того, что у него мама — простой сельский человек, трусливо спрятался от нее, передав через товарища, что он в отъезде... не забыв между тем сказать, чтобы корзинку с курицей, салом и калачами мать оставила...

Ты возмущаешься, а я размышляю. Мне кажется, что самая сложная сфера коммунистического преобразования мира — отношения между людьми, утверждение в человеческом сердце подлинной человечности. До тех пор, пока не будет утверждено все самое лучшее, человечное в самом человеке, в его мыслях и чувствах, нечего говорить о победе коммунистических производственных отношений.

Один теоретик педагогики недавно сказал: настоящее идейное воспитание начинается с того момента, как ребенок надел красный пионерский галстук. Это большая ошибка. Идейное воспитание начинается с того момента, как ребенок произнес слово «мама». Каким станет существо, родившееся от человека и имеющее человеческий облик, — в огромной мере зависит от того, как это существо относится к матери, какие чувства переживает оно, произнося слово «мама». Сыновний долг — это испытание на человечность.

Есть старинная украинская легенда.

Был у матери единственный сын. Женился он на девушке изумительной, невиданной красоты. Но сердце у

девушки было черное, недоброе. Привел сын молодую жену в родной дом. Невзлюбила сноха свекровь, сказала мужу: «Пусть не заходит мать в хату, посели ее в сенях». Поселил сын мать в сенях, запретил ей заходить в хату. Боялась мать показаться злой снохе на глаза. Как только сноха шла через сени, мать пряталась под кровать.

Но мало показалось снохе и этого. Говорит она мужу: «Чтобы и духом матери не пахло в доме. Пересели ее в сарай». Переселил сын мать в сарай. Только по ночам выходила мать из темного сарая. Отдыхала однажды вечером молодая красавица под цветущей яблоней и увидела, как мать вышла из сарая. Рассвирепела жена, прибежала к мужу: «Если хочешь, чтобы я жила с тобой, убей мать, вынь из ее груди сердце и принеси мне». Не дрогнуло сердце сыновнее, околдовала его невиданная красота жены. Говорит он матери: «Пойдемте, мама, покупаемся в реке». Идут к реке каменистым берегом. Споткнулась мать о камень. Рассердился сын: «Что ты, мама, спотыкаешься? Почему не смотришь под ноги? Так мы до вечера будем идти к реке».

Пришли, разделись, искупались. Сын убил мать, вынул из ее груди сердце, положил на кленовый листок, несет. Трепещет материнское сердце. Споткнулся сын о камень, упал, ударился коленом, упало горячее материнское сердце на острый утес, окровавилось, встрепенулось и прошептало: «Сыночек мой родной, не больно ли ты ушиб колено? Присядь, отдохни, потри ладонью ушибленное место».

Зарыдал сын, схватил горячее материнское сердце ладонями, прижал к груди, возвратился к реке, вложил сердце в растерзанную грудь, облил горячими слезами. Понял он, что никто никогда не любил его так преданно и бескорыстно, как родная мать.

И столь огромной и неисчерпаемой была материнская любовь, столь глубоким и всесильным было желание материнского сердца видеть сына радостным и беззаботным, что ожило сердце, закрылась растерзанная грудь, встала мать и прижала кудрявую голову сына к груди. Не мог после этого сын возвратиться к жене-красавице, постылой стала она ему. Не вернулась домой и мать. Пошли они вдвоем в степь и стали двумя курганами. И каждое утро восходящее солнце первыми своими лучами озаряет вершины курганов...

Такова легенда, созданная народной мудростью. Нет любви сильнее материнской, нет нежности нежнее ласки и заботы материнской, нет тревоги тревожнее бессонных ночей и несомкнутых глаз материнских. «Если в сердце сыновьем загорелась искра, в тысячу раз меньше материнской любви, — говорит украинская народная мудрость, — то и тогда эта искра горела бы всю жизнь человеческую неугасимым пламенем».

Человечество существует потому, что существует материнская любовь. Нет ничего святее и бескорыстнее любви Матери: всякая привязанность, всякая любовь, всякая страсть или слаба, или своекорыстна по сравнению с нею, — я думаю, что в этих словах В. Г. Белинского нет ни капли преувеличения.

Сыновняя благодарность... Сколько горьких дум и скорбных минут переживает материнское и отцовское сердце, чувствуя, что сын или дочь равнодушны, бессердечны, что они забыли о добре, сделанном для них матерью и отцом. И нет выше радости для человека, чувствующего приближение сумерек своей жизни, чем радость, источником которой есть признательность детей за добро и благо, созданные родителями во имя добра и блага детей. Неблагодарный сын, неблагодарная дочь — в сокровищнице народной морали это, пожалуй, самое острое, самое глубокое осуждение человеческих пороков. Именно у трудового народа нам нужно учиться воспитанию чистого, благородного сердца, в неисчерпаемом источнике народной морали нам нужно черпать духовную энергию, без которой невозможны подлинная человечность, дружба и товарищество, братство свободных людей. Я расскажу тебе, как осудил народ в одном селе нашей области сыновнюю неблагодарность. Учись, сын, у народа, учись и на хорошем, и на плохом.

Мать воспитала двух сыновей. Один из них без вести пропал на войне, другой возвратился со службы живой и здоровый, привез с собой несколько чемоданов «трофейного» добра. Никогда не открывал он этих чемоданов при матери. Хата материнская пришла в ветхость, сын решил строить новую. Выбрал место на другом конце села, подальше от матери. Возвел кирпичный дом, покрыл цинком, женился. Зажила молодая семья безбедно. А у матери хата разваливалась. Попросила сына: прикрой соломой дырявую крышу. Сын

ответил: у меня своих забот хватает, думай сама о своей хате. Заплакала мать...

Пришло к старой матери большое горе: заболела, не может с постели подняться. Парализовало руку и ногу. Пришли соседи матери к сыну, говорят: «Есть ли у тебя совесть, Андрей? Мать с постели не поднимается, за ней постоянный уход нужен». Пообещал сын прийти к матери — и не пришел. Стали соседи ухаживать за больной старухой.

Прошло полгода, год минул. Мать чувствовала себя все хуже. А сын ни разу не пришел к ней. Пошла молва по селу: сын от матери отказался. Назвали люди Андрея бессердечным, а потом и более выразительно — скотиной. Рядом с новым домом Андрея собирались было строить новые дома его четыре соседа. Но разве может жить честный колхозник рядом с бездушным скотом? Попросили колхозники себе участки в другом месте, построили дома, переселились. Остались четыре «пустки» с дырявыми соломенными крышами. Страшно стало ходить по улице, где жил Андрей. С вечера до утра раздавался на пустых дворах печальный голос сычей. А через год еще пять колхозников переселились в новые хаты, и на улице стало жутко. Просил Андрей председателя колхоза: дайте опустевшие участки комунибудь на застройку, но никто не хотел селиться рядом с ним.

В грозовую весеннюю ночь загорелась одна брошенная хата от молнии, подул ветер, сгорел весь брошенный куток, лишь дом Андрея, покрытый цинком, остался цел и невредим. В ту же ночь умерла мать Андрея. Пришел сын с женой на похороны, выдавил слезу, пытался делать то, что делают сыновья перед смертным одром матерей, но как-то так получилось, что все, что нужно было сделать, кто-то уже сделал. Сложили соседи оставшуюся материну одежду, связали в узел. Унес Андрей узел домой, и проводили его люди взглядом, в котором удивление смешалось с ненавистью.

На пожарище вырос бурьян. Видели люди, как к самой Андреевой хате подобрался ночью волк, стал на кучу золы, поднял морду и жалобно завыл.

Люди обходили Андрея десятой дорогой, не здоровались с ним. Ужас охватил душу этого бессердечного человека. Страшно стало ему выходить из хаты, ложился спать он с заходом солнца. На пепелищах нико-

му не хотелось строить новые жилища, зарастали дворы чертополохом и осиной. Что-то случилось с Андреем, говорили люди, с ума сошел: днем стал бояться солнца и людей, а ночью бродил по пепелищам. Не удивились люди, услышав весть: повесился Андрей на столбе, сохранившемся на одном пепелище.

Пришли на пепелище бульдозеры, сровняли с землей руины, выкорчевали старые полусгнившие пни. Тракторы вспахали землю, посеяла полеводческая бригада подсолнечник. Зацвели цветы солнца, пришла радость на окраину села. А в хате Андрея поселились веселые механизаторы. Слышат люди по вечерам переливы баяна, слышат девичью песню, вспоминают невеселую историю, задумываются над печальной судьбой Андрея. Задумываются над судьбой своих детей, и не одно сердце в эти вечерние часы тревожит мысль: почему так бывает? Все силы своего сердца отдала мать любимому сыночку — Андрейчику, ночей недосыпала. Вспоминали люди детство и отрочество неблагодарного сына. Вспоминали, как, бывало, выезжала Христина с мужем на подводе в поле косить пшеницу. Положит, бывало, на воз сена ароматного, застелет полотном белым, перенесет Андрейка с подушками, укроет от холода утреннего. Старший, двенадцатилетний сын Пилипко помогает отцу и матери, собирает в лесу дрова, разжигает костер, воду носит, а десятилетний Андрейко спит.

Вырастал Андрейко здоровый и жизнерадостный, мать души в нем не чаяла и больше всего озабочена была тем, чтобы ничто тревожное не коснулось его сердца, чтобы ни одна жизненная невзгода не омрачала его безмятежного детства. Как-то осенью угостила мать Пилипка и Андрейка жареными грибами в сметане. Кушанье до того понравилось Андрейку, что каждый день он просил грибов со сметаной. А грибов вблизи все меньше и меньше оставалось, и приходилось Христине ходить ежедневно в лес верст за двенадцать. Однажды мать разрезала ногу, еле домой дошла. Но скрепя сердце даже виду не подала, что несчастье случилось: разве можно, чтобы у Андрейки настроение омрачилось? Зачем ему знать, что в мире есть горе? — так всегда говорила Христина, когда хотела закрыть детские глаза на что-нибудь печальное. Так и на этот раз. Перевязала кое-как раненую ногу, попросила Анд-

рейку позвать соседку. Ежедневно приносила соседка корзинку грибов, а мать давала ей за это свои вышитые сорочки. Так и не узнал Андрейко, что с матерью стряслась беда. Сердце его жило только своими радостями, ни одно желание не выходило за рамки собственных удовольствий. Поэтому он и вырос бессердечным человеком, равнодушным к горю и заботам, тревогам и волнениям других людей.

Я не знаю того студента, который постыдился своей матери — простой крестьянки-труженицы, но с уверенностью говорю, что это страшный человек. На него нельзя положиться в трудную минуту — он предаст. И тогда, когда он станет семьянином, отцом, мужем, — он ежедневно будет совершать десятки и сотни маленьких предательств, из которых слагается одно большое предательство — он будет калечить своих детей и тиранить жену, будет воспитывать в душах своих детей мелкий эгоизм, себялюбие, презрение и равнодушие к людям.

Желаю тебе крепкого здоровья и бодрого духа.

Твой отец

Добрый день, дорогой сын!

Меня удивили вот эти слова из твоего письма: «Вы пишете так, как будто бы знаете, что я завтра собираюсь жениться и через год воспитывать детей...»

Человека надо учить всему заблаговременно. Трудиться по-настоящему человек начинает лет с восемнадцати, а учат трудиться его начиная с того времени, как он сделал первый шаг. Так и с подготовкой к продолжению рода человеческого. Учить воспитывать своих детей — это значит учить человечности. Не через год — так через пять лет у тебя будет семья, будут дети. Меня поражает вот что: подростка, юношу учат многому — обрабатывать землю и выращивать хлеб, управлять трактором и работать на токарном станке, но как воспитывать детей — этому никто и не думает учить. Учат иногда уже тогда, когда у человека есть дети... А между тем это самое главное.

Каждый день начинается для меня детской радостью. Я вижу в радостных детских глазах восхищение красотой раскрывшегося цветка розы, вижу изумление,

удивление ребенка, созерцающего что-то необычное, новое — удивительной формы облачко в синем небе, пеструю бабочку среди листьев... С радостью показывают дети подарки мам и пап. Как хорошо, что и общество, и родители дают детям много радостей! Но при виде радостных, безмятежных детских лиц в мое сердце закрадывается тревога. Вспоминается маленький Андрейко — он тоже всегда был жизнерадостным, он не был никогда капризным, потому что любящее материнское сердце предотвращало капризы ублажением всех прихотей. Меня тревожит вопрос, над которым должен задуматься каждый будущий отец, и ты задумайся. Зажигает ли наш большой, поистине неугасимый факел любви к ребенку ответную искорку благодарности в его сердце? Чувствует ли ребенок, что радости и блага его жизни — это труд и пот родителей, забота многих и многих «неродных», но дорогих для него людей — дорогих потому, что без них он не мог бы жить, хотя часто бывает, ему и в голову это не приходит?

Продолжить самого себя, повторить себя в своем ребенке — это величайшее счастье родителей. Ты будешь смотреть на своего ребенка как на изумительное, неповторимое чудо. Ты готов будешь отдать все, лишь бы сыну твоему было хорошо. Но не забывай, что он должен быть прежде всего человеком. А в человеке самое главное — это чувство долга перед теми, кто делает тебе добро, чувство признательности и благодарности. За добро, которое ты будешь давать ребенку, он переживает чувство признательности, благодарности лишь тогда, когда он сам будет делать добро для тебя — отца, для своей матери, вообще для людей старших поколений. За добро ребенок должен платить добром — это важнейший закон родительского воспитания.

Помни, что детское счастье по своей природе эгоистично: добро и благо, созданные для ребенка старшими, он воспринимает как нечто само собой разумеющееся. До тех пор, пока не почувствовал, не пережил на собственном опыте (а опыт сам к нему никогда не придет), что важнейший источник его личной радости — это труд и пот старших, он будет убежден, что мать и отец существуют лишь для того, чтобы приносить ему радости и счастье. С первого взгляда это кажется парадоксальным: в честной трудовой семье, где

родители души не чают в детях, отдавая им все силы своего сердца, дети иногда вырастают бессердечными. Но никакого парадокса здесь нет: ребенок вырастает лишь потребителем радостей, а это самое страшное, что может быть в воспитании, потому что величие и красоту добра переживает лишь тот, кто знает высшую человеческую радость — радость творения добра для людей. Только эта, поистине бескорыстная и поэтому подлинно человеческая радость является силой, облагораживающей юное сердце.

Как же добиться, чтобы золотые крупинки, которые мать и отец дарят сыну, дочери, превращались в золотые россыпи для других людей, для родителей? Самое главное — надо учить ребенка видеть и чувствовать, понимать и переживать всем сердцем, что он живет среди людей; для каждой искорки его радостей и благ кто-то сжигает свою силу, свой ум; каждый день его безмятежного и беззаботного детства кому-то прибавляет забот и седин.

Когда у тебя родится ребенок, учи его видеть и чувствовать людей — это, пожалуй, самое сложное в трудном деле воспитания человека, повторение себя в сыне, дочери.

Помни, что раннее детство — с тех пор, как ребенок осознал сам себя, — является *школой сердечности*. Создание, творение добра для людей начинается с заботы ребенка о красоте, о красивом. Все, что доставляет человеку эстетическое наслаждение, радость, имеет чудодейственную воспитательную силу.

Молодые отец и мать должны проектировать человека, думать над содержанием каждого урока школы сердечности: что должен делать ребенок, чтобы его сердце было чутким к окружающему миру, чтобы он сердцем чувствовал, что живет среди людей. Пусть в твоей семье будет свой семейный праздник, в день которого ребенок творит радость для родителей. Во многих семьях у нас — это осенний праздник розы. Ты, конечно, помнишь, как в годы детства вместе с Олей сажал куст розы. Помнишь, как ухаживал за кустом, поливал его. Дети быстро загораются желанием выполнить этот несложный труд, но быстро и охладевают. Ребенку часто надо напоминать: полей, прикрой от холода, разрыхли землю. Его не очень радует этот однообразный труд. Результат труда — благоухающий цве-

ток — в его представлении невообразимо далеко. Его надо учить терпеливости.

Но вот появились первые зеленые листочки на кустике — в детских глазах загораются огоньки радости. Наступает длительная полоса нового однообразного труда. Снова и снова ребенок поливает и рыхлит землю, собирает удобрения. Наконец, совершенно неожиданно для ребенка, появляется первый цветок, потом второй, третий... Огоньки радости, горящие в эти дни в детских глазах, ни с чем не сравнимы. Это не та радость, которую переживает ребенок, получивший что-нибудь в подарок от родителей. Это не радость досуга, отдыха, не предвкушение удовольствий поездки на экскурсию.

Это радость творения добра для самых дорогих людей — матери, отца, бабушки, дедушки. И это добро трогает, волнует, радует детское сердце как раз потому, что добро это — красота. Ребенок ждет не дождется, когда цветок раскроет свои лепестки. Он уже может быть терпеливым. И если случается, что кто-нибудь сорвал цветок, предназначенный для неожиданного подарка матери, — для ребенка это горе. И тот не настоящий человек, который никогда в жизни не пережил этого горя.

Нет для молодого родителя счастья больше, чем видеть сияющие детские глаза в те мгновения, когда ребенок срывает цветок розы и несет его матери. Глаза ребенка в эти мгновения одухотворены чистым сиянием человечности. Они озарены глубокой внутренней радостью — радостью творения добра для людей.

Это чистое сияние, это человеческое озарение как бы открывает ребенку глаза на мир — на людей, на их радости и заботы, на тревоги и невзгоды. Вот ребенок принес матери живой цветок и впервые увидел в материнских глазах изумление и радость. Сердце сказало ребенку в эти мгновения, что радостное изумление мать переживает редко, что у нее бывает немало горестных минут. Чувство жалости к самому дорогому человеку, стремление принести матери еще и еще минуту радостного изумления — вот какими золотыми россыпями обогащается в эти мгновения детское сердце. Ребенку хочется еще и еще создавать красоту для родных, для матери и отца.

Это и есть начало настоящего, коммунистического

воспитания человека. Ребенок, переживший первое чувство творения красоты, добра для людей, приобретает новое видение мира. В цветущих ветвях яблони, в созревающих гроздьях винограда, в задумчивых цветах хризантемы он видит воплощение труда, забот, тревог. У него не поднимается рука сломить ветку, сорвать цветок просто так, зазря.

Пройдет год, два... и в семье утвердится традиция — ко дню рождения матери, отца, бабушки, дедушки дети преподносят именинникам цветы. Если день рождения приходится на зиму — пусть выращивает ребенок цветок в теплице или дома у печки... сколько тревог переживет ребенок, как хорошо, что эти тревоги коснутся его сердца!

Пусть жизнь твоего маленького ребенка будет наполнена заботой, тревогой о живом и красивом, о цветущем и расцветающем. Пусть думает ребенок о маленькой яблоньке, которой холодно под порывом осеннего ветра; пусть в его сердце живет тревога: а не подкрадывается ли в эту холодную ночь к яблоньке серый зайчик, не грызет ли кору? Пусть на рассвете идет ребенок в сад, пробует на ощупь тоненький ствол яблоньки, окутывает его соломой. Пусть сердце ребенка болит и от того, что весенний заморозок повредил цветы персиковых деревьев, и от того, что во время бури маленький птенец выпал из гнезда.

Пусть у ребенка где-то в саду, в огороде будет свой уголок красоты. Зимой в комнате, в теплом уютном местечке.

Через год-два после начала обучения в школе пусть ребенок закладывает сад благодарности. Пусть сажает яблоню матери, яблоню отца, яблоню бабушки, яблоню дедушки: виноградные кусты матери, отца, бабушки, дедушки. Это будет одно из воплощений детской заботы о родителях. Детей нелегко побуждать к уходу за плодовыми деревьями, как и к уходу за розами. Все зависит здесь от жизненной мудрости и настойчивости родителей. Ребенку надо постоянно внушать, во имя кого он трудится, кому он приносит радость своим трудом. Пройдет два-три года, на деревцах, посаженных, как это кажется ребенку, когда-то очень давно, завяжутся первые плоды. Ребенок переживает это как самые светлые дни своего детства. Теперь уже не надо напоминать ему, что надо трудиться, поливать, под-

кармливать деревья, — он и сам не забудет об этом. Он с нетерпением будет ждать, когда созреют яблоки и виноград, чтобы снять плоды и понести матери, увидеть в ее глазах радостное изумление.

Эти мгновения оставят неизгладимый след в душе ребенка. Он как бы поднимается на первую в своей жизни вершину нравственного развития. Те духовные и физические силы, которые вложил ребенок в труд для дорогого человека, — это целый мир переживаний чувств. Творение добра для людей станет его потребностью. Он будет чувствовать сердцем, что товарищу, другу, любимому человеку, живущему рядом, надо помочь. Ребенок, испытывающий потребность делать добро, становится очень зорким, восприимчивым, чутким к окружающему миру, к людям, к поступкам, событиям, взаимоотношениям между людьми. Он чувствует, когда матери и отцу трудно, когда им надо помочь. Как чутки дети, пережившие радость творения добра, к огорчениям и невзгодам матери и отца!

Сердечный, отзывчивый ребенок чувствует зло там, где, казалось бы, с первого взгляда и нет дурного поступка. «Мне надо учиться хорошо по всем предметам, — сказал мне недавно Коля Б., ученик IV класса, — у мамы больное сердце»... Ребенок чувствует, что, если в табеле появятся плохие отметки, сердце матери будет огорчено. Ему хочется, чтобы мать была спокойней... Стремление детей хорошо учиться имеет своим источником прежде всего желание принести матери и отцу радость, а это желание побуждается в детском сердце лишь тогда, когда ребенок уже пережил, испытал радость творения добра для матери и отца. Я твердо убежден, что заставить ребенка хорошо учиться можно, пробудив его к добрым поступкам для родителей.

Помни, что нравственное воспитание — это прежде всего разумное, мудрое ограничение. Ребенок с первых шагов своей сознательной жизни должен понять, что есть три вещи: можно, нельзя и надо. Большую, иногда роковую ошибку допускают те воспитатели, которые, образно говоря, не умеют правильно чередовать эти три блюда: *можно*, *нельзя* и *надо*. Лет до 12, иногда до 13—14, а бывает и до 15—16 лет кормят одним блюдом: *можно*. Ребенку, а потом и подростку все можно, все разрешается. Ему вдалбливается в голову

мысль, что он чуть ли не центр Вселенной, вокруг него все вращается. Потом, когда вдруг оказывается, что ребенок, как говорят в народе, сел на шею родителей, мать и отец в пожарном порядке меняют блюдо: начинают усиленно кормить его блюдом нельзя. Вдруг перед маленьким человеком открывается совершенно новая, неизвестная ему доселе сторона окружающего мира: это запрещается, это не разрешается. Маленький человек чувствует себя связанным по рукам и ногам, оскорбленным. У него извращенное представление о добре и зле, справедливости и несправедливости. До сих пор он каждой клеточкой своего существа чувствовал, что он приносит родителям только радость: что бы он ни делал — мать и отец только хвалят (даже если бабушке пригрозил маленьким кулачком — и за это хвалят: вот какой у нас сын — самостоятельный человек). И тут вдруг оказывается, что он приносит родителям не радости, а одни беды и огорчения, он уже не «золотко» и не «ненаглядный сыночек», а «божье наказание». Вместо ласкового пустословия появляется подзатыльник, а то и ремень. У ребенка разыгрывается болезненное самолюбие. Каждое новое резкое слово родителей — это мелкая соль, посыпающая кровоточащие ранки его самолюбия. Жалость к самому себе — вот душевное состояние, которое я без преувеличения называю неисчерпаемым источником эгоизма. Не допускай, чтобы у детей зародилось это состояние, оно породит ожесточенность. Пусть человек умеет жалеть себя лишь постольку, поскольку он умеет быть добрым и жалостливым к другим.

Умей жалеть и любить. Любовь отцовская должна быть мудрой, а не инстинктивной. Пусть эти поучения будут для тебя крупинками того опыта, который старшие поколения передают младшему. Желаю тебе крепкого здоровья и бодрого духа. Обнимаю и целую тебя.

Твой отец

Добрый день, дорогой сын!

Ты просишь посоветовать, как экономно и умно (это совершенно правильно — умно) использовать время. Жалуешься, что «одна работа подхлестывает другую, не успеешь оглянуться — день окончился,

осталось невыполненным то, что собирался было сделать». Из твоего письма мне ясно также то, что на тебя сваливается, как ты говоришь, «груда книг», не успеваешь прочитать все рекомендованное.

Я дам тебе несколько советов, исходя из собственного опыта.

1. Первое и самое главное — об этом я писал тебе еще в прошлом году — это умение создавать резерв времени в процессе слушания лекций. Неумение слушать лекции приводит к тому, что у студента создаются «авральные» периоды умственного труда: в течение нескольких дней до зачетов (или экзаменов) он сидит над конспектами лекций, а во время зачетов спит 2—3 часа в сутки. Вся работа, которая должна выполняться повседневно, изо дня в день, — на эти «пожарные дни» откладывается. По моим подсчетам, таких «пожарных», «авральных» дней набирается в году не меньше пятидесяти, то есть почти четвертая часть всего рабочего времени. Здесь кроется один из самых главных корней нехватки времени. Надо предотвращать «пожарные» круглосуточные бдения над конспектами. Надо учиться думать над конспектом уже на лекции и работать над записями ежедневно хотя бы в течение двух часов. Я советую конспект делить как бы на две рубрики (графы): в первую записывать кратко изложение лекции, во вторую — то, над чем надо подумать; сюда следует заносить узловые, главные вопросы. Это тот каркас, к которому как бы привязывается все здание знаний по данной дисциплине. Вот над этими каркасными вопросами надо думать повседневно, связывая с этим думанием то повседневное чтение, о котором я говорил. Если ты будешь придерживаться этого требования по всем предметам, у тебя не будет «авральных» дней. Не будет надобности перечитывать и заучивать весь конспект при подготовке к экзамену или зачету. Каркас предмета будет своеобразной программой, на основе которой припоминается весь материал по данному предмету.

2. Если хочешь, чтобы у тебя было достаточно времени, ежедневно читай. Читай каждый день и основательно штудируй несколько (4—6) страниц научной литературы, в той или иной мере связанной с учебными дисциплинами. Кроме того, читай внимательно и вдумчиво, но не штудируй (то есть не записывай), ежеднев-

но не меньше 10—15 страниц научной и научно-популярной литературы. (Сюда входит чтение научных и научно-популярных журналов.) Все, что ты читаешь, — это интеллектуальный фон твоего учения. Чем богаче этот фон, тем легче учиться. Чем больше читаешь ежедневно, тем больше у тебя будет резерва времени. Потому что во всем, что ты читаешь, — тысячи точек соприкосновения с материалом, изучаемым на лекциях. Эти точки являются, я бы назвал так, якорями памяти. Они привязывают обязательные знания к тому океану знаний, который окружает человека. Умей заставлять себя читать ежедневно. Не откладывай этой работы на завтра. То, что упущено сегодня, никогда не возместишь завтра.

3. Начинай рабочий день рано утром, часов в 6. Вставай в 5 часов 30 минут, сделай зарядку, выпей стакан молока с булочкой (не привыкай к чаю, успеешь еще привыкнуть в зрелые годы), начинай работу. Если ты привыкнешь к началу своего рабочего дня в 6 часов, то старайся приступить к работе на 15—20 минут раньше шести. Это хороший внутренний стимул, задающий тон всему рабочему дню.

Полтора часа утреннего умственного труда перед лекциями — это золотое время. Все, что мне удалось сделать, я сделал утром. В течение тридцати лет я начинаю свой рабочий день в пять часов утра, работаю до восьми часов. Тридцать книг по педагогике и свыше трехсот других научных трудов — все это написано от пяти до восьми утра. У меня уже выработался ритм умственного труда: если бы я даже захотел в эти утренние часы спать — это мне не удается, все во мне настроено в это время только на умственный труд.

Я советую тебе выполнять в утренние полтора часа самый сложный творческий умственный труд. Думай над узловыми вопросами теории, штудируй трудные теоретические статьи, работай над рефератами. Если у тебя есть работа с элементами исследования — выполняй ее только в утреннее время.

Следовательно, ты не будешь засиживаться до полуночи. Составь свой дневной режим так, чтобы не меньше полутора (а то и двух) часов заснуть до двенадцати. Это снимает усталость.

4. Умей определить систему своего умственного труда. Это исключительно важная закономерность, от ко-

торой многое зависит. Я имею в виду понимание соотношения главного и второстепенного. Главное надо уметь распределять во времени так, чтобы оно не отодвигалось на задний план второстепенным. Главным надо заниматься ежедневно. Определи самые важные научные проблемы, от понимания которых зависит становление в тебе инженера. Ряд этих проблем являются сквозными, они пронизывают многие дисциплины. Главные научные проблемы должны быть у тебя на первом месте в утреннем умственном труде. Умей найти по главным научным проблемам фундаментальные книги, научные труды, над которыми работай в течение продолжительного времени.

5. Умей создавать себе внутренние стимулы. Многое в умственном труде не настолько интересно, чтобы выполнять с большим желанием. Часто единственным движущим стимулом является лишь «надо». Начинай умственный труд как раз с этого. Умей сосредоточиться на тонкостях теории по этим вопросам, сосредоточиться настолько, что надо постепенно превращать в хочу. Самое интересное всегда оставляй на конец работы.

6. Тебя окружает море книг и журналов. В студенческие годы надо быть очень строгим в выборе книг и журналов для чтения. Пытливому и любознательному хочется прочитать все. Но это неосуществимо. Умей ограничивать круг чтения, исключать из него то, что может нарушить режим труда. Но в то же время надо помнить, что в любую минуту может возникнуть необходимость прочитать новую книгу — то, что не предусмотрено было твоими планами. Для этого необходим резерв времени. Он создается, как я уже писал тебе, умственным трудом на лекциях и над конспектами, предотвращением «авральных» дней.

7. Умей самому себе сказать: нет. Тебя окружает множество занятий. Есть и научные кружки, и кружки художественной самодеятельности, и спортивные секции, и вечера танцев, и множество клубов, где можно провести время. Умей проявить решительность: во многих из этих видов деятельности заключены соблазны, которые могут принести тебе большой вред. Надо и развлечься, и отдохнуть, но нельзя забывать главного: ты труженик, государство тратит на тебя большие деньги, и на первом месте должны стоять не танцы и отдых, а труд.

Для отдыха я советую шахматную игру, чтение художественной литературы. Шахматная игра в абсолютной тишине, при полной сосредоточенности — замечательное средство, тонизирующее нервную систему, дисциплинирующее мысль.

8. Не трать времени на пустяки. Имею в виду пустую болтовню, пустое времяпрепровождение. Бывает так: сядут несколько человек в комнате и начинают, как говорят по-украински, «разводить теревени». Пройдет час, два, ничего не сделано, никакая умная мысль не родилась в этом разговоре, а время потеряно безвозвратно. Умей и разговор с товарищами сделать источником своего духовного обогащения.

9. Учись облегчать свой умственный труд в будущем. Речь идет о том, чтобы уметь создавать резерв времени в будущем. Для этого надо привыкнуть к системе записных книжек. У меня их сейчас около 40. Каждая предназначена для записи ярких, как бы мимолетных мыслей (которые имеют «привычку» приходить в голову раз и больше не возвращаться) по одной из проблем педагогики. Сюда же я записываю самое интересное и яркое из прочитанного по этой же проблеме. Все это нужно в будущем, и все это очень облегчает умственный труд. У тебя, я знаю, есть записные книжки, но нет системы. Создавай четкую систему записей. Облегчай свой умственный труд.

10. Для каждой работы ищи наиболее рациональные приемы умственного труда. Избегай трафарета и шаблона. Не жалей времени на то, чтобы глубоко осмыслить сущность фактов, явлений, закономерностей, с которыми ты имеешь дело. Чем глубже ты вдумался, тем прочнее отложится в памяти. До тех пор, пока не осмыслено, не старайся запомнить — это будет напрасная трата времени. Умей не читать, а только просматривать то, что тебе хорошо известно. Но вместе с тем опасайся поверхностного просматривания того, что еще не осмыслено. Всякая поверхностность обернется тем, что ты вынужден будешь к отдельным фактам, закономерностям возвращаться много раз.

11. Умственный труд одного человека не может быть успешным, если все живущие в одной комнате не договорятся о строгом соблюдении отдельных требований. Прежде всего надо договориться, чтобы в строго определенные часы категорически запрещалось говорить,

спорить, заниматься делами, нарушающими покой. В часы сосредоточенного умственного труда каждый должен работать совершенно самостоятельно. Если есть возможность работать в читальне, максимально используй эту возможность.

12. Умственный труд требует чередования математического и художественного мышления. Чередуй чтение научной литературы с чтением беллетристики.

13. Умей избавиться от дурных привычек. Я имею в виду вот какие: перед началом работы сидеть без дела пятнадцать, двадцать минут; без какой бы то ни было надобности перелистывать книгу, которую заведомо не будешь читать; проснувшись, лежать в постели минут пятнадцать и др.

14. «Завтра» — самый опасный враг трудолюбия. Никогда не откладывай какую-то часть работы, которую надо выполнить сегодня, на завтра. Сделай привычкой то, чтобы часть завтрашней работы была выполнена сегодня. Это будет прекрасным внутренним стимулом, задающим тон всему завтрашнему дню.

15. Не прекращай умственного труда никогда, ни на один день. Летом не расставайся с книгой. Каждый день должен тебя обогащать интеллектуальными ценностями — в этом один из источников времени, необходимого для умственного труда в будущем.

Вот пятнадцать заповедей, которых, мне кажется, должен придерживаться каждый студент. Желаю тебе крепкого здоровья, бодрого духа, хорошего настроения.

Твой отец

Добрый день, дорогой сын!

Я получил твое мрачное письмо. Меня не удивили мысли, которые ты пережил накануне Нового года. Я тоже когда-то переживал это. Итак, для чего человек живет на свете, в чем смысл жизни?

Вопрос о смысле жизни — основной вопрос этики. Я даже рад, что душа твоя испытала тревогу, связанную с этими мыслями. Радость жизни была бы недоступна, если бы сердце человеческое никогда, ни на одну минуту не было захвачено грустью...

Мне пришлось недавно побывать в одном музее — бывшем фашистском лагере смерти возле Варшавы.

Среди многих изобретений, придуманных дьявольским сознанием убийц и насильников, мне бросилось в глаза одно, казалось бы, самое примитивное изобретение: большая телега, на которую обреченные на смерть узники грузили тонн десять огромных камней, перевозили их по разбитой дороге километра за два, разгружали, снова нагружали и снова перевозили — и все это беспрерывно, изо дня в день, в течение многих недель и месяцев. За кажущейся простотой этого «изобретения» кроется дьявольски тонкий замысел: обречь человека на самые страшные муки, физические и духовные, — на муки бессмысленного, бесцельного каторжного труда. В человеке капля за каплей убивалось все человеческое — таков был замысел фашистских тиранов — не только ужасно изнуряющим физическим трудом, но и духовными страданиями. Человек испытывает моральные муки, если его заставляют делать бессмысленную работу, не нужную ни для чего и никому. Вспомни античный миф о сизифовом труде, вспомни круги ада у Данте в «Божественной комедии».

Для чего жить, если и добрые и злые дела кончаются смертью? Как раз на этом мучительном для человека вопросе и паразитировала религия, обещая бессмертие в загробном мире. Но уже в древнем мире были люди, которые понимали, что нет и не может быть никакой загробной жизни, никакого личного бессмертия. Древнееврейский мыслитель Экклесиаст утверждал, что, раз все берется из праха и в прах возвращается, смысла жизни вообще нет и «все суета сует и томление духа». Но уже в древнем мире были люди, понимающие, что бессмертие связано со стремлением человека оставить своей жизнью какой-то значительный след для новых поколений.

У каждого советского человека есть цель (или несколько целей) жизни. Один мечтает стать инженером — конструктором новых машин, другому хочется подарить людям такой сорт пшеницы, чтобы она давала два колоса там, где произрастает один. Третий хочет стать учителем, четвертый — врачом, пятый — высококвалифицированным рабочим. Можно ли сказать, что каждая из этих целей является смыслом жизни? Нет, смысл жизни — это, по-моему, нечто более глубокое и всеобъемлющее. И у того, кто поставил своей целью создать космический корабль, который полетит на Марс, и у

того, кто счастье своей личной жизни видит в том, чтобы выращивать высокие урожаи пшеницы, смысл жизни, по существу, один и тот же: служить людям, принести добро человеку, возвысить человеческое стремление к совершенству, творчеству, красоте. Смысл жизни — это не конкретная цель каждого человека, а жизненные принципы, линия жизни. Во имя чего человек работает, преодолевает трудности, радуется достигнутыми успехами — вот в чем выражается смысл жизни.

Я расскажу тебе о двух рабочих, которые живут в маленьком городке над Днепром. Они примерно одного возраста — до 50 лет. Лет по двадцать пять работают на заводе. У каждого из них есть свой домик, возле домика — приусадебный участок, виноградник. Даже количество кустов винограда почти одинаковое — у каждого свыше ста кустов. Оба они — и Семен Лаврентьевич, и Алексей Демидович — до самозабвения влюблены в труд на винограднике. С ранней весны до поздней осени все свободное время проводят они среди своих любимых кустов. Каждый получает килограммов по тридцать с одного куста, а всего тонны по три солнечных гроздьев. Но... по-разному относятся к ним люди. Семена Лаврентьевича любят, хотя и считают чудаком, а Алексея Демидовича ненавидят. Почему это так? А вот почему.

Как только начинает созревать виноград, на приусадебном участке Семена Лаврентьевича с утра до ночи слышен детский смех. У него несколько десятков юных друзей. Семен Лаврентьевич построил на винограднике шалаш, как на баштане, — здесь собираются его друзья. Он раздает им почти все гроздья. Они лакомятся сами, несут бабушкам и дедушкам. А поздней осенью, когда на винограднике разноцветный ковер листьев покрывает землю и ветви становятся оголенными, Семен Лаврентьевич собирает всех своих юных друзей и каждому дает несколько саженцев: посади дома, создай свой виноградник, приноси радость людям. Приходят в эту пору к Семену Лаврентьевичу не только дети, но и взрослые, особенно отцы его маленьких друзей.

Считая Семена Лаврентьевича чудаком, многие спрашивают у него: «Что же дает вам труд на винограднике? Ведь вы работаете с весны до осени и не получаете ничего, ни копейки. Три тонны винограда — ведь за это можно уже давно построить большой дом».

Семен Лаврентьевич задумчиво улыбается и говорит:

— Получаю я от своего труда очень много. Чувствую себя богачом. Богаче любого живущего на земле человека. А дом у меня есть. Достаточно с меня этого маленького домика.

Семена Лаврентьевича горячо любят дети. Они готовы ему свою душу отдать. В те часы, когда он на работе и они ожидают его в шалаше, никто из них не сорвет ни одной ягоды. Они сами уши нарвут тому, кто попытался бы это сделать. Я твердо убежден, что человечность, сердечность, доброта любого человека измеряются тем, как относятся к нему дети. Тот, кого любят дети, — настоящий человек. Детей никогда не обманешь, ничем не закроешь перед ними своего настоящего лица. Они чувствуют и распознают фальшь, ненавидят притворство.

Недалеко от Семена Лаврентьевича живет Алексей Демидович. На производстве его знают как опытного, трудолюбивого рабочего, но никто его не любит. Что-то в нем настораживает, люди говорят, что нет у этого человека души... Как и Семен Лаврентьевич, с ранней весны до поздней осени он на винограднике. Но здесь никогда не слышно детских голосов, его виноградник окружен высоким забором. На верхушках тесин — колючая проволока. На столбах — кусочки битого стекла. К столбам привязаны два злых пса. Для них Алексей Демидович построил прочные будки. Если кто-нибудь придет купить саженец (у него только покупают), то Алексей Демидович выходит за ворота, показывает свой товар, как он говорит, стремится побыстрее выпроводить покупателя. В пору созревания винограда он день и ночь находится на винограднике. У него такой же шалаш, как и у Семена Лаврентьевича, только никто, кроме хозяина, никогда в этом шалаше не бывает. Весь виноград, до последней ягоды, он продает на рынке. Говорят, накопил уже не одну тысячу.

Вот тебе два человека, два смысла жизни. Учись, думай, как огня избегай плохого и стремись к хорошему. Смысл жизни — в служении людям. Такие, как Алексей Демидович, окружены презрением соотечественников. Они могут чувствовать себя счастливыми, но их счастье — это счастье Плюшкина.

Хочу окончить это письмо старинным девизом вра-

чей: «Светя другим, сгорай». Вдумайся в эти слова, сын. Если бы не многочисленные примеры самопожертвования во имя блага людей, не было бы истории человечества и вся наша жизнь превратилась бы в мрачную темницу. От Муция Сцеволы до Михаила Паникако, до Зои Космодемьянской и Александра Матросова — небосвод человеческой истории усеян вечно горящими звездами служения людям, мечты о прекрасном будущем людей. Пусть сияние этих звезд озаряет тебе путь, сын. Светя другим, сгорай. Желаю тебе крепкого здоровья и бодрого духа. Обнимаю и целую тебя.

Твой отец

Добрый день, дорогой сын!

Ты просишь дать ответ на три вопроса:

1. Каким будет человек при коммунизме? Какую черту я считаю самой важной в человеке будущего?

2. Какой моральный порок я считаю ныне наиболее опасным, наиболее нетерпимым?

3. Какой, на мой взгляд, наиболее серьезный недостаток допускается в воспитании молодого поколения?

Первый вопрос. Человек, который будет при коммунизме, уже живет среди нас. Нельзя представлять себе дело так, что наступит торжественный момент и звон колоколов возвестит о рождении нового человека. Семен Лаврентьевич, о котором я рассказывал тебе, это уже человек будущего. Обыватели называют таких людей чудаками. Я знаю больше тридцати таких людей (кстати, у меня есть мечта — написать книгу о них — «Мир чудаков»). Живет один такой человек у нас в селе, недалеко от школы, ты, наверное, догадываешься, что речь идет об Иване Прокофьевиче. У него — сад для людей. Он — воспитатель полутора десятков детей, живущих на его улице. Целое лето он возится с ними в саду: дети конструируют радиоприемники, играют, поют песни, учатся играть на скрипке...

Есть такой человек в соседнем селе — это ушедший в отставку офицер. Он получает солидную пенсию. Можно было бы человеку отдыхать спокойно. Но он трудится с утра до ночи — для людей. Он пропагандист идей коммунизма. Ежедневно он отправляется в поле, на бригады и фермы, к животноводам и хлеборобам. Рассказывает им о том, что делается в мире. Читает ху-

дожественную литературу. Работает с людьми непосредственно на производстве — два-три дня, потом идет в другую бригаду или на другую ферму.

Человек при коммунизме будет, по-моему, прежде всего добрым. Чувствование человека, духовная потребность в другом человеке — вот, на мой взгляд, самая главная черта человека будущего. Глубоко личная заинтересованность в том, чтобы каждый человек, каждый соотечественник был духовно богатым, морально красивым, умным, трудолюбивым. Умение ценить, уважать, любить самое бесценное в нашей жизни — человека. Все это я называю добротой, человечностью.

По-настоящему добрый, человечный человек умеет глубоко ненавидеть — ненавидеть зло, ненавидеть наших врагов — поджигателей войны, растлителей душ молодого поколения. Ненависти же нам нужно учить так же, как и доброте.

У В. Кожевникова в романе «Знакомьтесь, Балуев!» есть замечательные слова: «Мне кажется, если человек умеет работать для собственного удовольствия, испытывая самозабвенное наслаждение от своего труда, то можно считать, что он уже стоит одной ногой в коммунизме». Влюбленность в труд, самовыражение человека в труде — это коммунистические идеалы в живой реальности нашей повседневной жизни. Коммунизм в человеческой душе мы утвердим тогда, когда не будет в нашей стране ни одного человека, равнодушного к труду, считающего труд лишь средством добывания хлеба насущного. «Если есть на свете божество, — это труд и чудеса его» (И. Сельвинский). В эти слова я вкладываю смысл между строчек: в труде перед человеком открывается безграничное поле самовоспитания, самопознания, самосовершенствования. Благодаря неисчерпаемости труда человек сам будет неисчерпаемым, и совершенствованию его не будет предела.

Второй вопрос. Наиболее опасным, наиболее нетерпимым пороком я считаю бесчеловечность, равнодушие к человеку, жестокость. Этого «добра» еще сколько хочешь хватает у нас в обществе. Расскажу об одном происшествии, свидетелем которого мне недавно пришлось быть.

В одном большом надднепрянском селе умерла 92-летняя женщина — мать четырех сыновей, бабушка одиннадцати внуков, прабабушка двадцати двух прав-

нуков. Трудной была ее жизнь. В шести могилах — и в Восточной Пруссии, и в мазурских болотах, и в Карпатах, и под Берлином — ее кровь, на шести солдатских памятниках — ее фамилия, в каждой букве — ее бессонные ночи, радости и надежды.

Самый младший, 50-летний сын пошел со своим горем и заботами к людям: помогите проводить мать в последний путь. На лесоскладе не нашлось готовых досок для гроба, но нашлись добрые люди: сняли шапки, постояли минуту в молчании, распилили большой сосновый ствол. Бери, сын, строй последний дом матери. Доски надо перевезти. Нет машины, все на работе. Нашелся и здесь добрый человек. Остановил сын первую встречную машину, поделился горем. Водитель отложил на полчаса свою поездку, нагрузили доски, выехали со двора лесосклада. И здесь произошло странное и дикое. Начальник автоколонны, увидев свою автомашину с досками, увидев водителя, помогавшего за воротами привязывать доски веревкой, закричал:

— Это что такое? Почему ты не едешь по своему делу?

Водитель и сын умершей сказали начальнику: не кричите, опомнитесь — умер человек. Не опомнился, не извинился. Еще больше рассвирепел, затопал ногами, замахал кулаком перед глазами побледневшего водителя, полез на кузов автомашины, сбросил доски... Поехал водитель, а сын стоял возле досок и плакал. За слезами не заметил, как подъехал к нему на подводе незнакомый человек — возвращался с маслозавода, услышал ругань, остановился, понял все... Сложил доски на воз, прикоснулся к плечу убитого горем и оскорбленного сына, тихо спросил: «Куда везти?»

Вот это и есть самый страшный, самый нетерпимый моральный порок. Снова и снова спрашиваешь себя: на какой почве вырастают у нас те, кого трудно назвать людьми? Где причины, рождающие бессердечность! Социальных условий, рождающих жестокость, человеконенавистничество, у нас нет. Значит, есть какие-то другие причины. Это один из самых острых и больных вопросов, которые жизнь ставит перед нами в период развернутого строительства коммунизма. До тех пор, пока в нашем обществе будут такие люди, как этот начальник автоколонны, о коммунизме можно только мечтать, но построить его мы не построим. Перевоспитывать таких

людей очень трудно. Это зло надо предотвращать — правильным воспитанием в годы детства и отрочества.

Я с малых лет знаю этого начальника автоколонны. Был Иванко таким же мальчишкой, как и тысячи других, ходил в школу, любил после летнего дождя побродить босиком в лужах, лазил через забор в сад к соседям — украдкой сорванное яблоко казалось вкуснее яблок в своем саду.

Но было и другое. Были вещи, о которых соседи говорили с возмущением. Вместе с родителями Иванка жила бабушка — мать отца. Невзлюбила ее почему-то невестка. Поселилась старушка в чуланчике, сама себе варила пищу. Часто слышал мальчик от матери: бабушка злая, нехорошая... Как-то на праздник приготовила мать холодное. «Отнеси, сынок, и бабушке, — сказала она мальчику, — вон ту маленькую мисочку, в которую мы косточки обчищали...» Посылает мать за хворостом для печи: «Набери, Иванко, сухого хвороста, а мокрый бабушке пусть останется, она не любит, чтобы в хате было жарко».

Так понял ребенок, что бабушку считают человеком каким-то отверженным...

Летом бабушка просит Иванка: пойди, внучек, на луг, сорви мне щавеля на борщ... Не хочется мальчику идти на луг, бежит он в огород, рвет свекловичную ботву, приносит бабушке. Она плохо видит, крошит ботву, варит борщ. А Иванко рассказывает товарищам, как он бабушку обманул.

Слушают хлопцы рассказ Иванка и удивляются: что сказали бы им отцы и матери, если бы сделали они вот такое. Рассказывают об этом дома, идет по селу слух о злой невестке и недобром внуке...

Прошли годы. Вырос Иванко, пошел в армию. Такова уж, наверно, судьба: целым и невредимым прошел через все военное лихолетье. Но не возвратился в родительский дом. Недалеко от села начала строиться большая электростанция. Устроился Иванко в какой-то конторе — все время ездил, возил строительные материалы. Быстро пошел вверх — стал диспетчером, потом начальником автоколонны. Понравился кое-кому: с полуслова угадывает желания начальства, все из-под земли достает.

Умер отец, умерла бабушка, осталась старая мать. Поселил ее сын в маленьком чуланчике в своем боль-

шом каменном доме, поставил печку: готовь, мать, себе пищу, живи себе тихонько; не мешай.

Наверное, в эти минуты вспоминает мать о своих наказах Иванку, когда она посылала бабушке холодное... Может быть, вспоминает и о той народной мудрости, которая учит: о душе человеческой заботься тогда, когда ребенок лежит не вдоль, а поперек кроватки.

Таких людей, как начальник автоколонны, народ считает уродами. Не за ними будущее. Будущее за теми, кто уже сейчас поднялся на высокую ступеньку коммунистической человечности. Живет в далеком Узбекистане колхозный кузнец Шамахмуд Шаахметов. Он и его жена в трудные годы войны усыновили и воспитали, вывели в люди шестнадцать сирот. Живет у нас на Украине Герой Социалистического Труда Надежда Заглада. В трудное, голодное время она усыновила и воспитала двадцать двух сирот. Вот подлинный героизм, подлинная человечность.

Третий вопрос. Наиболее серьезный недостаток в воспитании молодежи — это, по моему убеждению, забвение того, что сегодняшний ребенок завтра станет взрослым человеком. У многих родителей, да и у педагогов, такой подход к детям, как будто они вечно останутся детьми. Потом хватаются за голову: не заметили, как ребенок стал подростком, подросток — юношей, а юноша ошеломляет отца и мать своим неожиданным намерением жениться... Видеть в маленьком ребенке завтрашнего взрослого человека — вот в этом, мне кажется, и заключается жизненная мудрость отца, матери, педагога — всех, кто воспитывает детей. Другими словами — надо уметь любить детей. «Дети святы и чисты, — писал А. П. Чехов. — Даже у разбойников и крокодилов они состоят в ангельском чине. Сами мы можем лезть в какую угодно яму, но их должны окутывать в атмосферу, приличную их чину... Нельзя делать их игрушкой своего настроения: то нежно лобызать, то бешено топать на них ногами. Лучше не любить, чем любить деспотической любовью».

Деспотическая любовь — это та страшная сила, которая калечит ребенка. Деспотизм родительской любви заключается в том, что «порции любви» отпускаются по настроению: если у отца хорошее настроение — в семье царит всепрощение, ребенку все можно, все разрешается, вплоть до того, что маленький отпрыск бьет кулач-

ком бабушку или показывает ей кукиш. Если же настроение плохое — отец издевается над ребенком.

А в школах самый главный недостаток воспитательной работы — это, мне кажется, слабость или полное отсутствие гражданского элемента, гражданской струи воспитания. На первом месте должно стоять воспитание гражданина — об этом надо много говорить, много писать.

Желаю тебе крепкого здоровья и бодрого духа. Обнимаю и целую тебя.

Твой отец

ПИСЬМА О ЛЮБВИ

ПИСЬМА К ДОЧЕРИ

Дорогая дочка, твое письмо очень взволновало меня. Сегодня тебе четырнадцать лет, ты переступаешь ту черту, за которой рождается Женщина. Ты спрашиваешь: «Отец, что такое любовь?»

Мое сердце учащенно бьется при мысли о том, что я говорю сегодня уже не с маленьким ребенком, а с Женщиной. Будь же счастлива, переступая эту черту. А счастливой ты будешь только тогда, когда будешь мудрой.

Миллионы женщин — да, юных четырнадцатилетних женщин с трепетом сердца думали об этом: что такое любовь. Каждая постигала эту истину по-своему. Думает об этом и каждый юноша, когда в нем пробуждается Мужчина. Теперь, дорогая доченька, мои письма к тебе будут не такие, как раньше. Мое сокровенное желание — передать тебе ту жизненную мудрость, которая называется умением жить. Хочется, чтобы из каждого отцовского слова, как из маленького зернышка, рождались ростки твоих собственных взглядов и убеждений.

Мне тоже не давала покоя эта мысль: что такое любовь? Самым близким человеком для меня в годы ранней юности была бабушка Мария — изумительный человек, которому я обязан всем, что вошло в мою душу красивого, мудрого и честного. Она умерла накануне войны ста семи лет от роду. Она открыла передо мной мир сказки, родного слова и человеческой красоты. Мне было шестнадцать лет, когда в тихий вечер ранней осени, сидя с ней под ветвистой яблоней и глядя на улетающих в теплые края журавлей, я спросил: «Бабуся, что такое любовь?»

Самое сложное она умела разъяснить сказкой. Ее черные глаза стали задумчивыми и тревожными. Она взглянула на меня как-то по-особенному, не так, как раньше.

«Что такое любовь... Когда бог создал мир, он научил все живые существа продолжать род свой — производить себе подобных. Поселил бог мужчину и женщину в поле, научил их строить шалаш, дал мужчине в руки лопату, а женщине — горсть зерна. Живите и

продолжайте род свой, — сказал бог, — а я пойду по хозяйству. Приду через год, посмотрю, как тут у вас.

Приходит бог к человеку с архангелом Гавриилом ровно через год. Приходит рано утром, на восходе солнца. Видит, сидят мужчина и женщина у шалаша, перед ними созревает хлеб на ниве, рядом с ними — колыбель, а в колыбели ребенок спит. А мужчина и женщина смотрят то на алое небо, то в глаза друг другу. В те мгновения, когда глаза их встречались, бог видел в них какую-то неведомую силу, непостижимую для него красоту. Эта красота была прекраснее неба и солнца, земли и пшеничного поля — прекраснее всего, что слепил и смастерил бог, прекраснее самого бога. Эта красота до того потрясла, удивила, ошеломила бога, что его божья душа задрожала от страха и зависти: как же это так, я создал твердь земную, слепил из глины человека и вдохнул в него жизнь, но не мог создать этой красоты; откуда же она взялась и что она такое — эта красота?

— Это любовь, — сказал архангел Гавриил.

— Что это такое — любовь? — спросил бог.

Архангел пожал плечами.

Бог подошел к мужчине, прикоснулся к его плечу старческой рукой своей и стал просить: научи меня любить, Человек. Мужчина даже не заметил прикосновения божьей десницы. Ему показалось, что на плечо села муха. Он смотрел в глаза женщине.

Бог был немощным, но свирепым и мстительным старикашкой. Он ожесточился и закричал:

— Ах так, значит, ты не хочешь научить меня любить, Человек? Будешь же ты помнить меня. С этого мгновения — старей. Каждый час жизни пусть уносит по крупинке твою молодость и силу. Превращайся в развалину. А я приду через пятьдесят лет и посмотрю, что останется в твоих глазах, Человек.

Пришел бог с архангелом Гавриилом через пятьдесят лет. Видит, вместо шалаша стоит изба рубленая, на пустыре сад вырос, на нивах хлеб созревает, сыновья поле пашут, дочери пшеницу жнут, а внуки на лугу играют. Перед избой сидят старик и старуха, смотрят то на алую утреннюю зарю, то друг другу в глаза. И увидел бог в глазах мужчины и женщины красоту еще более могучую и вечную. Увидел не только Любовь,

но и Верность. Рассвирепел бог, руки дрожат, изо рта капли слюны летят.

— Мало тебе старости, Человек? Так умирай же, умирай в муках и уходи в землю, превращайся в прах и тлен. А я приду и посмотрю, во что превратится твоя любовь.

Пришел бог с архангелом Гавриилом через три года. Видит, сидит мужчина над маленьким надгробным холмиком, глаза у него грустные, но в них — еще более могучая, непостижимая и страшная богу человеческая красота. Уже не только Любовь, не только Верность, но и Память Сердца увидел бог. Задрожали у бога руки от страха и бессилия, подошел он к Человеку, упал перед ним на колени и стал умолять:

— Дай мне, Человек, эту красоту. Что хочешь проси в обмен на нее, но только дай мне ее.

— Не могу, — ответил Человек. — Она достается слишком дорого. Ее цена — смерть, а ты, говорит, бессмертен.

— Получи бессмертие, получи молодость, но только отдай мне любовь, — возопил бог.

— Нет, не надо. Ни вечная молодость, ни бессмертие не могут сравниться с любовью, — ответил Человек.

Бог поднялся, зажал в кулачке свою бородку, отошел от сидящего у маленького холмика старика, повернулся лицом к пшеничной ниве и алой утренней заре и увидел: у золотых колосьев стоят молодые мужчина и женщина и смотрят то на алое небо, то друг другу в глаза... Схватился бог руками за голову и ушел с Земли на небо. С той поры богом на Земле стал Человек.

Вот что такое любовь, мой внук. Любовь — она выше бога. Это вечная красота и бессмертие человеческое. Мы превращаемся в горсть праха, а любовь остается».

Вот что такое любовь, доченька. Живут, размножаются, продолжают свой род тысячи живых существ, но любит только Человек. И только тогда, когда он умеет любить по-человечески — лишь тогда он и Человек. Не умеет любить, не смог возвыситься до этой вершины человеческой красоты — значит, он лишь существо, рожденное человеком, но не ставшее Человеком.

Милая моя доченька, как хорошо, что мы теперь будем говорить с тобой как взрослый человек со взрос-

лым человеком. Как хорошо, что ты задумалась над этой первой и труднейшей страницей человеческой мудрости — что такое любовь. Если бы все без исключения молодые люди — и женщины, и мужчины — постигли эту мудрость до конца, у нас было бы гармоничное общество, счастье было бы уделом и богатством всех. От того, как будут овладевать молодые поколения этой великой мудростью, доченька, зависит не только личное счастье. От этого зависит красота, нравственная чистота и счастье всего нашего общества. Человек может научиться возводить величественные сооружения — гидростанции и дворцы, космические корабли и атомные подводные лодки, но если он не научился по-настоящему любить, он останется дикарем. Образованный же дикарь во сто крат опаснее дикаря необразованного.

Есть в нашей жизни две стороны: одна — это труд человека на производстве, его общественное лицо и гражданское творчество, его долг перед народом и обществом; вторая — это сфера духовно-психологических и морально-этических отношений: семья, дети, долг и обязанность родителей перед детьми, детей перед родителями. Это сфера, в которой, к сожалению, человек нередко еще остается невеждой, рабом или подлецом, каждая из этих бед — да, это страшные беды — является социальным злом. Невежда, раб или подлец в сфере духовно-психологических и морально-этических отношений не может быть настоящим гражданином, настоящим творцом, настоящим патриотом. Человек насколько многогранен, бесконечен в своих богатствах и проявлениях, настолько же и един: одна беда тянет за собой и другую беду.

Дорогая доченька, я получаю множество писем и от твоих ровесниц, и девушек постарше. Приедешь домой, почитаешь, их уже несколько тысяч. Это вопли человеческие, но вместе с тем это тревожное напоминание о том, что любовь человеческую надо творить, воспитывать, она не передается по наследству, как передается по наследству инстинкт продолжения рода.

Вот один из этих воплей. Пишет семнадцатилетняя девушка, студентка техникума. Познакомилась она с парнем. Дружили. Парень любил выпить, грубил. Говорил девушке: «Не строй из себя недотрогу...» Девушка плакала, страдала, но прощала парню все его грубости и, по существу, подлость прощала: «Ведь я его лю-

била». Случилось то, что не должно было случиться: девушка забеременела. Она отдалась ему не столько из любви, сколько из-за страха: боялась, что если она отвергнет его требования (страшно говорить об этих вещах — требования, но именно так было в этом случае и часто бывает во многих других случаях), то он уйдет, найдет более податливых и сговорчивых девушек... Когда девушка сказала парню: «У нас будет ребенок», — он удивился: «Как это у нас? У тебя, а не у нас». И ушел... Девушка оставила техникум, уехала в другой город. Жизнь ее была искалечена. Через некоторое время она узнала, что отца ее ребенка исключили из техникума...

Горячими, огненными листами металла кажутся мне письма, в которых звучит отчаяние и смятение: он меня любит, но не уважает... Что сделать, чтобы он не только любил, но и уважал?

Как видишь, доченька, не напрасно я вспомнил мудрую бабушкину сказку, не напрасно завел разговор о том, что такое любовь. Я хочу предостеречь тебя от ошибок, которые допускают многие девушки, и за эти ошибки им приходится очень дорого расплачиваться. Счастьем, радостью, здоровьем, а иногда и жизнью. Любовь человеческая должна быть не только красивой, преданной, верной, но и мудрой и осмотрительной, зоркой и разборчивой. И лишь тогда, когда она будет мудрой и осмотрительной, она может быть красивой и счастливой, помни это, доченька. Помни, что в жизни есть не только красота и благородство. Есть, к сожалению, и зло, коварство, подлость. У тебя должно быть не только открытое, доброе сердце. Оно должно быть строгим, решительным и требовательным.

Откуда идет эта рабская философия, бессловесная бабья покорность: «Он меня бьет, а я его люблю». Страшно, больно и обидно за человека, когда встречаешься с такой философией в жизни. Однажды мать первоклассницы рассказала мне — под большим секретом — о том, что муж, подозревая ее в супружеской неверности, избивает, а если и не избивает, то издевается другими способами, унижает. И обо всем этом женщина говорила даже с чувством удовлетворения: «Если бы не любил, не бил бы... Значит, дорога я ему...» Когда я сказал молодой матери, что об этом надо кричать, это страшное зло надо ненавидеть, она, испугавшись,

как бы я не разгласил ее тайны, торопливо рассталась со мной, заявив на прощание: «Ничего этого я вам не говорила, так и знайте...» Сколько приходится мне носить в душе чужих тайн — зла, горя, страдания, обид, о которых молодые женщины даже боятся сказать вслух, а если и говорят, то с оглядкой и шепотом...

Откуда же все это берется?

А. Бебель писал: «Женщина сделалась рабой раньше, чем появился раб». И по-видимому, последним пристанищем духовного рабства в мире человеческом будет сердце женщины. Бойся этого, как огня, доченька, — бойся стать образованной, интеллектуально богатой рабыней.

Я не преувеличиваю нисколько, утверждая, что в сфере духовно-психологических и нравственно-этических отношений человек порой еще остается невеждой, рабом или подлецом. В духовном рабстве сливаются и невежество и подлость. Откуда это взялось: «он любит, но не уважает...», «как сделать, чтобы он не только любил, но и уважал?»? Как будто бы эти две вещи существуют отдельно: вот это — любовь, а это уважение; сегодня он любит, но не уважает, завтра — уважает, но не любит...

Есть у М. Ю. Лермонтова прекрасные слова: «Я любил всеми силами своей души». Чтобы по-настоящему любить, надо иметь могучую духовную силу. И миссия школы, семьи, миссия старших поколений заключается в том, чтобы вдохнуть в человека эту мудрую силу. Все школьное воспитание — это по существу воспитание любви и непримиримости, любви и человеческой гордости, любви и ненависти: любви к Отечеству и родному народу, ненависти к его врагам, любви к матери и отцу, любви к человеку, с которым ты станешь единым существом, сольешь с ним свои взгляды и убеждения, духовные порывы и стремления.

Когда в присутствии юноши или даже при мысли о нем у тебя учащенно забьется сердце, когда тебе захочется, чтобы юноша смотрел на тебя с изумлением и восхищением, считая тебя единственной в мире, это значит в тебе пробудилась женщина, пробудилась Мать — творец новой жизни. С этого мгновения началась для тебя новая жизнь, дорогая доченька. Помни, что с этого мгновения ты отвечаешь уже не только за себя, но

и за то будущее человеческое существо, которое живет в твоей плоти, которое ты носишь с собой в душе.

Пробуждение матери — это извечное половое стремление, желание соединиться с существом противоположного пола для творения новой жизни, для продолжения рода человеческого. Это непреодолимая инстинктивная сила, влекущая юношу к девушке, а девушку к юноше, но это еще не человеческая любовь. Представь себе кусок благородного камня — мрамора. Мастер-скульптор может изваять из этого куска прекрасное творение рук своих — каменный цветок, розу, не уступающую по красоте живому, благоухающему цветку с капелькой росы и отблеском утренней зари. Мастер-скульптор видит цветок в бесформенном, красивом, но мертвом камне. Он начинает ваять, он трудится в поте лица, и вот из глубин мертвой материи выступают очертания живой красоты — красоты рукотворной, красоты, созданной человеком. Это красота — из мрамора, но мрамор остается мертвым куском камня до тех пор, пока к нему не прикоснулись одухотворенные руки, одухотворенные внутренней красотой человеческой, его талантом. Вот эти одухотворенные руки и есть человеческая любовь. Надо быть большим мастером, чтобы добыть ее из глубин дикого камня, чтобы стать достойным высокой человеческой любви — чувства, возвышающего, облагораживающего. Человек, не постигший этого великого труда — труда любви, кажется мне первобытным существом, одетым в звериную шкуру, которое притащило в свою пещеру кусок мрамора и любуется им, не подозревая, что в таинственных глубинах этого куска скрыта дивная красота.

Беда как раз в том и заключается, что многие молодые люди не идут дальше этого первобытного, убогого труда: отковырял кусок мрамора и любуется им. Почувствовал половое влечение и уже стремится удовлетворить его, считая, что это и есть любовь. Если нет ничего, кроме полового влечения, то в супружеской жизни будет только умение рожать детей, — для этого же большой мудрости не надо, наседка тоже выводит цыплят, этому научила ее природа... Но дети — не цыплята, и если они рождаются существом, мудрость которого не простирается дальше мудрости наседки, то они несчастны.

Помни, дорогая дочурка, что ты человек. А человек

отличается от животного тем, что он поднимает голову и смотрит на звезды. Человек отличается от прекрасной лани — ведь она тоже прекрасна, так же? — тем, что им движет не только стремление соединиться с подобным себе для продолжения рода человеческого, но и глубоко человеческое стремление смотреть в глаза себе подобного — это стремление возвысило человека над миром всего живого.

Отрочество и ранняя юность — это заря человеческой жизни; на заре человек должен творить духовные силы для мудрой и мужественной человеческой любви. Да, задумайся над этим, доченька, творить свои собственные силы, силы своей души для любви, которую надо пронести через всю жизнь, сберечь, сохранить ее до гроба, сделать единой и неделимой, избежать ошибок и разочарований. Я называю любовь мудрой и мужественной — только такой должна быть подлинная человеческая любовь. Но если вы безвольно плывете по волне, несущейся неизвестно куда, если в вашем чувстве нет человеческой мудрости и человеческого мужества — никакого счастья не будет, наоборот, вас может постигнуть большое несчастье. Если половое влечение сливается с бездумностью, с жаждой мимолетной утехи, мимолетного наслаждения — это значит, что ты, милая доченька, подвергаешься страшной опасности: цветок, который с первого взгляда кажется прекрасным, очаровательным, в самом деле таит в себе смертельный яд. Половое влечение, не одухотворенное и не облагороженное мудростью и мужеством, — это большое зло, которое подстерегает тебя в жизни, — не будем бояться этих слов и скажем их прямо. Зло это усугубляется тем, что юноша, требующий от девушки пойти навстречу его желаниям, как будто бы и не намерен творить зла. Он как будто бы и в самом деле любит девушку. Но беда в том, что он духовно, морально не созрел для любви. Он по своему физическому развитию может стать отцом, а по нравственному развитию он дитя. Но это дитя не безобидное, оно страшное. Страшное как раз тем, что, будучи дитем, оно может стать отцом.

Корни этой беды уходят в невоспитанность чувств, в эмоциональное невежество, а от невежества до подлости в сфере человеческой любви нет и одного шага. Доченька, вдумайся в мой совет: невежествен не только юноша, стремящийся удовлетворить свое половое влече-

ние и не готовый духовно к тому, чтобы стать настоящим мужчиной. Невежественна и девушка, безвольно плывущая на волне «безотчетного» чувства и оправдывающая свое невежество тысячу раз известным «и сама не знаю, почему, но люблю — и все тут». Если своим невежеством юноша причиняет зло другим, причиняет зло обществу, если он еще очень далек от сознания того, что его невежество причиняет зло и ему самому, то ваше невежество, девушки, причиняет зло вам самим. Вам никак нельзя быть невежественными. Сама природа повелевает вам быть мудрыми и мужественными, осмотрительными и осторожными, требовательными и рассудительными. Будьте настоящими женщинами с того мгновения, как природа пробудила в вас женщину. Я бы посоветовал девушкам: будьте разборчивыми и переборчивыми — не бойтесь этого, если только ваша разборчивость сочетается с женской мудростью и мужественностью, если только она не выливается в легкомыслие. В сфере духовно-психологических и моральноэтических отношений наступит всеобщая гармония, если властелином и повелителем в любви станет женщина, мудро и мужественно живущая в душе девушки.

Женщина — властелин и повелитель в любви — это могучая сила, воспитывающая настоящего мужчину. Я тысячу раз убежден, что мужество и мужественность женщины творят духовное благородство, красоту, преданность, верность мужчины. Ты спросишь: а как же стать женщине властелином и повелителем в любви, как постигнуть мудрость и мужественность любви? В чем корни этой могучей силы?

Девочка, девушка, женщина с молоком матери должна впитывать в себя ту истину, что любовь — это ответственность. В первую очередь ответственность, а потом уже наслаждение, радости. И счастье любви — в огромной ответственности за человека. Я считаю важнейшим законом воспитания то, чтобы в школе и в семье царил дух ответственности человека за благо, счастье, радости, судьбу и жизнь другого человека. Чтобы уже маленький ребенок понимал и сердцем чувствовал: каждый его шаг, каждый поступок отражается, отзывается в духовной жизни того, кто рядом с ним: товарища, отца, матери, учителя, совершенно незнакомого, «чужого» человека. Чтобы спокойным и счастливым человек чувствовал себя лишь тогда, когда он не

причинил зла, обиды, беспокойства другому человеку. Чтобы и маленький ребенок, только что переступивший школьный порог, и подросток, и юноша не мог спать спокойно, зная, что он своим неосторожным прикосновением принес боль чьему-то сердцу. Это и есть, дорогая доченька, то, что я называю творением духовных сил для любви. Творить эти силы в человеке должен другой человек — более сильный и богатый духовно, более сердечно щедрый. Но каждый должен быть также воспитателем самого себя. Мудро и мужественно умеет любить лишь тот, кто умеет заставить себя чувствовать рядом с собой человека, откликаться на тончайшее движение его души. Только эмоционально тонкий, чуткий, сердечный, добрый человек может быть по-настоящему требовательным и непримиримым, нетерпимым к злу, беспощадным к легкомыслию, духовно-психологическому рабству и подлости. Дух ответственности человека за человека — это целая сфера школьной жизни, об этом я когда-нибудь напишу тебе...

Мое сердце разрывается от боли, когда я вижу, как безответственность в маленьком порождает безответственность в большом. Помни, дорогая доченька, что любовь — это дети. Робкий влюбленный взгляд, объятия, поцелуи — это первый шаг к творению новой жизни. От того, как ты представляешь себе счастье своей любви, что ты в нем ищешь и что находишь, зависит счастье ребенка, зависит судьба твоя и твоих близких. Я знаю детей, которых можно назвать детьми легкомыслия. Именно так; никакой любви не было, никаких мыслей о рождении новой жизни не было, они появились как бы нечаянно. Дети легкомыслия — несчастные дети.

...Пасмурный осенний день, накрапывает дождик. У ворот автобазы стоит семилетний Коля. Почему он сюда пришел? У него одна мама. От мамы и от людей он узнал, что его отец работает здесь, на автобазе, шофером. Добрые люди однажды показали: вон тот мужчина — твой отец. Мальчик запомнил черты отцовского лица, и теперь ему хочется просто взглянуть еще раз на него. Где-то в глубине души у Коли теплится надежда: может быть, отец остановит машину, подойдет к нему, спросит: «Ну, как дела, сын?» А может, и в ка-

бину посадит — детское сердце замирает при мысли об этом... Но отец проезжает мимо. Коля заметил, что он узнал его, но даже виду не подал.

Боль и гнев, негодование и озлобление несет в сердце ребенок, уходя домой. Он, маленький ребенок, не верит ни во что. Для него нет в мире ничего святого. А ты знаешь, доченька, какая это большая беда для общества — зло, озлобление в сердце ребенка? Как мучительно трудно воспитывать маленького человека, который осознавая себя, пережил горькую мысль: я никому не нужен, я появился в мире случайно, я горе и наказание для матери... Общество наше не может быть счастливым, если у него будут такие несчастные сыновья и дочери. Есть вещи, которые ничем не заменяются и ничем не возмещаются.

Любовь человеческая — это высокая человеческая культура. По тому, как человек любит, можно сделать безошибочный вывод о том, какой это человек. Потому что в любви наиболее ярко проявляется ответственность за будущее нашего общества, за его нравственные устои.

ТЕМАТИКА БЕСЕД РОДИТЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ
(из «Плана работы Павлышской средней школы на 1970/71 учебный год»)

Дошкольная группа (вместе с будущими родителями)

1. Семейные взаимоотношения и моральное воспитание детей.
2. Чувство любви родителей и ответственность за будущее детей.
3. Нравственная подготовка к браку.
4. Алкоголизм и дети.
5. Любовь и воспитание детей. Что такое настоящая человеческая любовь.
6. Материнское воспитание.
7. Умственное воспитание в возрасте от * недель до 3 лет. Исключительное значение этого возраста в воспитании умственных способностей.
8. Эмоциональное воспитание до 3 лет и от 3 до 7 лет.
9. Физическое и психическое развитие ребенка в возрасте от 3 до 7 лет.
10. Важнейшие условия правильного умственного воспитания в школе.
11. Развитие речи и умственные способности детей.
12. Как предупредить нервные заболевания детей.
13. Трудовое воспитание ребенка от 3 до 7 лет.
14. Как воспитывать коллективизм и чувство уважения к людям.
15. Воспитание потребностей и интересов у дошкольников.
16. Природа в воспитании дошкольников.
17. Режим труда и отдыха дошкольника.
18. Здоровье и разум дошкольника.
19. Игра в духовной жизни дошкольника.
20. Познание человека дошкольником, роль нравственной среды.
21. Значение красоты в воспитании дошкольника от 3 до 7 лет.
22. Значение сказки в воспитании дошкольника.
23. Значение творчества в воспитании дошкольника.
24. Отношения между дошкольниками и старшими детьми.
25. Воспитание культуры желаний.
26. Мать — первый и главный воспитатель и учитель дошкольника.
27. Отец и сын, мать и дочь.
28. Психологическая подготовка дошкольника к школьному труду.
29. Первые нормы нравственной культуры дошкольника.
30. Предупреждение капризов, раздражительности, обидчивости.
31. Воспитание мужества у мальчиков.

I—II классы

1. Физическое и психическое развитие ребенка от 7 до 9 лет.
2. Духовная жизнь семьи и развитие ребенка в этом возрасте.
3. Родная речь, ее роль в дошкольные годы и в первые годы школьного обучения.

* В рукописи пропуск. — *Ред.*

4. Взаимоотношения в семье и нравственное воспитание ребенка от 7 до 9 лет.
5. Поведение ребенка 7—9 лет и воспитание гражданского долга. Хочу, можно, нельзя, надо.
6. Гражданский долг родителей в воспитании детей.
7. Воспитание непримиримости к злу у ребенка 7—9 лет.
8. Природа во всестороннем развитии ребенка 7—9 лет.
9. Значение красоты во всестороннем развитии личности ребенка 7—9 лет.
10. Книга в семье и духовное развитие ребенка 7—9 лет. Семейная библиотека.
11. Усвоение этических норм ребенком 7—9 лет и пример родителей.
12. Патриотическое воспитание в школе и в семье.
13. Трудовое воспитание в школе и в семье.
14. Воспитание духовных потребностей и интересов в младшем школьном возрасте.
15. Воспитание долга и дисциплинированности у ребенка 7—9-летнего возраста.
16. Значение взаимоотношений отца и матери в воспитании детей 7—9 лет.
17. Требовательность и уважение к ребенку.
18. Атеистическое воспитание в школе и в семье.
19. Воспитание честности и правдивости.
20. Воспитание чуткости и уважения к людям.
21. Первые шаги самовоспитания.
22. Алкоголизм и дети.
23. Понятие о нервном типе и темпераменте.
24. Режим дня ребенка 7—9 лет.
25 Кино, телевизор и воспитание ребенка.
26. Воспитание человечности.
27. Воспитание любознательности.
28. Воспитание детей в семье Ульяновых.
29. Предупреждение эгоизма, индивидуализма, корыстолюбия.

III—IV классы

1. Алкоголизм, брак, дети, семья.
2. Физическое и психическое развитие ребенка 9—11 лет.
3. Школьное обучение и интеллектуальная жизнь семьи.
4. Книга в умственном развитии ребенка 9—11 лет. Семейная библиотека.
5. Как учился Володя Ульянов.
6. Воспитание гражданина.
7. Нравственная атмосфера семьи и воспитание ребенка 9—11 лет.
8. Эмоциональное воспитание ребенка 9—11 лет.
9. Воспитание воли у младшего школьника.
10. Познание мира и развитие речи у ребенка 9—11-летнего возраста.
11. Мальчики и девочки в возрасте 9—11 лет.
12. Как рассказывать маленьким детям о рождении человека.
13. Природа и труд в воспитании ребенка 9—11-летнего возраста.
14. Воспитание мужества у мальчиков 9—11 лет.
15. Воспитание чувства собственного достоинства.

16. Воспитание патриотических чувств у детей.
17. Воспитание человечности и гуманизма.
18. Роль отца и роль матери в воспитании ребенка 9—11 лет.
19. Педагогический такт.
20. Поощрение и наказание. Хочу, можно, нельзя, надо.
21. Потребности и самодисциплина в возрасте 9—11 лет.
22. Воспитание у детей любви и уважения к родителям.
23. Предупреждение слабоволия, капризности, обидчивости, раздражительности, слезливости, болезненного самолюбия, индивидуализма, корыстолюбия.
24. Что такое акселерация.
25. Рациональный режим питания ребенка.
26. Эстетическая атмосфера в школе и в семье.
27. Преодоление влияния религии и суеверий на сознание детей.
28. Как понимать счастье ребенка.

V—VII классы

1. Анатомо-физиологическое и психическое развитие подростков.
2. Половое воспитание. Единство полового и нравственного воспитания.
3. Поведение и нравственное сознание подростков.
4. Трудовое воспитание подростков, нравственный смысл их труда.
5. Добро, ласка, поощрение, требовательность, твердость, ограничение желаний в воспитании подростков.
6. Воспитание человечности у подростков.
7. Воспитание нравственной несгибаемости, непримиримости и нетерпимости к злу у подростков.
8. Авторитет родителей, его источники, прочность. Умение пользоваться родительской властью.
9. Умственное воспитание подростков и задачи семьи.
10. Формирование сознания и самовоспитание подростков.
11. Как воспитывать интересы подростков.
12. Долг и обязанность матери, отца, детей перед семьей и гражданское воспитание.
13. Культура желаний подростков. Ограничение и дисциплина желаний — важное условие правильного воспитания. Воспитание умения управлять желаниями.
14. Воспитание индивидуальных наклонностей и способностей.
15. Что читать подросткам. Семейная библиотека и воспитание подростков. Недопустимость потребительского отношения к духовным ценностям. Проблема духовных потребностей.
16. Воспитание воли подростков.
17. Воспитание мужества у мальчиков.
18. Воспитание девочки — будущей матери.
19. Воспитание честности и правдивости в годы отрочества.
20. Патриотическое воспитание подростков. Воспитание готовности к защите Советской Родины.
21. Семья как коллектив и воспитание подростков.
22. Эстетическое воспитание подростков.
23. Профессиональная ориентация подростков.
24. Как достигнуть того, чтобы знания стали потребностью подростков.
25. Предупреждение нервных заболеваний в годы отрочества.

26. Предупреждение безволия и слабоволия, бесхарактерности и беспринципности, индивидуализма, корыстолюбия.

27. Конформизм в среде подростков.

VIII—X классы

1. Анатомо-физиологические и психические особенности юношей и девушек 15—17-летнего возраста.

2. Единство физической, нравственной, социальной и половой зрелости.

3. Умение уважать юношескую самостоятельность.

4. Становление мировоззрений и убеждений в годы юности.

5. Воспитание нравственной стойкости, бескомпромиссности, несгибаемости, непримиримости к злу.

6. Книга в духовной жизни юношества. Личная библиотека юноши и девушки.

7. Единство нравственного, эстетического, эмоционального и полового воспитания юношей и девушек.

8. Воспитание гражданского долга у юношей и девушек.

9. Трудовое воспитание юношей и девушек.

10. Самовоспитание в годы ранней юности.

11. Духовные потребности юношества и их развитие.

12. Умственное воспитание и интересы юношества.

13. Воспитание индивидуальных наклонностей, способностей, призвания.

14. Знания, убеждения, поведение юношества.

15. Как говорить с юношами и девушками о любви, семье и браке.

16. Режим труда и учебы в годы ранней юности.

17. Профессиональная ориентация и выбор специальности.

18. Правовое сознание юношества.

19. Роль примера старших в воспитании юношества.

20. Общественно полезная и гражданская деятельность юношей и девушек.

21. Педагогический такт в воспитании юношества.

22. Предупреждение нервных и сердечных заболеваний в годы юности.

23. Воспитание мужества, стойкости, несгибаемости.

24. Подготовка юношей к службе в Советской Армии.

25. Руководство чтением юношей и девушек.

26. Научить юношей и девушек дорожить нравственными святынями нашего общества.

СОДЕРЖАНИЕ

Сухомлинский В. А.
С 91 Мудрость родительской любви / Сост. А. И. Сухомлинская. — М.: Мол. гвардия, 1988. — 304 с., ил. — (Б-ка для родителей).

ISBN 5—235—00608—9

В книгу «Мудрость родительской любвн» вошли произведения из педвгогического наследия В. А. Сухомлинского (1918—1970), известного советского педвгога, подвижникв, отдввшего всю свою жизнь, все свое сердце самому благородному делу ив Земле — воспитанию человекв. Семья — основв всего человеческого и основв нашего общества. Забота о семейной педагогике всегда волиовала В. А. Сухомлинского, не отделявшего школьное воспитвние от семейного и считавшего, что «нет сложнее мудрости, чем отцовская и материнская мудрость воспитвтелей человека». Как воспитать настоящего человека — вот главный вопрос его творчествв.

С $\frac{4301000000-020}{078(02)-88}$ 078 — 87 **ББК 74.90**

ИБ № 5830

Василий Александровнч Сухомлинский

МУДРОСТЬ РОДИТЕЛЬСКОЙ ЛЮБВИ

Редактор М. Гвиничевв
Художник О. Смирнов
Художественный редактор А. Степанова
Технический редактор Р. Сиголаева
Корректоры Л Четыркина, В. Назврова.

Сдано в набор 03.07.87. Подписано в печать 25.11.87. А01268. Формат 84×108[1]/32. Бумага типографская № 1 Гврнитурв «Лнтературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 15,96. Условн. кр.-отт. 16,71. Учетно-изд. л. 17,1. Тираж 100 000 экз. Цена 1 руб. Заказ 1217.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфнческого объеднения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

ISBN 5—235—00608—9

Воспитание духовной готовности к мудрой родительской любви — это сейчас, на мой взгляд, одна из самых важных и тонких задач в сфере становления нравственных основ нашего общества. Глубоко ошибочным является взгляд.., согласно которому общественная деятельность гражданина нашей страны — это нечто совершенно не связанное с воспитанием детей, с выполнением родительских обязанностей. Воспитание человека, воспитание собственных сына и дочери — важнейшая, первая общественная деятельность гражданина, его гражданский долг.

В. СУХОМЛИНСКИЙ

1 руб.

Издательство «Молодая гвардия»

В.Сухомлинский Мудрость родительской любви